

Сергей Демьяхин

Экстремальное ЧТИВО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Юрьевич Демьяхин

Экстремальное чтение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70320163

SelfPub; 2024

Аннотация

Уход жены, запой, появление непонятных персонажей и последующий безумный круговорот событий ведут главного героя и его спутников к раскрытию главной тайны всей его жизни.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	42
Глава 4	61
Глава 5	77
Глава 6	93
Глава 7	111
Глава 8	132
Глава 9	150
Глава 10	161
Глава 11	185
Глава 12	199
Глава 13	218
Глава 14	237
Глава 15	260
Глава 16	283
Глава 17	300
Глава 18	323
Глава 19	343
Глава 20	360
Глава 21	382

Сергей Демьяхин

Экстремальное чтение

Глава 1

Чёрт бы разодрал эти китайские будильники. Ждать, когда в полуторавольтовой, китайского же производства, батарежке, закончится заряд, не было ни времени, ни сил. Впрочем, сил также не было и на то, чтобы встать с дивана и отключить, наконец, одуревшего от безнаказанности, назойливого пискуна.

Иван с мучительным стоном повернулся со спины на бок и накрыл лицо подушкой, но проклятая тварь пробивалась и сквозь эту пуховую(если верить теще), толстую защиту. Противоборство представителей двух разномастных цивилизаций закончилось в пользу хрупкого пластмассового изделия далёкой Поднебесной. Тонкий музыкальный слух Хламина не был рассчитан на длительное воздействие этого орудия пыток и ему волей-неволей пришлось признать свое поражение.

Сев на диване, Иван вдруг понял, отчего, собственно, обострился слух. В голове гудело, шарахало по лбу, вискам и затылку утреннее похмелье, проще говоря – будун.

– Ы-ы, – вырвалось у него изо рта, а домашняя мебель

пустилась в дикий, залихватский перепляс.

Сощутив глаза, Иван попытался установить местонахождение будильника, но не смог. Какой гад завел его вчера? На работу только завтра, (или послезавтра?), но за каким шутком его будить?

– Погудели на славу, – просипел он. – Нет. Не так. Погудели со Славой. Или с Вовой? Черт, ни хрена не помню! С кем же я так нагуделся?

Он уткнулся лицом в ладони, застонал и стал раскачиваться из стороны в сторону. Комната тоже качалась и Иван подумал, что если он сейчас поднимется, то вряд ли сможет адекватно реагировать на семибальные колебания, сотрясающие помещение.

Однако проклятая избушка с циферблатом продолжала свое чёрное дело.

– Да заткнись ты! – рявкнул Иван, зажимая уши руками, но, судя по результату, в будильник забыли воткнуть программу-переводчик с русского на китайский и тот так ничего и не понял. И как оказалось зря.

Иван раздражённо схватил хваленую тёщину подушку и, вложив в бросок всю свою ненависть, швырнул её в сторону наиболее вероятного нахождения противника.

Ему повезло. Вслед за мягким шлепком послышался грохот разбивающейся хрустальной вазы, подаренной кем-то из многочисленных родственников жены на вторую годовщину свадьбы. И будильник замолчал, по-видимому обидевшись

на столь неблагодарное обращение.

– А–а, – Иван погрозил ему пальцем и счастливо упал на спину поперек дивана. – Знай наших, китайская рожа! Чёрт, ну с кем же мы вчера так надрались?

Последние две недели прошли как в тумане. Жена, собрав чемоданы, сбежала к мамочке и он, "на радостях", запил. За это время в его однокомнатной квартире перебивали, наверное, все окрестные алкаши, с которыми он уже начал пить на брудершафт, празднуя неожиданную свободу.

Два дня назад жена позвонила и сообщила, что подала на развод, обзывалась нехорошими словами, плакала и грозилась. Потом слово взяла тёща и Иван, в перерывах между стаканами с водкой, слушал ее гневно-обвинительный трёт, жестами и мимикой передавая страсти, бушевавшие на телефонной линии окосевшим о переизбытка спиртного грязным, помятым собутыльникам. Те дружно ржали, выражали солидарность, подбадривающе хлопали по плечам и между делом интересовались, есть ли у него ещё на бутылку.

Самое смешное было в том, что Иван никак не мог запомнить имен этих безликих рыжих, лысых, кривых и горбатых. Кто же из этих Васек, Петек или Мишек все таки завёл вчера будильник?

– Козлы, – равнодушно пробормотал он, зевая во весь рот.

Лежать было приятнее, чем сидеть, а стоять он ещё не пробовал. Голова продолжала буянить, напоминая, что она всё же есть и в ближайшее время ещё понадобится.

– Пора заканчивать с пьянкой, – не прекращая зевать, морщась от боли, сказал Иван сам себе. – Праздник что-то затянулся.

Он открыл глаза. За окном вовсю жарило солнце, настыр-но разглядывая его сквозь стекло. По всему периметру комнаты валялись пустые бутылки, окурки, обглоданные корки хлеба, рыба чешуя и много чего ещё из этой серии.

– Да-а, – протянул он, вновь принимая сидячее положение, отчего мебель и стены возобновили пляску, правда, чуть сбавив темп. – До чего ж ты докатился, майн френд? Превратил дедушкин дом в полный сральник. Старик в гробу перевернется, если ему кто расскажет о таком похабстве.

Иван Хламин шмыгнул носом и с отвращением преодолевая апатию, поднялся на ноги. К его искреннему удивлению ничего сверхъестественного не произошло. Так же болела голова, по прежнему мучались в танце стены и хотелось курить. Нет, сперва всё-таки хлебнуть холодной воды из-под крана.

Он наметил себе траекторию наиболее безопасного достижения кухни, заранее предугадывая места возможных препятствий, потом собрал жалкие остатки воли в кулак и пошел. На кухне царил бардак в квадрате, то есть бардак, помноженный на самоё себя.

Иван усмехнулся. Некому больше пенять ему на неаккуратность, истерически взвизгивая всякий раз, когда он бросал снятые носки не в корзинку для белья, а в какой-нибудь

дальний угол комнаты. Жена вылизывала их квартиру с маниакальной целеустремленностью и не дай бог ему было поставить взятую вещь не на свое место. Понятно дело, когда кроме профессии домохозяйки за спиной только десять классов, ничего другого не остается, но не до такой же степени! Хорошо ещё, что детей за два с половиной года так и не нажили.

Иван крутанул вентиль, но кроме унылых завываний из крана ничего не вытекло.

– Ух, чтоб вам! – ругнулся он и погремел чайником в надежде хоть там услышать что-нибудь обнадеживающее. Но, увы, чайник был пуст, как барабан.

– Вы чего, все сговорились, что ли? – обиделся Иван. От того, что вода стала совсем недоступной, жажда вцепилась в горло ещё сильнее.

– Ну, если еще и сигарет нету! – пригрозил он неведомым недоброжелателям.

Сегодняшнее утро словно решило поиздеваться на нем – сигарет и в самом деле не оказалось, Зато обмусоленных бычков валялось в избытке. Однако, пить хотелось просто невероятно.

– Хрен с вами! – сдался Иван. – Опускаться, так на самое дно.

Взяв пустой грязный стакан, он нюхнул его, передернулся от подступившей тошноты и пошёл в ванную.

– Ура!

Под крышкой сливного бачка таилось от глаз людских целое состояние. Через пять минут бачок опустел на одну треть, а жажда, скрепя сердце, отступила.

Иван удовлетворенно уселся на унитаз. Теперь можно и покурить. Идти за сигаретами? Это значит спуститься с пятого этажа по семидесяти семи ступенькам, потом пройти пятьдесят метров до ларька, протянуть в окошко деньги...

– Ага, вот ты и попался, – криво ухмыльнулся он. – Денег-то больше нет.

Хотя, даже если бы они и были, вряд ли бы он пустился в столь и трудный путь в таком состоянии. Тем более, что потом предстояло ещё более страшное и утомительное возвращение домой.

Иван поднялся и сфокусировал взгляд на своем зеркальном отражении.

– Кто здесь? – спросил он и провел пальцем по запыленной поверхности зеркала. – Неужели это чучело – Хламин Иван Сергеевич, одна тыща девятьсот восемьдесят первого года рождения? Как же ты изменился, приятель.

Жена упала бы в обморок, узрей она его в этом новом имидже. Она вообще любила стандарт во всем, но что поделаешь, если муж ей попался такой нестандартный?

Иван вздохнул и отправился собирать окурки, что ещё оставалось? Распотрошив десятка два бычков, он свернул козью ножку, прикурил от спички и жадно затянулся.

– Прямо как в анекдоте, – сказал он, выпуская вонючий

дым из легких. – Жизнь-то вроде налаживается.

Мирно пыхая, он взирал на свои апартаменты и думал превратностях судьбы. Чего Надьке не хватало? Ну, не Рокфеллер, конечно, и не Джонни Депп, зато и квартира в наличии, пусть тесная, и машина, пусть "копейка". Терла бы свои полы, щи варила, да рожала детей, всё равно больше ни на что не годна. Так нет – она, видите ли, создана для большего. А для чего большего? Мыть паркет во Дворце Съездов? Дура!

Это все тёща, змея! Это все она. Сама то в жизни к грязной работе не прикасалась, а дочку родила, скорее всего, для того, чтобы взвалить на нее все домашние обязанности. Тесть роли не играет, тряпка, ботаник чёртов. В смысле, ботанику преподает.

Иван сперва опечалился уходом супруги, но, прикинув, решил, что так будет лучше. Та, прежде чем принять любое решение, даже самое пустяковое, непременно советовалась с любимой мамочкой. Слава Богу, он в этой семейке ни дня не прожил, иначе это и ускорило бы развод и основательно подпортило бы ему нервы, поскольку Иван, в отличие от жены, привык думать самостоятельно.

Надежда, глядя на мать, обращавшуюся с мужем, как с мебелью, пыталась тоже играть не только первую, но и все скрипки сразу, но вот как раз этого-то Иван допустить никак не мог. И вот, в очередной раз, когда он пришел с работы уставший, голодный и злой, она с порога заявила ему, что

они должны продать квартиру и переехать к маме. Иван не выдержал и послал жену куда подальше. А также выложил все, что он думает о ней и о тёще, причем некоторые слова соединял некоторыми словами из ненормативного лексикона.

Итогом дальнейшего скандала явился мощный хлопок дверью, уведомление о разводе и продолжающуюся по сей день непрерывная пьянка. Ивана прорвало, начальник вошел в его сложное положение, (сам был грешен), и подписал отпуск по семейным обстоятельствам.

Бычок обжёг пальцы, он выругался и, швырнув его в раковину, подул на обожжённое место. Неожиданно кран, как по команде, вдруг ожил и принялся плевать ржавой водой.

– Оба на! – удивился Иван. – Противопожарный, что ли?

Он встал, стараясь твёрдо держаться на ногах, дождался, когда струя станет более-менее прозрачной, намочил руки и сполоснул небритое лицо.

Может быть он сам завёл вчера будильник? Но зачем? И вообще, какое сегодня число? День недели? Месяц? Год?

– Допился, Ванюшка, – икнул он и, фыркнув, закрыл вентиль.

И тут прозвонил дверной звонок, отчего у Ивана проснулись разом все молотобойцы со своими кувалдами и застучали внутри головы по лбу и правому виску.

Он дико завыл и вновь открыв кран, сунул голову под воду. Молотобойцы сгрудились в кучу, забыв об усобице и на-

чали пробивать себе дорогу через затылок.

– Кого там чёрт принес? – крикнул Иван, отплевываясь.

Звонок раздался еще раз. Он матюгнулся и как был в одних трусах, пошлепал открывать.

На пороге стояла кукла Барби. Нет, Белоснежка, а может быть их двоюродная сестра, лет этак двадцати трех-двадцати пяти. Она недоуменно пялила огромные глазищи, а Иван в свою очередь вылупился на ее ноги, неизвестно зачем прикрытые мини-юбкой.

– Вам кого? – нахально спросил он, привалился к дверному косяку и принял самую непринужденную позу, на которую был способен его мандражирующий организм.

– В-вас, – неуверенно ответила девушка.

– Слушаю.

Иван напустил на себя туманно-серьезный вид, что выглядело в данный момент более чем смешно, так как он был похож на одичавшего геолога, отбившегося от своей группы. Семейные трусы по коленки, кстати, единственное, что прикрывало измученное пьянкой тело, положительных эмоций не добавляли. С мокрой головы тонкими струйками стекала ржавая вода.

– Я, наверное, не вовремя, – Барби попятилась к лестнице.

– Отчего же? – удивился Иван. – Вы как раз успели к утреннему кофе.

Честно говоря, он ничего не понимал в происходящем. Он спал, никого не трогал и тут вдруг одно страшное событие за

другим. Вначале этот скотский будильник, потом полуголая кукла за дверью. У него появилось странное ощущение, что эти два события как-то связаны между собой. Но вот как, было не ясно.

– Вы по объявлению? – спросил он.

– Какому объявлению?

– Нет? Странно. Но все равно, прошу.

Иван чуть отступил и сделал какой-то, непонятный даже ему самому, жест рукой. По всей видимости, тот должен был означать что-то среднее между "заходите, пожалуйста" и, "извините, что я в таком виде".

Барби оторопело постояла мгновение, вероятно раздумывая – а стоит ли? Но наконец решилась, протискиваясь между ним и дверью в прихожую.

– Простите меня душевно, – продолжал он и тряхнул головой, чтобы хоть немного развеять туман в глазах. Сзади девушка выглядела также прекрасно, как и спереди.

– У меня тут немножко беспорядок.

– Ничего, ничего! – успокоила она его и хотела было улыбнуться, но при виде "немножко беспорядка" раздумала и на минуту лишилась дара речи.

– Это все фамилия виновата, – пояснил Иван, в поисках штанов взглядом шаря по комнате. – Понимаете, все мои предки по батюшкиной линии вот уже триста лет как Хламины и мне, последнему отпрыску, приходится поддерживать фамильную репутацию.

Он порол всякую чушь. Какие предки трехсотлетней давности? Дальше деда родовая линия уходила в непроницаемую мглу.

Девушка, однако, быстро справилась со своими чувствами и наконец улыбнулась. Судя по всему и дар речи воскрес, поскольку Иван опять услышал её голос.

– О каком объявлении вы говорите? – спросила она, осторожно переступая через кучки мусора.

– Да так, ни о каком. Но ведь не доброго же утра вы пришли мне пожелать. Так, ляпнул первое, что пришло в голову.

Он нашёл, наконец, старые тренировочные брюки и теперь старательно искал ногами штанины. Те упрямо не подчинялись и Иван обзлénно засопел.

– Вы что, ничего не помните? – догадалась Барби.

– А что я должен помнить? Хотя да, ты права. Я действительно ничего не помню.

Кое-как одевшись, он облегчénно вздохнул.

– Подожди немного, ладно? Сейчас я чуть поправлюсь.

Он все ещё не знал, что думать по поводу странной визитёрши. Мешал больной череп и вдруг возникшее чувство неловкости за бардак и свой собственный внешний вид. С головой окунувшись в тумбочку, Иван принялся шарить в ней обеими руками в надежде отыскать что-нибудь обезболивающее. Девушка присела на краешек дивана и молча наблюдала.

– О! – сказал он радостно. – Цитрамон! Как мне повезло!

– Вы правда меня не помните? – спросила Барби. – Мы вчера познакомились.

– Да? – удивился Иван. – Не может быть. Такое не забывается. И где это случилось?

– В парке.

– В парке? А что я там делал?

Он выковырял из упаковки все шесть таблеток, кинул их в рот и принялся жевать. Девушка сморщила свой хорошенький, кукольный носик и, не в силах наблюдать это отвратительное зрелище, отвела взгляд в сторону. Впрочем, и там было ненамного лучше.

– Значит, говорите в парке? – чавкая, спросил он, изображая задумчивость. – Сейчас подумаем. Я был в парке. Или это не я был в парке. А-а, понял! Вы меня с кем-то перепутали, так?

– Нет.

– Тогда я вообще ничего не понимаю.

– Мы договорились о встрече.

– Да-а? – Иван со значение посмотрел на неё. – И что мы собирались делать?

Окинув мутным взглядом ее божественную фигурку, он только тут вспомнил, что является свободным мужчиной и, следовательно, в состоянии позволить себе небольшой флирт. Хотя, вряд ли эта куколка польстится на такого. Он уже видел себя сегодня в зеркале.

– Вы обещали помочь мне.

Иван нахмурился и сел рядом с ней. "Вспоминай, вспоминай!" – твердил он себе.

– А вы никогда не запиваете таблетки? – спросила девушка. – Знаете, это очень вредно.

– Как тебя зовут? – вопросом на вопрос ответил он.

– Саша. Александра. Не помните? Я ещё с другом вашим была, Павлом.

Иван вдруг напряженно выпрямился.

– Точно! Пашку помню! Был Пашка!

– Ну вот, – обрадовалась она.

– Но вот тебя что-то не помню, Александра. Хотя это, в принципе, не важно. Ладно, в чём я там тебе обещал помочь?

– Вы сказали, что возьметесь за моё дело. Нет, ну неужели вы и правда не помните? Павлик потом ещё ушёл, а вы проводили меня до остановки.

– Пора завязывать с пьянкой, – пробурчал Иван, изо всех сил пытаясь припомнить вчерашний вечер.

Утро он примерно представлял, оно было похоже на сегодняшнее, только без будильников и гостей. Гости появились позже, в виде все тех же замызганных, пропитых рож. Но вот как он оказался в парке?

– Послушай, а Пашка слышал, о чём мы с тобой говорили? – спросил он.

– Не все. Как только я стала вам пояснять суть дела, он и ушёл.

Иван в недоумении хлопал глазами. Вот что делает с

людьми зеленый змей! Бывает же такое!

– Подождите минутку, – попросил он гостью и, вскочив с места, бросился на кухню к телефону. – Я сейчас! – крикнул он ей, схватил трубку и заперся в туалете.

Вновь усевшись на унитаз, Иван набрал номер.

– Алло, – зевнула трубка.

– Пашка, ты?

– Я. А ты кто?

– Хламин.

– А–а. Здорово, – Павел засмеялся.

– Ты чего ржёшь?

– Да так. Ну ты даешь, братень, ха-ха! Молодец!

– Чего я даю? Говори, что вчера было, я не помню ничерта.

– Окстись, Ваня.

– Что я обещал этой ...Александре?

– Ты, честно говоря, уже лыка не вязал, но держался бодрячком, сыщик.

– Какой еще сыщик?

– Да ты же сам Сашке сказал, что ты частный детектив, Вот она и вцепилась в тебя, как клещ. У нее так какие-то проблемы с мужем. Я чуть со смеху не помер...

– Спасибо, – ошеломлённо пробормотал Иван и отключил телефон.

Вот так номер! Зачем он наврал этой красотке? Какой, к едрене-фене, частный детектив? Вот уже пять лет он рабо-

тает водителем на автобазе и суть его деятельности так же далека от частного сыска, как Луна от Земли. Чего он там напридумывал вчера? Девочка понравилась, наверное хотел произвести впечатление, вот и наплел с три короба.

– Пора завязывать с пьянкой, – в который раз уже пробормотал он и понуро встал с унитаза.

Александра сидела на прежнем месте и терпеливо ждала. Иван задумчиво остановился посреди комнаты. Сказать ей сразу? Так будет лучше всего. Но тогда она уйдёт и навсегда исчезнет из его жизни. А ему вдруг захотелось, чтобы она осталась, уж больно хорошенькая.

Таблетки оказали нужное действие. А что? Пусть думает, что угодно. Наверяд ли у неё настолько серьёзная проблема, чтобы это как-то отрицательно могло отразиться на нём. Небольшое любовное приключение и все. Вот только стоит навести порядок в квартире.

В принципе, что он теряет? От отпуска еще две недели, жена... ее уже нет.

– Что за проблема у вас? – спросил он.

– Так вы берётесь? – обрадовалась Александра.

– Только задаток вперед, – высокомерно ответил Иван. Деньги не помешают. Тем более, их нет вообще.

– Конечно! Проблем нет. Сколько скажете, столько и будет.

"Ну надо же, – подумал он. – Мы ещё и из богатеньких. Кто ж тогда у неё муж-то?"

– Я надеюсь, вы ничего такого не подумаете, – продолжил он. – Я имею в виду этот маленький беспорядок. После нашей вчерашней встречи ко мне приходили друзья, ну и ... сами понимаете, посидели, поговорили.

– Я понимаю, – улыбнулась она.

– Обещаю, что в следующий ваш приход всё будет иначе.

Одно вранье цеплялось за другое. Начав, он не мог уже остановиться. Да и к чему? Если девушка она умная, то скоро сообразит, что он за фрукт. Хотя, кто знает, как в её представлении должен выглядеть настоящий частный детектив?

– Понимаете, – начала Александра, – мне в последнее время кажется, что мой муж хочет...

– Что хочет? – спросил Иван, увидев её замешательство.

– Убить меня!

"Нормальное начало!" – мелькнула у него тревожная мысль.

– И в чём же это проявляется?

– Господи, да во всём!

Александра всхлипнула и её личико из кукольного вмиг превратилось в обыкновенное русское лицо.

– Сколько тебе лет? – спросил Иван первое, что пришло на ум. Ему вдруг захотелось подойти к ней и обнять, но вновь придиричиво оглядев свой внешний вид, он передумал.

– Ну, хватит. Этого только не хватало. Может быть тебе это всё показалось? Может, ничего страшного на самом деле нет?

– Нет, есть. Мне двадцать восемь, – ответила она невпопад.

– Хорошо сохранилась, – пробормотал Иван тихо, подумывая уже пойти на попятную.

– Я заплачу вам, – сказала она, вытирая слезы. – Только помогите.

– А может быть тебе обратиться в полицию?

– Что вы! Он сразу всё поймет.

– Да кто он у тебя? Нефтяной магнат? Или главарь мафии?

– Он бандит. И все его друзья – бандиты.

– Ничего себе! – вырвалось у Ивана.

– Так вы поможете мне? – жалобно спросила Александра.

Он уселся на диван, ноги что-то резко устали. Нехилая сложилась ситуация. Лёгкий флирт вполне может осложниться тяжелыми последствиями. Чего корчить из себя бог знает кого? Это только в книжках сыщики напрочь лишены страха, да и то только потому, что писаки, которые их выдумывают, воплощают в них свои сокровенные мечты. Кому же не хочется быть смелым, ловким и удачливым? О том, что те супергерои, образы которых культивировались веками, нет-нет, да наложат в штаны, почему-то старательно умалчивается. Но по земле ходят самые обыкновенные люди.

Иван и сам иногда почитывал детективчики, но вот стать одним из действующих лиц – увольте, жизнь, она знаете ли, дороже всяких лавров, зачастую посмертных. Однако, как отказаться?

Он опять чертыхнулся, проклиная тот день и час, когда ввязался в компанию по уничтожению спиртных напитков путем их поглощения. В глазах Александры светилась надежда, она тоскливо смотрела на него и, казалось, не замечала царящего вокруг беспорядка.

– Я помогу, – неожиданно для самого себя сказал вдруг сказал Иван. – Только чем?

"Что ты делаешь? – заорал внутренний голос. – Кто ты такой? Нет никто и звать тебя Ванятка Хламин, тридцатидвухлетний дурак, практически смертник".

– Я дам вам фотографию, сотовый телефон и все данные, которые будут необходимы.

– А денег дашь? – ненавязчиво спросил он.

– Ну, разумеется.

– Отлично!

– Вот снимок Саши. Это в сауне, – она протянула ему небольшую фотографию.

– Чей снимок? – не понял Иван. – Твой, что ли?

На него, оскалив пасть, смотрел голый битюг, килограмм, эдак, ста пятидесяти.

– А ты здорово похудела, Сашенька.

– Это мой муж, – поправила его она. – его тоже зовут Александром.

– А-а, понятно! Только зачем она мне?

– Ну, должны же вы знать его в лицо.

– Я смотрю, ты тоже кое-что понимаешь в сыскном деле, –

многозначительно произнес он.

– Книжки читаю, – улыбнулась Александра.

– Понятно.

Иван все понял, кроме одного. Чего от него хотят? Слишком стремные ребята эти бандиты. Кто поручится, что через пару дней его не отправят на пожизненный отдых в какое-нибудь романтическое болото с камнем на шее? Черт побери, ну зачем он вчера оказался в парке? Значит именно для этого он завел проклятый будильник. Да-а, жизнь принимает неожиданный оборот.

Александра встала, расправила свою малюсенькую юбочку и подошла к нему.

– Я так надеюсь на вас, Иван, – тихо сказала она.

Близость женского тела пробудила в нем слегка подзабытые инстинкты, но он понимал, что в таком виде на роль любовника явно не тянет. Однако, к его искреннему удивлению, Александра наклонилась и зашептала ему на ухо:

– Пойдем в ванну.

Два раза уговаривать не пришлось. Через час Иван был готов следить за самим президентом. Она ушла, оставив в прокуренной квартире аромат тонких духов.

– Вляпался ты, приятель, – сказал он зеркалу. – Не знаю, насколько глубоко и жидко, но вляпался основательно.

Зажав в кулаке пятисотрублевую купюру, Иван вышел из дома и отправился за сигаретами. Была уже половина двенадцатого утра

Глава 2

Иван долго скоблил щетину одноразовым станком. С таким же успехом он мог бы побриться и алюминиевой проволокой, поскольку станок, судя по его работоспособности, был наверно, лишь немногим моложе его самого.

Часа полтора он вспоминал, каким образом Надежда подметала и мыла полы. Пылесос оказался неисправным и он мысленно похоронил его, решив выкинуть на свалку. В конце концов, к его глубокому удивлению, квартира приобрела более-менее благопристойный вид, но чтобы напрочь убить память о сбежавшей супруге, Иван занялся перестановкой мебели.

– Мы будем жить теперь по-новому... – мычал он сквозь зубы, двигая тяжеленный гардероб. Диван был поставлен посреди комнаты. Для чего, он и сам не знал, но счёл, что это круто. Александра обещала зайти вечером и ему хотелось паразитить ее полным перевоплощением.

В ванне она вела себя несколько вульгарно, с Надькой такого никогда не было. Жена предпочитала тайный секс, то есть под одеялом и в темноте. Зато Сашка заставляла разглядывать себя, бесстыдно принимая самые извращённые позы. Ну как после этого было возможно ей отказать? Иван потерял голову, он влюбился в её тело, в её вызывающе соблазнительную грудь... ну, и в прочие вещи, которыми она об-

ладала.

Единственное, что беспокоило его, так это существование бандитствующего муженька и его также бандитствующих дружков. Что ни говори, а наличие сего аргумента вполне могло перевесить всё остальное.

Когда был поставлен последний штрих в виде причёсанных волос, зазвонил телефон. Что-то напевая под нос, Иван снял трубку.

– Алло. Прачечная слушает.

Тишина. Сопенье и, вслед за ним, короткие гудки. Он усмехнулся. Безотказный приёмчик, как всегда, сработал. Вот только тёща почему-то все равно узнавала его голос, змея.

Иван сложил мусор в большой полиэтиленовый мешок и вышел на балкон посмотреть, как там на улице, воздух свежий втянуть, сигаретку покурить.

С высоты пятого этажа вид открывался не слишком радостный. Двора, где бы могли гулять дети, как такового не было, двери подъездов выходили на кирпичный забор. За забором, в травматологической клинике страдали граждане, получившие разнокалиберные увечья, ушибы, переломы и повреждения.

Справа от дома, если пройти сквозь тополиную рощицу, умудряясь по пути не вляпаться в собачьи подарки, можно было оказаться на остановке городского общественного транспорта.

Иван облокотился об ограждение балкона и лениво покурил дорогую заморскую сигаретку. Хрущёв понастроил барачных коробочек, не особенно заботясь об удобствах, зато вволю давая насладиться знанием всех мелочей семейной жизни близлежащих соседей, стоило только приложить ухо к стене. Даже балконы находились рядом.

Рядом с ним проживал пенсионер Борис Трофимович, бывший полицейский, или фсбэбэшник, чёрт его знает. Расстояние между балконами было как раз таким, чтобы поставить на кусок фанерки шахматную доску и коротать вечера. Иногда у них получались неплохие партии. Вернее, получались бы, если бы Надька не портила всю картину, поминутно отвлекая их от дела. В ее куцем понятии муж не должен был отходить от неё ни на шаг, как в том анекдоте: "Мой муж всегда рядом. Рядом, я сказала!!!"

Теперь этот кошмар позади, Иван с удовольствием открывал для себя все новые плюсы в создавшемся положении. Захотел то, захотел это – красота! Вот только с пьянкой надо завязывать.

– Да, пора! – зевнув, сказал он и выбросил окурок. Вращаясь как пропеллер, тот канул вниз и упал на крышу только что подъехавшего огромного внедорожника.

– Гы-гы, – усмехнулся Иван.

Из машины выкатились три колобка и, хлопнув дверями, вкатились в его подъезд. Один из них мельком глянул вверх и он невольно отпрянул, подумав, что те заметили его

оплошность.

На лестнице раздался топот ног и Иван почему-то подумал, что звуки шлепающих по ступенькам ботинок затихнут возле его квартиры. Обрывки мыслей мелькнули вразнобой и сгруппировались в стройный ряд: Александра, муж-бандит, дружки мужа-бандита тоже бандиты, чёрный джип с тремя круглолицыми, кожаными колобками...

Стремительный полёт мыслей прервал звонок в дверь.

Иван вспомнил, как однажды на трассе он чуть не столкнулся с автобусом.

– Полный стрём! – в панике прошептал он.

Состояние душевного равновесия резко завалилось набок, он подскочил к двери и, заглянув в глазок тут же рванул назад. Колобки заполнили всю лестничную клетку, удивительно было, как они там вообще поместились.

– Никого нет дома, – так же шепотом произнес он и заметался по комнате, старясь, однако, производить как можно меньше шума.

В дверь забарабанили руками и ногами, звонок звонил беспрерывно.

– Эй, урод, открывай! – загремел чей-то голос.

– Сам урод, – тихо огрызнулся Иван и выскочил на балкон.

Из прихожей начали доноситься звуки, возвестившие о том, что в скором времени входную дверь придется менять. Если будет кому... Он осторожно глянул вниз. Автомобиль стоял на месте.

– Обложили, козлы!

Иван с тихим ужасом посмотрел на соседский балкон и в мгновение ока перемахнул к Трофимычу под окна. Старого хрыча дома, по всей видимости, не было, так как на жалобное постукивание по стеклу реакции не последовало никакой.

– Все! Это конец! – запричитал он и попытался открыть дверь, но опять-таки безрезультатно. – Полный конец!

Обречено повернувшись к многоглазой больнице, он представил, что, вероятно очень скоро будет любоваться видом, открывающимся из ее окон. Если не хуже.

На его балконе возникло тело необъятных размеров.

– Эй, мужик, ты кто? – спросило оно

– Я? – Иван оглянулся.

– Ты, ты.

– Сосед.

– А этот где?

– Кто?

– Ты чё, издеваешься, мудило? – взвизгнуло тело.

– Ну, что вы! – испугался Иван и отступил на шаг. – Как же ж можно ж?

Бандюга свирепо окинул его взглядом с головы до ног, что-то прикинул в своей башке и махнул рукой:

– Иди сюда!

– Не-а, – Иван отрицательно покачал головой.

– Мне чё, в натуре, самому к тебе лезть? Иди сюда, гово-

рю, базар есть. Не бойся, не трону.

– Ага, не трону! Нет, ну ты... вы скажите, неужели из-за какого-то проклятого бычка нужно было дверь ломать?

– Какого ещё бычка?

Настала очередь опешить и бандиту.

– Хочешь, я те... вам всю машину помою? Я что, виноват, что вы так быстро подъехали?

– Ты, чё, дурак? – с издевкой спросил бандит.

Из дверного проема показались остальные и Иван взмолился, чтобы балкон обрушился под их совместной тяжестью.

– Дурак, – ответил он и скорчил даунскую рожу.

Говорят, кто в армии служил, тот в цирке не смеётся. Вероятно, эти не служили, поскольку тут же заржали в три глотки.

– Ну, ты даёшь, мужик! – покраснев от смеха, всхлипнул главный бандит и вытер выступившие на глазах слёзы. – Ладно, иди сюда, не тронем, мамой клянусь.

– Откуда мне знать, что ты... вы не врётё? – спросил Иван, выходя из образа умалишенного. – Сейчас перелезу, а вы меня паяльником пытаться начнёте. Только предупреждаю – я не знаю ничего. И денег у меня нет. Я простой советский водитель грузовика.

Бандиты переглянулись.

– Кто ты?

– Шофёр, Хламин Иван Сергеевич.

– А–а! Хламин Иван Сергеевич! А ты, случаем, не частный ли детектив?

"Опа! Точно, это они! Муж бандит со-товарищи".

– Кто вам сказал? Какой такой частный детектив? – изобразив недоумение, спросил Иван. – Я на восьмой автобазе работаю, можете проверить.

– Ну, это... ты мою жену трахал? – спросил вдруг главный и он понял, кого из этой троицы зовут Александром.

– Вы что?! Я вообще не имел женщин уже две недели, – пожаловался Иван. – От меня жена ушла, бросила на произвол судьбы.

– Ты это, Хламин, хорош комедию ломать, иди сюда.

– А вы не сделаете мне больно? Вы обещали. Я очень боюсь боли.

Его понесло. Может, не убьют? Ребята-то вроде ничего, не кровожадные и с чувством юмора. Он уже в который раз проклял все свои пьяные похождения. Да, теперь он и сам поверил Александре, такого мужа можно бояться. Кто его знает, сейчас возьмёт вот, да и скинет с балкона.

Иван осторожно перелез к ним, страшно боясь гибельной участи, но видно, братва несколько подобрела после его кривляний, поэтому знакомство увенчалось только лишь лёгким тычком под ребра и разорванным рукавом рубашки.

Он лежал на диване и, постепенно приходя в себя, думал о том, что Александру, скорее всего, уже убили, иначе откуда эта банда могла знать такие подробности? Начиная с адре-

са, кончая интимной сценой в ванне. Возможно, её даже пытали, прижигая раскалённым утюжком и без того загорелое тело. И она, теряя от нестерпимой боли, сознание, раскололась. Впрочем, если бы ему самому только показали включённый в розетку утюг, то он бы тут же выложил, что знает и что не знает.

– Ну чё? – услышал он голос Александра. – Будешь говорить правду?

– Буду.

– Вот и молодец! Говори.

Колобки стояли кучкой и ждали объяснений.

– А что говорить-то?

Иван приподнялся и, стащив оторванный рукав, с сожалением сложил его и, аккуратно расправив, положил рядом с собой.

– Да я так и всё знаю, браток, – усмехнулся Александр. – Чё ты жмёшься?

– Что вы знаете?

– Что моя шлюха была в твоей конуре, плакалась на житиё-битиё, что драл ты ее.

– Откуда вы знаете? Она что, сама рассказала?

Александр засмеялся.

– Нет, землячок. Есть много разных способов получить информацию. Ты, наверно, и не слышал про микрофоны в каблуках, да про маячки в булавках.

Он рассуждал с таким всезнающим и мудрым видом, что

Иван почувствовал себя полным профаном. Зря милая девушка надеялась на его частнорозыскные способности, лучше обратилась бы к своему собственному мужу, у него это здорово получается.

– Ну и что вы хотите делать? – спросил он.

– Да теперь и не знаю.

Александр с трудом уселся в старенькое, потёртое кресло, которое жалобно вскрикнуло под его массой.

– Насколько я успел понять, ты вообще не мент. Ни в погонах, ни на вольных хлебах. Так?

– Так, так! – поспешил заверить его Иван.

– Так какого хрена ты тут лапшу на уши вешаешь? Я свою бабу знаю, она кого ни увидит, сразу, сука, прыгает. Бешенство матки у неё.

– Да-а? – Иван постарался придать голосу удивление. – То-то я сразу подумал, что тут дело нечисто. Она ж меня изнасиловала, я не смог отбиться.

– Вот видишь, – вздохнул Александр и повернулся к друзьям. – Пацаны, идите покурите в машине, я тут с ним сам побазарю.

– Ага, – сказал один из колобков и многозначительно ухмыляясь, битюги удалились.

– Я пойду закрою, – вскочил Иван.

– Сиди, – одернул его Александр. – Чего там закрывать? Дверь теперь менять придётся.

"Нет, наверно не убьёт, – подумал Иван. – Хоть это раду-

ет".

Однако, дверь стало жалко, тем более денег на замену не было. Набраться наглости и потребовать у бандитов? Нет, лучше не стоит.

– Вот же стерва! – продолжал бандит. – Ну вот ты мне скажи, чего этим бабам не хватает? Ведь все ж для нее делаю! Шмотки? На тебе шмотки! Машину? На тебе машину! Денег – хоть жри!

– Точно! – Поддакнул Иван. – Моя-то тоже та еще овца! И это не так, и то не эдак!

Он не мог похвастаться и сотой долей того, чем одаривал Александр Александру, поэтому и выразился столь туманно. Однако, тот всё понял.

– Ты не врал про жену?

– Ты... вы о чем?

– Да прекрати ты выкать! – разозлился Александр. – Я этого не люблю.

– Хорошо, – тут же согласился Иван. – Ты о чем?

– Ну это, что жена от тебя ушла.

– Истинный крест!

– Все они суки!

– Это точно!

– Слушай, – Александр вдруг как-то по доброму посмотрел на него. Давай выпьем. Я, честно говоря, как узнал про тебя, так сразу захотел пристукнуть...

У Ивана ёкнуло в сердце.

– ...но, как увидел, что ты классный малый, так и подумал, что это всё бабы виноваты. Мы, мужики, всю жизнь страдаем из-за них, тварей.

– Да, да.

Обрадованный счастливым исходом дела, Иван соглашался со всем. Вот только завязку с пьянкой, видимо, придется отложить. Отказать бандиту в его предложении он побоялся.

– У тебя есть чего-нибудь выпить? – спросил тот.

– Не-а, нету.

– Ладно, – бандит вытащил из бездонного брючного кармана сотовик и набрал какой-то номер.

– Это, Колян! – рыкнул он в трубку. – сгоняйте в магазин, купите три бутылки водки и похавать чего-нибудь. Я буду здесь пока. Давай быстрее!

При упоминании о количестве спиртного Иван внутренне содрогнулся. Только не это!

– Значит, моя стерва думает, что я хочу её убить? – спросил бандит, поудобнее устраиваясь в кресле. Телефон он небрежно бросил на журнальный столик, на котором еще совсем недавно стояла печально закончившая хрустальная ваза.

– Говорила, – неопределённо ответил Иван.

– Дура! Всё в казаки-разбойники играется! Я уже устал следить за ней. Только на работу, она тут же за порог, представляешь?

Иван кивнул. Интересно знать, что именно Александр

подразумевает под словом "работа"?

– Ну, ладно, чего это я всё о себе? Твоя тоже рога что ли наставляла?

– Да нет.

– А чего ж тогда?

– Просто надоела, я взял и послал её куда подальше.

– Молодец! – похвалил Александр. – правильно сделал, а я вот никак не могу. Прощаю всё. Крутит, вертит мной, как хочет, а я, как дурак, слежу на ней и мучаюсь.

– А ты тоже пошли! – предложил Иван, набравшись смелости и чуть приосанился. Оказывается, и у нестигаемых крутых ребяташек есть свои странные слабости.

– Думаешь? – глядя исподлобья, спросил бандит.

– А то!

– Да не могу я, – опечаленно вздохнул тот. – Злишься на неё, но как подойдёт, расстегнёт ширинку, так и забываешь обо всём на свете.

– Да уж! – вырвалось у Ивана, но он тут же прикусил язык, заметив подозрительный взгляд крутого рогоносца. – Это я к тому, что нам, мужчинам, трудно удержаться от соблазна, а бабы этим всюю пользуются.

– Ты прав! Ты просто чертовски прав, земляк!

Александр хлопнул ладонью по ляжке, сетуя на подобную несправедливость. Раздался топот ног и в комнату вошел один из колобков, державший в руке увесистый пакет, больше похожий на картофельный мешок.

– Давай, Колян! – обрадовался бандит. – Вы, короче, езжайте домой, я тут зависну. Позвоню, если что.

– Ага, – сказал тот и ушел.

– Как дрессированный! – восхитился Иван.

– Присаживайся, – по хозяйски приказал Александр, придвинул столик к своим ногам и принялся выкладывать на него содержимое пакета.

Помимо трех поллитр на столе вмиг образовалась куча из мяса в вакуумной оболочке, нескольких банок с разноцветной икрой, ещё каких-то деликатесов и двух бутылок газированной воды.

– Тащи посуду и острый ножик, – сказал бандит.

Иван невольно сглотнул слюну при виде сего великолепия. "Нифига себе, похавать чего-нибудь!" – думал он, стараясь отыскать на кухне чистую посуду и стаканы. Острых ножей не оказалось, все они были сродни тому бритвенному станку, которым Иван скоблил лицо. Он кое-как посмурьгал один нож о другой и пальцем проверил лезвие на остроту.

– Сойдет.

Александр, видимо, не терпелось выпить, у него тоже была семейная драма. Напьёшься тут, когда жена трахается чуть ли не у тебя не на голове неизвестно с кем.

Иван расставил посуду и протянул ему нож.

– Вот, другого нету.

– Хрен с ним.

Тот с треском сорвал крышку с бутылки и сомнительно

посмотрел на стаканы.

– Ты чего принёс? – спросил он.

– А что?

– Это разве стаканы? Есть нормальные?

– Гранёные, что ли?

– Вот! Есть такие?

– Нет. Есть фужеры.

– Неси.

Иван вздохнул, забрал свои любимые полтиннички и понёс их обратно. Он уже заранее жалел себя.

– Вот это другое дело! – воскликнул Александр, когда он вернулся с двумя бокалами для шампанского. – А то притащил какие-то напёрстки.

Он наполнил бокалы почти до краёв, отчего у Ивана болезненно сжался желудок и набежала слюна. Как он вынесет такое?

– Ну, давай за знакомство! Пей до дна.

Иван начал читать заупокойную молитву. Водка в него лилась рекой нескончаемым жидким потоком. Когда он сделал последний глоток, ему можно было ставить памятник.

Александр давно уже выпил свою дозу и успел заскучать.

– Молодец! – сказал он, когда Иван утопил лицо в открытой банке с черной икрой.

Не потрудившись как следует проглотить деликатес, тот до кучи выдул полбутылки "Колы".

Бандит отрезал порядочный ломоть копчёного мяса и, су-

нув его в рот, разлил по второй.

– Мегу пегу и того пегегыга небого! – сказал он, жуя.

– Что? – не понял Иван.

Тот проглотил мясо и повторил свою абракадабру на русском языке:

– Между первой и второй перерывчик небольшой.

– А-а.

Иван хотел было возразить, но острие столового ножа, зловеще блеснувшее в руке Александра, заставило его заткнуться и взять бокал.

– Ну, будем здравы, бояре! – тостанул бандит и, не чокаясь, залил водку в горло.

– Чего ждёшь? Пей! – посоветовал он Ивану, в глазах которого ясно читалось отчаяние человека, у которого в воздухе не раскрылся парашют.

– Я... ик... не могу, – пьяным голосом сказал тот. – Если я выпью, меня вырвет.

– Да? – Александр удивленно округлил глаза. – Чего ж тут пить? Мы ж только начали.

– Это ты начал, а я продолжил.

– Что же, мне придется одному пить?

– Не знаю.

– Я что, по-твоему, алкоголик?

– Нет.

– Тогда пей!

Неизвестно, к каким последствиям привел бы второй бо-

кал водки, если бы в комнате, как привидение, не возникло бы третье действующее лицо.

Александр вздрогнул первым и схватился за сердце. Глядя на него, Иван тоже испугался. Он ещё не знал, чего нужно бояться, но ведь не будет закалённый в боях бандюга подсакивать на месте от какой-то ерунды.

– Мама! – сказал Александр. – Ты кто?

Иван в ужасе обернулся и чуть не уронил, поднесённый ко рту, бокал.

– Чур меня! – вскричал он. – Во наглючило!

В дверном проёме стояла его жена, вернее, бывшая жена.

– Что здесь происходит? – недоуменно спросила она и сделала шаг вперед.

Бандит окинул её заинтересованным взглядом.

– Вам кого, девушка?

Иван предпочёл отвернуться и поставить бокал на столик.

Александр поднялся на ноги, подошел к Надежде, обошёл ее вокруг и хлопнул Ивана ладошкой по голове. Видимо, он просто хотел привлечь его внимание, но тот от этого хлопка чуть не упал в обморок.

– Кто это? – вновь спросил бандит. – Это чё, жена твоя, да?

– Нет, это глюк, – ответил Иван, со страдальческой гримасой держась за макушку. – Вероятно у меня началась белочка.

Надежда попятилась к выходу, но Александр проворно

схватил её за локоть и, невзирая на панические попытки освободиться, потащил к импровизированному столу.

– Садитесь, садитесь, – приговаривал он при этом. – А то мне выпить не с кем. Как вас зовут, прекрасная мадам?

– На...Надя, – в страхе пробормотала она, упав рядом с уныло сидящем мужем.

– Нанадя? Чудное имя, никогда такого не слышал. А меня зовут Саша.

Александр преобразился. Судя по его расцвётшему лицу, он и сам не прочь был гульнуть от своей бешеной супружницы.

– Вот икорочки-с, извольте! – он сунул в руки Надежде целую банку красной икры, не потрудившись задуматься о том, как эта прекрасная дама будет кушать икру из запаянной банки.

– Водочки, пожалуйста! Ванька, хватит дурака валять, налей Нанаде водяры. Джентельмен ты, или кто?

– Я не хочу, – жалобно пискнула Надежда, но Иван ткнул её в бок локтем.

– Пей! Иначе живой тебе отсюда не выйти! – шепнул он ей. – Это бандит. Дверь видела?

Она с ужасом взяла стоящий перед мужем бокал и, молча глядя на Александра, начала пить.

– Пей до дна, пей до дна! – веселился тот и размахивал ножом с, нанизанным на нём, куском мяса, величиной с кулак.

Когда, наконец, показалось дно, из глаз Надежды покати-

лись слезы. Лицо налилось малиновой краской, а из груди вырвался протяжный, жалобный стон.

– Молодец! – крикнул Александр и, перегнувшись через стол, полез целоваться.

Она сидела, как статуя. Ивана передернуло при виде поцелуя далеко не дружеского характера. Водка легла на старые дрожжи довольно круто и он моментально окосел. А окосев, несколько утратил инстинкт самосохранения.

– Эй ты! Полегче! – пихнул он бандита кулаком в плечо.

Тот повернулся, облизывая губы.

– Ты чё, Ванек? Вы ж в разводе, тем более сам мою жену трахал. Тебе чё, жалко что ли?

Надежда вытаращила пьяные глаза и продолжала молчать, слушая их странный диалог.

– Ладно! – махнул рукой Иван. – можешь пользоваться. Но только один раз.

– О-кей!

Александр налил еще водки, опустошив вторую бутылку.

– Ты чего пришла? – спросил Иван.

– А-а?

Надежда посмотрела на него так, словно мучалась в догадках, где она раньше видела этого человека?

– У, напилась! – в сердцах бросил он. – Закусывать надо!

– Я поговорить хотела.

Она тоскливо всхлипнула и по-бабьи заревела.

– Чего говорить? Чего говори-ить? Ты всё уже сказала!

Александрю надоела эта их семейная перебранка, он постучал ножом по пустой бутылке и торжественно произнёс:

– Ребята! Давайте жить дружно. Молчать, я сказал!

Супруги послушно закрыли рты.

– В общем так! Собирайтесь и дуем ко мне, там и поговорите.

Глава 3

Пока Александр названивал браткам, пока допивал свою водку, наглым образом разглядывая Надежду, между ней и Иваном состоялся короткий, но чрезвычайно содержательный разговор.

– Ты во что квартиру превратил? – тихонько, чтобы не услышал этот страшный человек, спросила она. – Что у тебя с рубашкой? Где рукав?

– Моя квартира, что хочу, то и делаю, – заявил Иван. – Ты вот чего приперлась?

– Я же сказала – поговорить.

– Поговорила, блин! Теперь тебе придется мой дог отрабатывать.

– Как? – ужаснулась она.

– А ты еще не поняла? Натурой, как же еще?

– Я не могу!

– Ты должна! Вернее, должен я, но по причине того, что я мужчина, расплачиваться будешь ты.

– Почему я?

– Потому что, в отличие от меня, ты женщина, – веско произнес Иван. – И я советую тебе, чисто по-человечески, соглашайся. Иначе он убьёт тебя.

– Да за что?! – чуть не плача взвзгнула Надежда. – Я-то тут при чём? Как ты мог?

– Что мог?

– Быть с чужой женщиной?

– А что? Я свободный мужик, кого хочу, того и ... хочу!

– Кобель!

– Сама кобель!

Надежда зло прищурилась:

– Ну, ладно! С меня хватит!

Она вскочила с дивана и направилась к Александру.

– Сашенька, можно вас на минутку?

– Конечно! Даже больше!

Иван очумело уставился на жену, от которой не ожидал подобной прыти. Она обхватила шею Александра и, подпрыгнув, зажала его торс в тиски ног. Точнее, попыталась зажать, но исходя из того, что бандитский торс по своим размерам несколько превышал совокупную длину обеих ног распалённой Нанади, то её прыжок закончился совсем уж безобразно

Не удержав руками вес своего тела, Надежда отскочила от Александра, как мячик и рухнула на журнальный столик.

– А-а! – только и успела она сказать.

Дальнейшие слова утонули в страшном грохоте разлетающегося стола и разбивающейся посуды.

– Что это было? – не понял Александр, изумленно разглядывая корчившуюся в судорогах женщину.

– Нанадя, вы не ушиблись? – участливо спросил он.

– Наверное, надо помочь ей подняться, – неуверенно про-

изнёс Иван.

– Дай руку, козёл! – выпалила та, барахтаясь в куче обломков и намазывая на пол черно-красную икру.

Никто из мужчин не шелохнулся, полагая, что ругательное обращение относится не к нему.

За окном послышалось бибиканье автомобильного гудка. Александр вышел на балкон и радостно возвестил:

– Собирайтесь, за нами приехали!

Иван наконец догадался, что жена самостоятельно встать не сможет никогда и, сетуя на то, что кто-то слишком много пьёт, рывком поднял её с пола. Надежда тяжело дышала и с трудом удерживала равновесие. Только тут до Ивана дошло, что она вдрызг пьяна.

– Ванечка, дорогой, – проворковала она, – мне кажется, что я сломала руку.

Александр подошел и с видом знатока дёрнул ее за запястье.

– Нет, – сказал он, – не сломана. Я знаю, как определить. Если бы была сломана, то ты бы сейчас потеряла сознание.

– Ты дернул не за ту руку, мой милый, – засмеялась Надежда и тут же взвыла от дикой боли в другой руке..

Александр исправил свою ошибку, что и в самом деле привело к полной отключке незадачливой попрыгушки. Иван еле успел подхватить вмиг ставшее ватным тело, справедливо опасаясь, как бы супруга не разнесла что-нибудь ещё.

– Её надо в больницу! – прохрипел он.

– Подожди! – крикнул бандит. – Мои ребята всё сделают.

Он снова вышел на балкон, сунул два пальца в рот, пошипел пару секунд, потом, убедившись, что свистеть временно разучился, заорал во все горло:

– Эй, Колян! Давай сюда! Скорее, твою мать!

Не успел он войти в комнату, как из коридора с пушками наизготовку ворвались всё те же колобки. Видимо, они не разобрались, что к чему, поскольку один из них, недолго думая, звезданул рукояткой пистолета Ивану по затылку.

Тот сделал удивлённое лицо и повалился на диван, придавленный сверху телом супруги.

– Ты чё, в натуре, офонарел?! – вновь заорал Александр. – Уберите пушки, дураки! Несите их обоих в машину!

– Ага, – сказал Колян и особенно не церемонясь, взвалил на плечо Надежду.

Та слабо застонала, открыла глаза и одной рукой натянула юбку пониже. Вторая рука свисала плетью. Колян для удобства схватил её за эту самую руку и тут же чуть не оглох от взрыва в барабанных перепонках. Надежда вторично потеряла сознание.

– Чё это она? – спросил он.

– Да, руку сломала, – отмахнулся Александр.

Он наклонился и ласково похлопал Ивана по щекам.

– Вань, Ваня! Очнись.

Тот лежал, не шевелясь. Александр повторил похлопыва-

ние. Тот же эффект. Тогда, вероятно решив, что клин клином вышибают, он наотмашь хлестанул Ивана по скуле. Как ни странно, это помогло, тот закашлялся и открыл глаза. Пол-лица занимал краснеющий отпечаток бандитской длани.

– Где я? – спросил он.

– Идти можешь?

– Не знаю.

– А ты попробуй.

Снизу посигналила машина, наверное Колян уже загрузил Надежду в салон.

– Вставай, друг! – приказал Александр.

Иван поднялся и ощупал затылок.

– За что так меня? Что я сделал? – спросил он стоявшего с виноватым лицом колобка.

– Извини, земляк, не хотел, – ответил тот. – Так вышло.

– Ни хрена себе, вышло! А где Надька?

– Внизу, в машине нас ждет, – сообщил Александр. – Пошли.

– Пошли.

Иван дошел до двери и остановился.

– Что еще? – спросил бандит.

– А как же я дверь запру? Квартиру могут ограбить.

– Да чего тут грабить? У меня в сарае и то добра больше.

Иван обиделся. До сих пор он считал себя всё же довольно зажиточным мещанином, однако, оказывается некоторым

его дом, его крепость напоминает сарай! И даже хуже!

– Я остаюсь, – сказал он.

– В смысле?

– Я буду охранять свой дом до тех пор, пока не накоплю денег на новую дверь.

– Сколько стоит новая дверь?

– Почему я знаю? – огрызнулся Иван. – Пятьсот баксов.

Александр молча достал лопатник толщиной с буханку хлеба и вытащил пять зелёных бумажек.

– На, держи.

– Спасибо! – Иван шмыгнул носом и от нахлынувших чувств полез обниматься. – Спасибо, друг! Век не забуду твою доброту!

Тот высокомерно ухмылялся, отступая под натиском его счастья.

– Не надо. Не стоит благодарности. Ты чё, в натуре!

Иван остыл и придирчиво оглядел свою одежду.

– А как же я пойду в таком виде?

Он демонстративно выставил вперед лишённый рукава голый локоть.

Бандит почесал нос и выудил из лопатника еще одну сотню долларов.

– На, держи.

Увидев такую неслыханную щедрость, Иван подумал было вернуться в квартиру и провести ее полную инвентаризацию, но вовремя опомнился. Зажав деньги в кулаке, он

пнул напоследок изуродованную дверь и преисполненный чувством собственного достоинства, потопал вниз по лестнице.

– Куда едем? – спросил сидящий за рулем Колян, когда друзья забрались наконец в машину.

– В больницу! – приказал Александр.

– В какую?

– Вот в эту! – Иван ткнул в направлении травматологии.

– Ага, – кивнул Колян и завел движок. Проехав двадцать метров, он остановился. – Всё, приехали.

– Так! Выгружаем даму и несем ее аккуратно!

Александр выбрался из машины и развел бурную деятельность.

Небо стремительно темнело. Зажигались звезды, фонари и окна домов. Иван смотрел на, лежащую рядом, жену и потихоньку трезвел. О чем она хотела поговорить? Может быть, решила пойти на перемирие? Вряд ли. Мама не позволит.

– Эх! – вдохнул он. – Кабы не была ты такой маменькиной дочкой!

До Александры Надьке конечно далеко, но не намного. Возможно и такое, что её появление на свет обошлось без участия папы-ботаника, слишком уж типаж не тот.

– Ванька! – весело крикнул Александр. – Иди сюда!

Из дверей клиники рысцой выбежали два человека в белых халатах с носилками. Колобки подбадривали их непри-

личными словами. Надежду бережно уложили и, в том же темпе, поволокли лечить ей руку.

Иван выполз на свежий воздух и потянулся, зевая во весь рот.

– Все будет тип-топ! – сказал ему бандит. – У меня тут связи кругом. Я как-то раз лежал здесь... или не раз, не помню! Но дело не в этом, минут через двадцать-тридцать Нанадя будет как новенькая и рванем ко мне!

– Почему ты называешь ее Нанадей? – спросил Иван.

– Так это... она ж сама так назвалась.

– Надя! Надежда ее зовут! На-дя!

– На-дя, – удивленным эхом повторил Александр. – Слушай! За это стоит выпить! Ты как?

– Давай, – кивнул тот.

– Коля-ан!

– Ага...

Через полчаса Ивану стало лучше. Александр врубил музон на полную катушку, мешая спать обозлённым бандитским беспределом граждан.

– Подруга подкинула проблем! Сука! – вопил он, стараясь переорать звуки, вылетающие из динамика.

– Точно, – тихонько поддакивал Иван, мотая головой в такт музыке и думал, а почему, собственно, не пришла Александра? Обещала ведь зайти вечером.

– Санек, послушай! – крикнул он, но тот ничего не услышал.

– Эй, мафиозо! – Иван пихнул его в плечо.

Александр убавил звук и повернулся к нему.

– Чего?

– Давай твою жену разыграем.

– Как это? В карты что ли? Нет, не пойдет!

– Да ты чё, не понял, в натуре?

– А-а! – радостно осклабился тот. – Теперь понял! Разыграем. А как?

– Ну, я как был для нее, так и буду частным детективом. Пусть думает, что ты её в самом деле грохнуть хочешь.

– Клёво! – протянул Александр. – А нахрена?

– Так ведь клёво же!

– Точно! – тот поднял указательный палец. – И это главное, жить надо весело.

– В натуре!

Иван уже начал осваивать бандитский сленг и это пришлось ему по душе. Он уже вошёл во вкус, с водкой в голове и баксами в кармане многие проблемы отпадали сами собой.

– За это надо выпить, – сказал Александр. – Колян!

Спустя примерно час Иван вдруг вспомнил, что ему надо проведать жену.

– Санек, а чё, в натуре, Надька так долго? – пьяно спросил он.

– Пойдем поглядим!

Александр выполз из машины и слегка покачнулся. Хмель наконец-то добрался до его стриженной башки, а что касается

самого Ивана, то он и вовсе упал на землю.

Бандит легко поднял его, закинул руку, лишённую рукава, стоимостью в сотку баксов, себе на шею и потащил в больницу. Иван брёл как в тумане, ноги перестали слушаться, голова постепенно наливалась свинцовой тяжестью.

– Держись, братан! – шептал Александр. – Сейчас мы найдем её.

Они поднялись по ступеням и вошли в здание.

– Эй! – заорал бандит. – Есть тут кто?

Впереди маячила табличка с надписью "ПРИЁМНЫЙ ПОКОЙ".

Дверь была открыта, Александр заглянул внутрь.

– Вот сволочи! – ругнулся он. – Куда же все запропастились?

– Брось меня, – простонал Иван. – Я больше не могу, мне плохо.

– Ты посиди здесь, а я пойду найду кого-нибудь.

Александр затащил его в приёмный покой, уложил на кушетку и вышел в коридор.

Иван почувствовал, что летит. Полет был тяжелым и безрадостным, в голове вихрились какие-то неотчётливые тени, черно-белым калейдоскопом закручиваясь в гигантский смерч.

– Улетаю-таю, таю... – промычал он и заунывно простонал.

– Ты давно тут лежишь? – услышал он голос.

– Не знаю.

– Что у тебя?

– Мне плохо.

– Да, вид у вас, батенька, неважнецкий. Машенька, готовьте инструменты, будем оперировать. У парня явный аппендицит.

– Хорошо, Виктор Степанович.

Иван открыл глаза.

– Ты чё гонишь, в натуре! – заявил он.

– Кого? Да вы лежите, голубчик, а то не дай бог, перетонит будет.

Иван и не пытался встать. "А что, – подумал он. – Вдруг и впрямь аппендицит?"

Он ощутил прикосновение чьих-то мягких рук и отключился...

Александр нашел Надежду спящей в больничной палате. Дежурные медсёстры даже и не пробовали остановить его, побаиваясь дородной, под два метра, фигуры.

– Надюша! – счастливо позвал он, приподнимая одеяло.

Та лежала переодетая в какую-то хламиду, правая рука, по локоть обмотанная бинтами, покоилась на равномерно вздымающейся и опускающейся груди. Тихое посапывание говорило о глубоком сне.

С соседних коек зашикали рассерженные тётки.

– Чего надо? – повысил он голос. – Отбой был, всем спать!

Тётки замолчали.

– Наденька! – ласково прошептал он снова. – Проснись, детка, дам конфетку. Да ты проснешься, стерва, наконец?!

Надежда зевнула.

– Кто там? – сонным голосом спросила она. – Лёшь, ты?

– Лёша? – удивился Александр. – Гы, гы-гы! Лёша!

Его пробил истерический смех. Тётки снова ожили.

– Гражданин, как вам не стыдно?

– Не мешайте спать!

– Пошёл вон! Ты, морда!

– Цыц! – сказал Александр. – Я ухожу. Но я ещё вернусь.

Он накрыл Надежду одеялом и вышел из палаты.

Хрупкая молоденькая медсестра толкала перед собой передвижную тележку с лежащим на ней телом. Девушка совсем недавно закончила медучилище и еще не привыкла к ночным дежурствам. Одно дело – гулять до утра, целуясь с парнями в тени парковых кустов, но совсем другое – работать, не закрывая глаз. Время еще детское, всего-то одиннадцать часов, это даже ещё не ночь, а вечер, но у бедняжки уже не было сил, страшно хотелось спать. А тут ещё дежурный врач, Виктор Степанович, (кстати, такой проказник!) велел готовить больного к операции.

Она зевала во весь рот, когда на пути вдруг возникла огромная черная фигура и со всего маху налетела на тележку.

– А-ам! – не успев прервать своего расслабительного зевка, сестра издала ни на что не похожий звук, да так и застыла

с разинутым ртом.

Александр отшвырнул тележку прочь.

– Ты, корова! – проорал он. – Смотри, куда катишь!

Иван всё ещё летал в своем пьяном сне и вдруг ему пришло, что он, наконец, приземлился. Причем довольно таки ощутимо и болезненно. Александр нечаянно наступил ему на ногу и он взвыл благим матом.

– Ванька, ты? – удивленно спросил бандит, узнавая в воющем теле дружка. – Что с тобой? Куда ты его везёшь?

– В операционную, – заикаясь от страха, сказала медсестра. – У него аппендицит.

– Чё, в натуре? Иван, ты слышишь меня?

– Под...под...

– Чего ты там бубнишь?

– Подними меня...

Александр схватил его за руку и поставил ногами на пол.

– Как тебя зовут, красотка? – спросил он девушку.

– Ма...Маша.

– Блин! Вы, в натуре, все сегодня охренели! То Нанадя, теперь Мамаша. Врача, чисто случайно, не папашей кличут?

– Нет, Виктором Степановичем.

– Веди к нему!

Машенька послушно повернулась(попробуй откажи)и, ежесекундно оглядываясь, повела их за собой. Александр вновь водрузил друга на тележку, чтобы не устать, и повез его за ней.

Виктор Степанович восседал в своем кабинетике за столом, накрытом серой простыней.

– Здорово, папаша! – поприветствовал его бандит.

– Ваши уже были, – грустно ответил врач. – Руку поправили, жить будет.

– Он меня зарезать хотел! – раздался из коридора голос Ивана.

– Ах, это? – врач снял очки. – У пациента аппендицит.

– Нет у меня никакого аппендицита!

– Это вам так кажется. Поверьте, я специалист, мне виднее.

– Ты, придурок! – заревел Иван. – Аппендицит мне еще в армии вырезали, я вспомнил!

– Да? – удивился тот.

– Ты чё, не слышал? – с угрозой спросил бандит.

– Слышал. А что товарищ делал в приемном покое? Впрочем, – он махнул рукой, – это неважно. Важно то, что теперь можно слегка расслабиться.

– Как?

– Вы спирт пьете?

– Нет, грызу, блин! – огрызнулся Александр.

– Вот и чудненько!

Виктор Степанович обрадовано поставил на простыню литровую бутылку с приклеенной бумажкой, извещающей, что внутри содержится яд.

– Чё за отравы? – озабоченно спросил бандит.

– Чистый медицинский спирт.

– Наливай.

– А что, развести не надо?

– Как это? Это чё, приколы такой, да? – на круглом лице Александра читалось искреннее изумление.

– Нет, это не приколы, – вздохнул врач. – Это патология. Национальная трагедия.

– Чё еще за фигня? – спросил бандит и взял в руку наполненный до краев одноразовый стаканчик.

– Все пьют. Все деградируют. А потом попадают к нам. Или в морг.

– Тьфу ты! – Александр даже сплюнул. – Ты чё каркаешь под руку?

– Неужели вы думаете, что от моих слов что-нибудь зависит? – заинтересованно спросил врач.

Тот ничего не ответил, так как был занят чрезвычайно важным делом. Залпом выпив спорт, он вдруг закашлялся, схватился за горло и посинел лицом.

– А... кха! Сво... лочь! Да я...!

– Что с вами?

Виктор Степанович с ещё большим интересом взглянул на него. Потом вроде как спохватился и еще раз внимательно изучил наклейку на бутылки.

– Опс! – произнес он. – Ошибочка вышла.

Александр округлил глаза, кое-как продышался и смог наконец разборчиво сформулировать свою мысль.

– Отравил, сука!!! – заорал он. – Чё ты мне подсунул, гад?

– Спирт.

– А чё тогда за ошибочка?

– Шутка. Пошутил я.

Шутка?! Так и убить недолго! Ты почему не предупредил, что спирт неразбавленный?

– Как это не предупредил? Я же предлагал развести.

– Не, ну ты в натуре, идиот. Спирт развести он предлагал! Я вот тебя сейчас самого разведу! А может тебя подослал кто? Колись, падла!

Александр подозрительно прищурил глаза и потянулся к поясу, видимо в надежде обнаружить там пистолет. Но того не оказалось, и он сунул руку за пазуху, явно беря пушку.

– Мочи его, Санёк! – крикнул из коридора Иван. – Знаю я таких шутников-приколистов. погоди, я щас встану.!

Вновь раздался страшный грохот и он, по-собачьи, то есть, на карачках, вполз в кабинет.

Виктор Степанович водрузил очки на нос и многозначительно произнёс:

– А ведь нет у вас пистолета.

– Откуда ты знаешь? – удивился Александр и вытащил руку из-за пазухи.

– А я телепат.

Врач плеснул в свой стаканчик немного спирта и протянул его Ивану.

– На, ты ведь этого хочешь.

Тот подполз к стоящей у стены кушетке, взгромоздился на нее и взял стакан.

– Нет, – сказал он. – То-есть да. То-есть... не совсем, чтобы...

– А как это? – спросил Александр, наморщив шарообразный лоб.

– Что?

– Ну, это... телепат? Психопат знаю, телефон знаю, а телепат... Это чё, телефонный психопат, что ли? Психоз по телефону? Слушай, папаша, это круто! Иной раз, в натуре, так скучно бывает, что охота нервы пощекотать.

Виктор Степанович от удивления раскрыл рот. Подобной интерпретации он еще не слыхивал.

– Слушай! – продолжал Александр. – Ты мне телефончик-то свой черкани, я, как соскучусь, позвоню, ты мне жути нагонишь. Идёт?

– Идёт, – ошеломленно пробормотал врач и машинально накарябал на клочке бумаги номер своего сотового телефона.

– А сколько за минуту базара берешь?

– Ну... я...

– Короче, вот тебе задаток и месяц будешь обслуживать бесплатно.

Александр достал из лопатника пачку баксов, не считая отслонявил несколько бумажек и бросил их на стол. Врач среагировал молниеносно – зеленые пятна долларов в какую

то долю секунды растворились в карманной глубине его халата, после чего взгляд его приобрёл несколько маслянистую окраску.

– На вот, возьми мою визитку, – сказал Александр. – Короче, ребята, я так думаю, за это стоит выпить.

И тут, будто вдруг что-то вспомнив, он повернулся к Ивану:

– Эй, слышь, а чего это твоя жена тебя Лёшей называет?

– Как? – не понял тот. – Когда?

– Да вот сейчас. Я к ней в палату зашёл, а она меня Лёшей назвала.

– Ну?

– Чё ну?

– При чём тут тогда я? Сам сказал, что она тебя так назвала.

Бандит снова наморщил лоб и расплылся в улыбке.

– А-а! Дошло! Она просто забыла, как меня зовут! Конечно, такой шок пепережила девушка, бывает. Я вот свою иногда тоже в запарке как только не назову.

– А она тебя?

– Ты на чё это намекаешь?

Иван съёжился под его колючим взглядом, но Александр вдруг расслабился.

– Впрочем, ты прав, – грустно, с оттенком сожаления в голосе, сказал он. – Иногда бывает.

– Так мы будем пить? – вклинился в разговор врач. – Я,

конечно, извиняюсь.

– А как же?! Только свою отраву убери, никакой это не спирт.

– А что же тогда?

– Хрен его знает!

Александр достал из кармана телефон и набрал номер.

– Колян...

Через час кабинет дежурного врача напоминал небольшой дансинг-зал, совмещённый с мини-баром. Александр лихо отплясывал с полураздетой, хохочущей Машенькой, Иван страшно храпел, развалившись на кушетке, а Виктор Степанович тайком от всех, боясь привлечь всеобщее внимание, пытался наощупь определить количество обманно заработанных баксов.

Глава 4

Иван очнулся, пробуждаясь от тяжелого сна. Кто-то острыми коготками царапал ему лицо и он открыл глаза в надежде отыскать причину столь бесцеремонного обращения со своей особой.

На носу, весело чирикавая, сидел воробей. Чуть дальше, на гардеробе, прыгала целая стая мелких, жизнерадостных пташек. Иван громко чихнул и в комнате поднялся невообразимый визг и стрекотание сотни крылышек.

– Пошли вон! – крикнул он и застонал от нахлынувшей вдруг головной боли. – Нет. Только не это! Опять нажрался, как свинья!

Ему стало невыразимо гадостно на душе. Какого чёрта вчера произошло? Сколько же можно напиться?

– Пора завязывать с пьянкой, – пробурчал он и вспомнил, что вчера уже несколько раз произносил эту фразу.

Однако, как это ни странно, он кое-что помнил из вчерашнего дня. С воспоминаниями о вечере, конечно, было туговато, но всё же...

С трудом повернув голову, Иван обнаружил, что лежит на своем диване, в своей же комнате.

– Как я здесь оказался? – удивился он и, попытавшись присесть, обнаружил, что сидеть абсолютно невозможно. – Нет, я лучше лягу!

Глядя в потолок, Иван следил за плавными движениями люстры и гадал, почему она таки двигается? Голова закружилась и он закрыл глаза, негодуя из-за того, что какие-то пигалицы не дали ему как следует поспать.

"Да что вообще за жизнь такая пошла? – думал он. – То будильник трезвонит, как угорелый, то бандиты бьют по затылку, то птички по квартире летают. И все это время у него раскаляется голова и надо пить!"

– Всё! – решил он. – Завязываю! Хватит, надоело!

В самом деле, пусть пьют другие. Просто надо быть немного умнее, зачем ради какого-то сомнительного удовольствия подрывать свой, и без того слабый, организм?

Иван с завистью подумал об Александре. Вот у кого всё легко получается: и здоровья Бог дал немеряно и всего остального в избытке. Конечно, при таком раскладе можно жить, как захочется, поплевывать на законы, на граждан. Да вообще на всё!

Ведь не хотел он вчера пить, а пришлось. Саша сказал, мать его, он сделал. И так всегда – кто круче, тот и лучше.

– Что за жизнь такая говенная? – произнес Иван, обижаясь на весь мир.

Из коридора совершенно отчётливо доносились звуки хлопающих дверей, топот спускающихся и поднимающихся ног и он вспомнил, что его собственная дверь уже не так надёжно предохраняет дом от постороннего внедрения.

Это воспоминание усилило мрачность его настроения.

Однако, бандитские деньги где-то должны...

Иван беспокойно поёрзал, ощупывая брюки. На рубашке карманов отродясь не было, поэтому оставалась единственная надежда на маленький задний карманчик. Он с трудом перевалился набок и судорожно зашарил по правой ягодице, расстегивая пуговицу.

Пусто, как в новом холодильнике.

– Не-ет!

Протяжный вой был полон отчаяния. Кто-то украл все деньги, но вот кто? Какая..., ... принесла его домой? Кто рылся в его карманах?

Иван настолько расстроился, что на несколько минут даже забыл и о мучительном похмелье, и о больной голове.

– Всё! – в сердцах выпалил он. – Купил новую дверь, мать вашу! Купил также и рубашку, отца вашего за обе ноги! Ну как тут не пить? Один стресс за другим!

Он вскочил и потопал в ванну, где сволочное зеркало нахально возвестило ему о помятости и потрепанности внешнего вида.

– Да пошло ты! – ругнулся Иван и открыл кран.

– Ну, гады, узнаю, кто спёр деньги! – грозил он, яростно намыливая лицо и споласкивая его холодной водой. – За такое и убить мало!

Он обтёрся грязным, давно не стиранным полотенцем и вышел в прихожую. Входная дверь была аккуратно прислонена к проёму, но по бокам зияли довольно просторные ще-

ли.

Иван наклонился, чтобы посмотреть как следует характер повреждений, надеясь на то, что, возможно, ещё не все потеряно и дверь ещё послужит верой и правдой. Немножко фанерки, гвоздей, клея, краски...

Неожиданно с той стороны послышались легкие шаги, дверь пошатнулась и начала падать.

Следует заметить, что человек, который беспробудно пропьянствовал две недели, отличается заторможенной реакцией, помутнением рассудка и довольно неадекватным отношением к действительности.

Поэтому Иван сначала испугался от внезапности, потом удивился по той же причине, потом... Потом дверь с грохотом помутила его сознание.

Александра испуганно смотрела на рук своих дело и не понимала, как подобное могло произойти. Из под упавшей двери торчали конечности частного детектива Ивана Сергеевича Хламина, предпринимавшего слабые и от того малоэффективные попытки выбраться наружу. При его теперешнем состоянии любой, даже самый лёгкий предмет смог бы доставить массу неудобств, не говоря уже о довольно внушительной двери.

– Извините, – сказала Александра. – Здравствуйте.

В ответ она услышала нечто не очень разборчивое, но зато насыщенное эмоционально.

– Вы, наверное, заняты, да? – спросила она. – Я зайду по-

позже.

В этот трагичный момент наконец показалась голова Ивана, ради количества снабженная третьим глазом прямо посредине лба.

– Твою мать! – рывкнул он, ничего не видя перед собой.

Александра отпрянула назад так, что чуть не уронила маленькую сумочку, повешенную через плечо.

Иван освободился от плена, вскочил и в праведном гневе принялся топтать ненавистную дверь. Голову он обхватил руками, после жестокого удара по лбу боль вспыхнула с новой силой и напомнила о вчерашнем загуле. А также и о позавчерашнем, о позавчерашнем, о... короче, обо всех загулах мира за последние сто лет.

– Иван Сергеевич, что вы делаете? – испуганно спросила Александра. – Не надо так нервничать, иначе вы не сможете работать.

– Что?! – задыхаясь от усталой ярости, выпалил Иван и тут только осознал, что находится не один, а в присутствии клиентки.

– О, Сашенька! Это вы? Добрый день. А я тут тренируюсь, учения, знаете ли произвожу.

Слегка придерживая лоб рукой, он галантно поклонился.

– Проходите, пожалуйста. Извините за беспорядок. Сами понимаете, мне, как самому настоящему частному детективу, необходима тренировка. Отрабатывал это... ну, в-общем, пути проникновения в помещение.

– Боже мой, как интересно! – прошептала Александра, томно прикрыв свои прекрасные глаза и присела на кресло.

– Ещё как интересно! – подтвердил Иван. – А я вас вчера ждал. Не терпится, знаете ли... ну, как бы получше выразиться, продолжить наше общее дело.

– Да-да! – Александра открыла сумочку. – Я принесла фотографии мужа и сотовый телефон.

– Замечательно! – Иван даже не взглянул на фото. Не хотел омрачать приятные минуты неприятными воспоминаниями. – Теперь у нас с вами есть связь.

– Да! – Александра прикусила губу и страстно задышала. – Ты мой сыщик, ты мой герой!

"Я твой прыщик, ты мой геморрой", – почему-то возникло у Ивана в голове продолжение и он улыбнулся идиотской улыбкой.

Дальнейшее происходило по уже накатанному сценарию и через час Иван снова шёл за сигаретами, зажав в кулаке новую пятисотрублевую купюру. Александра осталась довольна их связью и он внутренне ликовал. После её посещения будун проходил начисто, во всём теле образовывалась приятная, томительно-волнующая легкость, а голова окончательно прояснялась, наводя порядок в мыслях.

Интересно, как долго будет длиться эта романтическая связь?

– Блин! – вспомнил он вдруг. – А ведь муж-то её опять мог все прослушать. А-а, да и хрен с ним! Пусть Надька от-

рабатьивает. Лёшу какого-то приплела! Кстати, что это за таинственный Лёша такой?

Постепенно, шаг за шагом, Иван припоминал все события прошедшего дня. Стоя на балконе и куря третью сигарету подряд, он ронял пепел вниз и задумчиво разглядывал окна травматологии. За каким из них сейчас Надька? Надо же, выпила-то всего один бокал, а сколько последствий!

Иван настолько увлекся разглядыванием нелегкой задачи о местонахождении Надькиной палаты, что не сразу сообразил, почему ему что-то мешает? Оказалось, что это телефон.

– Вот зараза! – выругался он. – Спокойно жить не дадут!

– Алло! – рявкнул он в трубку довольно нелюбезно.

– Надежду позови, – сказал тётцин голос.

– Какую такую Надежду? – удивился Иван. – Вы в прачечную звоните.

– Послушай ты, нахал! Быстро позови мою дочь к телефону!

– Нет здесь таких.

– Как нет? Она ж, дура, к тебе пошла. Свой сотовый дома забыла.

– А зачем?

– Ты... ты что, хочешь сказать, что Надя к тебе не приходила?

Иван бросил взгляд через окно на больницу и усмехнулся.

– Она не дошла, – сказал он. – Попала под машину. Теперь

в больнице лежит.

– Что?! Что ты сказал?!

– Что, что! Врачи говорят, шансов очень мало.

– О, господи! Как же это?!

Тёща чем-то там забулькала, видимо, мимоходом чаи гоняла, может ещё что?

– В какой она больнице?

– В травматологии.

– Постой, так ведь это же рядом с тобой!

– Ну?

– Так почему же ты дома сидишь, негодяй?! Почему не с ней?

– А она меня сама бросила! И потом, нечего пьяной по улицам разгуливать.

– Пьяной? Ты что, с ума сошёл?

– Это я сошёл? Кто такой Лёша, признавайся?

– Какой еще Лёша?

– Вот и я хочу знать, кто этот самый Лёша, имя которого называла Надька. В коме, конечно.

– О, Боже! – взвизгнула тёща. – В коме!

– Вот так, мамаша! Вот такую жёнушку ты мне подсунула! Мало того, что пьёт, да под машины падает, так ещё и изменяет, сука!

– Ты идиот! – выпалила тёща. – Лёша – это двоюродный брат Надежды. Он приезжал из провинции и жил у нас. Чтоб ты сдох!

Иван бросил трубку и показал телефону "фак". Пусть теперь эта яростно молодящаяся змеюка понервничает, крови же попила, как стадо вампиров.

Но к Надьке все-таки надо сходить, проведать бедолагу. Пока жена еще, как-никак. А то мало ли что подумают люди! Хотя, за последние две недели все, кому надо, уже обо всём подумали. И кому не надо. Особенно после вчерашнего.

Он снова вышел на балкон и закурил четвертую сигарету. Сейчас тёща, наверное, собирает по соседям деньги на лекарства доченьке, чтобы поскорее поставить её на ноги, вернуть к домашним обязанностям.

Кстати, насчёт денег. Кто же спёр баксы? Иван изломал всю голову. Ну, не сам же Александр. А может быть, его колlobки решили поживиться? Как там их? А, Колян! Второй тоже сволочь, затылок разбил.

Он невольно ощупал голову. На затылке шишка, на лбу – шишка. Что-то дороговато обходится общение с этой разбойной семейкой. Если так пойдет и дальше, то через неделю можно будет спокойно ложиться в гроб и помирать, утратив всякую надежду на светлое будущее.

А ведь если разобраться, все беды, в принципе, начались из-за тёщи. Надька-то баба неплохая, только слишком уж за маму держится. Додержалась, блин! Если бы она не ушла к родителям, он бы не запил. Не запил бы – не столкнулся с куклой(куколкой!)Александрой, навешав спьяну ей на уши целую телегу лапши. И так далее, тому подобное. Джип, ко-

лобки, бандит Александр с садомазахистскими замашками, валюта пачками...

– Тьфу ты, чёрт! – сплюнул Иван. – Кто же взял деньги? А ведь только начал чувствовать себя человеком!

Он бросил окурок на крышу только что подъехавшего автомобиля..

– Какая знакомая ситуэйшн, – пробормотал Иван. – Где-то я это уже видел.

Хлопнули дверцы. На подъездной лестнице послышался топот ног.

– Ё-мое! – Иван вдруг испугался.

Это, конечно, Александр, так что, в принципе, бояться нечего. Но почему столько страсти в этом дружном топоте?

Недолго думая, он перемахнул к Трофимычу на балкон и притих, ожидая развязки. Старик опять куда-то запропастился, что было на него совсем непохоже. Да и бог с ним! Вчера всё сошло с рук, сегодня тоже сойдет, возможно.

– Вот дурак! – сказал он сам себе. – Надо было все туфли, булавки с неё поснимать, да закинуть куда подальше!

Александр ворвался на его балкон, как торпеда.

– Свои! – радостно возвестил Иван и дружелюбно пома- хал рукой.

Бандит оторопело уставился на него и, секунду помедлив, спросил:

– Ванька, ты что ль?

– Ну я.

– Слушай, тут такое дело, моя опять с кем-то трахалась. Ты, часом, не знаешь, кто в этой квартире живет?

– В какой?

– Ты чё, в натуре, не понял, что ли?

– Понял! Вот теперь понял! Так бы сразу и спросил! Я живу.

Александр заглянул внутрь комнаты, потом скрылся там совсем. Иван опять закурил, нервы зашалили. Вчерашний номер может не пройти.

Неожиданно возникший бандит вызвал в нем легкую дрожь.

– Слушай! – сказал он. – Я половину помню, половину не помню

– Бывает.

– Ещё как бывает! Представляешь, Машку зачем то прихватил, сказал жене, что она моя племянница.

– Какую Машку? – не понял Иван.

– Ну, ту, из больницы.

– А-а. Ну и что, поверила?

– Конечно, поверила. Разве возможна семейная жизнь без доверия?

– Нет, невозможна, – вздохнул Иван.

– Вот и я про то же! Я-то ей верил, а она, прикинь, постоянно мне изменяет! Ну не стерва?

– Стерва! И ещё какая! Она возникла, как ураган, что мне оставалось делать?

Иван невольно ощущал шишку на лбу.

– Вот зараза! – сплюнул Александр. – Слышь, братан, ты извини меня за неё, ладно?

– Ничего, ничего! – успокоил его Иван. – Всё хорошо.

– Что хорошо?

– Ну, ты не помнишь? Мы ж её разыграть хотели.

– Да ни хрена я не помню! – опечалился бандит.

– Жалко.

– Кстати, я вчера с такой бабой познакомился. Хочешь и тебя познакомлю? Ты теперь у нас вроде как холостой, чего одному горе мыкать? Глядишь и моя перестанет тебе докучать. Да перелезай же ты, наконец, а то мы с тобой, как два берега у реки.

Иван облегченно вздохнул. "Пронесло", – подумал он и аккуратно перебрался на свою территорию.

– Ну, вот! – обрадовался Александр.

– Ну и чё за баба?

– Приятная во всех отношениях. Тебе понравится, вот увидишь!

– Слушай! – до Ивана вдруг дошло. – а эту бабу не Надеждой зовут?

– Нет, её зовут Надя.

– Так это одно и то же.

– Да? Тогда откуда ты её знаешь?

– Блин! Да это ж моя жена!

– Всё! – Александр хлопнул себя по лбу. – Вспомнил! Точ-

но, а ещё доктор был. Ну, этот, психопат. Он тебя ещё домой отвел.

– Так это он, сука! – заорал Иван во все горло и пулей вбежал в комнату. – Ну, тварь, убью козла! Дай мне пушку.

– Зачем? – удивился Александр. – Чё он тебе сделал?

– Деньги украл! Все до цента уволок, сволочь!

– Не, чё, серьезно?

– В натуре!

– Ну тогда ему хана! Жаль, конечно, что такой стрёмный расслабон потеряю, но ради тебя придётся его замочить.

Иван вдруг подумал, что ещё чуть-чуть и он станет соучастником зверски спланированного убийства.

– Может, не надо? – предложил он, немного остыв. – Пусть живёт.

– Точно! – обрадовался Александр. – Сколько он у тебя украл?

– Штуку баксов.

– И всего-то? – бандит вытаращил глаза, услышав столь смехотворную по его гигантским меркам сумму. – Хочешь, я тебе компенсирую? Ну, пожалуйста!

– Спасибо.

– Молодец! – Александр передал ему деньги и заорал в прихожую:

– Коля-ан!

– Нет! – взмолился Иван. – Только не это!

– Чего? – удивился тот.

– Я бросил пить.

– Давно?

– Недавно, но надолго.

– Вот это сила воли! – восхитился бандит. – За это надо

выпить.

– Только без меня.

– Деньги отберу!

– Ладно, ладно! Уж и пошутить нельзя!

Часа два спустя Иван заметил, что в комнате прибавилось народу.

– Санек! – позвал он.

– Чё надо? – огрызнулся тот, лапая неведомо откуда взявшуюся Машеньку. – Не видишь, я занят?

Та пьяно хихикала и, как бы невзначай, задирала юбку.

– Мне надо жену проведать, – назойливо продолжал Иван, подозрительно поглядывая на девушку.

– Ну, иди.

– Скажи своим, чтоб подвезли, я сам не дойду.

– Об чём базар? А вообще-то знаешь что?

Александр вдруг встрепенулся.

– Поехали ко мне. Вот сейчас заберём Надюху и поедем.

Ты поедешь, мое солнышко? – обратился он к своей подружке.

– А жена твоя меня не заревнует?

– Да ты что? Она знаешь у меня какая? Тем более ты ж моя племянница.

– Тогда поехали.

– Вот и чудесно!

Александр вскочил и побежал к выходу. Иван проводил его взглядом и злобно уставился на медсестру.

– А вас, мамзель, я попросил бы остаться, – заявил он.

– То есть? – улыбнулась она кокетливо и подошла к нему.

Иван поднялся и схватил её за грудки.

– Что вы делаете? – взвизгнула Машенька.

– Ну ты, сука! Веди меня к доктору! – набычившись, свирепо попросил Иван. – Или я тебя сейчас из окна выкину!

Бедная девушка от ужаса округлила глаза.

– Я не знаю где он живет! Правда, не знаю!

– Не знаешь?! – заорал он. – Ты-ы, не знаешь?!

Он схватил её за горло и начал душить. Машенька широко раскрыла рот и стала похожа на беременную рыбу.

– Я тебе дам, не знаешь! Ты что тут делаешь, а? Ты с ним заодно, да?

Иван настолько увлёкся допросом с пристрастием, что не заметил размашистого, расслабляющего удара коленом в пах. Молоденькая медсестра, вероятно, не зря обучалась основам анатомии и примерно представляла, где висит самое слабое у мужчины место. Хотя, скорее всего, не примерно.

Кованные каблучки её легких туфелек зацокали по ступеням лестницы и затихли внизу. В это время, скрюченный в три погибели, Иван катался по полу и верещал, как недорезанный поросёнок.

Автомобильный гудок разрывался на части минут десять, когда он наконец показался из подъезда, прихрамывая и приседая на каждом шагу. Александр весело распахнул перед ним дверцу и засмеялся:

– Чё с тобой, Ванюха? На тебе лица нет!

Тот забрался в салон и, стараясь не смотреть на сидящую по другую сторону от бандита Машеньку, пробурчал?

– Что-то мне нездоровится. Колян, заводи, поехали.

– Ага.

Иван опять мысленно проклял всех на свете, а особенно сидящих с ним рядом. От дикой боли в яичках он моментально протрезвел и озлобился. До какой же степени скотства надо дойти, чтобы бить безоружного человека по такому незащищённому и нежному месту!

– Приехали, – сказал Колян и заглушил мотор.

Глава 5

Виктор Степанович Толоконный был на седьмом небе от счастья. Столько денег хапнуть за одну только ночь дежурства! Пределом его радужных мечтаний всегда было иметь много, много валюты и, при всём при этом, совсем не работать. По видимому, эту идею он почерпнул ещё из сказок, когда в раннем детстве бабушка Марфа читала ему про Емелю с его щукой, или про старика с золотой рыбкой.

Подрастая, мальчик Витя вовсе не думал, что в перспективе ему предстоит более прозаичный и муторный путь. Что зарплата будет мизерная, а работа висельная. Однако, мечтать, как говорится, не вредно, поэтому Виктор Степанович, холостяк по убеждению, надежды не терял, несмотря на то, что случая воплотить мечту в реальность до сих пор не представлялось.

И тут вдруг такая удача! Он несколько раз пересчитывал баксы, радостно разглядывая их на свет и многократно перепрятывал, отыскивая в своей квартире наиболее потаённый уголок.

В конце концов, он остановился на наиболее, по его мнению, недоступном для возможных грабителей месте – под отопительной батареей. Заботливо свернув денежки в рулончик, Виктор Степанович завернул его в газетку и прикрепил пластырем к нижней части трубы.

– Пока живут на свете дураки... – бормотал он себе под нос слова из детской песенки и радовался.

Психоз по телефону! Гениальная идея, если разобраться. Сиди себе дома на диване, да стращай охочих до нетрадиционных развлечений обывателей. Хотя, конечно, всё гениальное просто, надо только поработать над деталями, проштудировать учебник по психологии и вперёд! Есть же интим по телефону, будет вам и психоз.

А что? Дать объявление в газету, номер телефона, Виктор Степанович уже прокручивал в голове всевозможные варианты, вроде: "Ужас в трубке", или "Кто хочет вспотеть и замёрзнуть?"

Но для начала необходимо отработать полученные баксы, в качестве поощрения за нечаянное открытие постращать того бандюгу. Если разобраться, подобное могло родиться только в такой вот стриженной, узколобой башке.

Но чем можно запугать человека, абсолютно лишённого мозгов? А то получится, как в плохо разыгранной комедии ужасов, где носятся смешные страшилки в картонных масках и кровь напоминает томатный соус.

И решил позвонить Виктор Степанович своему давнему приятелю, психиатру Головкину. Уж этот-то точно должен знать, чем напугать до смерти.

Еще раз проверив, что спрятанные деньги не бросаются в глаза изо всех положений, которые смог только придумать, он бодро снял трубку и набрал номер.

– Здорово, Семеныч, – сказал он.

– Здорово, Степаныч.

Они называли друг друга по-отчеству, несмотря на то, что были одноклассниками.

– Хочу у тебя проконсультироваться.

– Десять баксов.

– Ты что? – опешил Виктор Степанович от такого нахальства. – А как же наша дружба?

– Сие есть предмет духовного порядка, – ответил Головкин. – А профессия психиатра требует больших умственных затрат, а отсюда следует, что должен быть подпитан мозг. А чем я его подпитаю без разумных, кстати, финансовых вливаний?

"Вот гад! – подумал Виктор Степанович. – Ну, дай только развернуться, я тебе бесплатно жути нагоню!"

– Ты меня не так понял, – ласковым голосом сказал он вслух. – Мне просто нужен ответ на один единственный вопрос. Профессия твоя здесь ни при чем.

– Тогда что?

– Ты когда-нибудь видел бандитов? Ну, таких крутых ребят в пиджаках с пистолетами?

– Да я их чуть ли не каждый день вижу. Ты ещё спрашиваешь! Знаешь ли ты, мой друг, что эта категория наших граждан, благодаря их трудной и опасной профессии, наиболее сильно подвержена разрушению нервных клеток? Ведь у них стресс на стрессе!

– Вот уж не знал, – пробормотал Виктор Степанович. – Мне казалось, совсем наоборот.

– И что тебя интересует?

– Да вот сижу просто и думаю, можно ли этих ребятишек вообще напугать?

– Ещё как можно! Они такие же люди, как и мы с тобой, только с деформированными чувствами и психикой.

– Ну, например?

– Десять баксов, – заявил опять Головкин.

– Да что ты все заладил одно и то же? Где я тебе возьму столько денег?

– Ты давай не темни. Вляпался во что?

– Нет, всё в порядке.

– Ну тогда и спи спокойно и не думай ни о каких бандитах.

– Подожди, – перебил его Виктор Степанович. – Ладно, найду я для тебя десять долларов, займу у кого-нибудь.

– Зачем тебе это нужно?

– Для дела.

– Ах, для дела! – обрадовался Головкин. – Ну тогда, Степаныч, тебе придётся взять меня в долю.

– Как это? – растерялся Виктор Степанович.

– Ну хотя бы консультантом.

Толоконный прикинул так и эдак и решил, что и в самом деле без помощника не обойтись.

– Хорошо, – сказал он. – слушай меня внимательно.

И он вкратце рассказал приятелю план действий, отчего

тот пришел в неопиcуемый восторг и даже пообещал подогнать парочку клиентов, дуреющих от жизненной рутины.

– Только прибыль пополам! – заявил он.

– Что? – возмутился Виктор Степанович. – Это же моя идея!

– Послушай, дружок, – вздохнул Головкин. – Ты извини меня, конечно, но с твоим умом надо землю копать. Здесь же тонкий подход нужен, строго индивидуальный, усёк?

– Усёк, – обиженно засопел тот. – Но все равно, пятьдесят процентов это много.

– А сколько?

– Ну, скажем, пятнадцать.

– Ты сошёл с ума. Тебя срочно нужно упрятать в дурдом. Могу устроить.

– Хорошо, я согласен, – пошёл на попятную Виктор Степанович.

– На дурдом?

– Нет, нет, что ты! Друзья же должны делиться!

– Вот и умница, а то я уж было подумал...

– Все в порядке!

– Тогда сиди дома и жди меня. Да, и не забудь записать на мой счёт десять баксов.

Вновь стемнело. Пьяная компания, возглавляемая, как и положено, Александром, подкралась к помещению травматологической больницы. Их целью было забрать Надежду и ехать веселиться в бандитский особняк.

Дабы не вызвать в коллегах ненужное мнение, Машенька предусмотрительно осталась в машине. При этом она многозначительно поглядывала на, сидящего за рулем, Коляна и нетрезво улыбалась.

Александр заботливо поддерживал Ивана за шиворот и подсказывал, какой ногой на какую ступеньку тому надо наступать, чтобы правильно идти.

– Ты чё, за придурка меня держишь? – заплетающимся языком спросил Иван и осоловевшим взглядом посмотрел на бандита.

– Не, ты чё, в натуре? – удивился тот. – Ты мне друг или нет? Враг, может?

– Не враг.

– Тогда друг. Третьего не дано.

– Отпусти, я сам пойду.

– Ладно.

Александр удовлетворил его просьбу и Иван остановился посреди лестницы, не зная, что делать дальше.

– Я её должен убить! – сказал он вдруг.

– Кого?

– Ту бабу, которая... она мне сделала больно, – он ткнул пальцем в машину.

– Машке, что ли? Да она и котёнка не обидит.

– А меня обидела! – остервенело возразил Иван и шмыгнул носом. – Она будет вторая в моём списке смертников!

– А кто же первая? – поинтересовался бандит и схватив

его вновь, потащил по коридору.

– Кто первая?! – заорал Иван. – Ты спрашиваешь, кто первая?! Тёща, сука, вот кто!

Они вошли в нужную палату. Вчерашние тётки еще не спали, смотрели телевизор. Надежда лежала, как сама смерть, обсыпанная мукой высшего сорта. Рядом с её кроватью, провисшей чуть ли не до пола, на стульчике сидела...

– Мама! – по-детски всхлипнул Иван. – Вас тоже сбила машина? Господи, что за жестокий мир!

Тёща ненавидяще посмотрела на него и отвернулась, словно плюнула в лицо.

– Это чё, мать твоя, да? – спросил Александр.

– Тихо вы! – крикнула одна из теток. – Нализались с утра, пьянь!

– Ты гонишь, мамаша! – возразил бандит. – Уже вечер.

– Что? – та оторвалась от экрана и уставилась в окно. – Ой! И правда!

– Какая серия? – спросил Иван. – Одна тыща сто третья?

– Да замолчите вы! – ругнулась другая. – Не мешайте смотреть.

– Ну и чего она тебе наговорила? – он повернулся к жене, взял ее за здоровую руку и присел на соседнюю кровать. Та страшно закричала и тётка, лежащая на ней с загипсованной ногой, сложилась пополам и завизжала дурниной.

– Уйди, – прошептала Надежда, глотая слезы и отняла руку. – Изверг.

– Правильно, правильно, дочка! – подбодрила её тёща. – Пусть уходит.

– Это чё, твоя мать, да? Вновь задал вопрос Александр.

– Это её мать, мать-её! – ответил Иван и пихнул локтем визжащей тётке под ребра. Та тут же выпрямилась и затихла, видимо смирилась с его присутствием. А может быть этому поспособствовал Александр, зажавший ей рот и ласково погрозивший пальцем, мол, низзя нарушать тишину в помещении, где лежат больные люди.

Остальные решили не рисковать спорить с двумя пьяными идиотами и старательно делали вид, что чересчур увлечены очередной любовной интрижкой на экране.

– Негодяй! – вполголоса, чтобы не услышали другие, произнесла тёща. – Какой же ты негодяй!

– Сама негодяй! – обиженно надулся Иван. – Чего обзываешься?

– Как ты мог так поступить с мамой? – заревела жена. Слезы покатались градом.

– А чё я сделал? – удивился Иван. – Чё, и пошутить нельзя? Откуда я знал, что она такая дура? Нет, ну знал, конечно, но не до такой же степени!

– Надя-а, – позвал ее Александр. – Собирайся, поехали ко мне. Повеселимся, потанцуем.

– Вы что?! – возмутилась тёща. – Куда ей сейчас?! И кто вы, собственно, такой?

– Я кто такой? – недоумённо спросил бандит. – Да любая

собака знает, кто я такой, а ты, собака, не знаешь?!

– Я не собака!

– А я тогда не негодяй! – вставил слово Иван.

– Не, погоди, Ванька! – разъярился Александр. – Дай, я сам с ней разберусь!

– Она моя, ты не забыл?

– Чёрт! – выругался тот. – Совсем из головы выскочило.

– Надежда, вставай, – ледяным тоном произнес Иван. – Если хочешь жить, то сейчас ты пойдешь со мной. Сань, я правильно сказал?

– В натуре!

– Никуда она с вами не пойдет! – пискнула теща.

– Я должна, мама.

Надежда поднялась и та с недоумённым изумлением воззрилась на свое восставшее чадо. На лице дочери ясно читалась покорность, смешанная с обречённой безнадежностью.

– Что они с тобой сделали? Доченька, я тебя не пущу! Я сейчас пойду и вызову полицию!

– Не надо, мама, – повторила Надежда. – Я пойду.

Она медленно побрела из палаты. Тётки забросили свой сериал и с откровенным интересом следили за разворотом событий.

– У–у, поганое отродье! – проревела тёща, обращаясь к своему непутёвому зятю. – Как только тебя земля носит?

Иван встал с кровати, отчего её обитательница взмыла вверх, подпрыгнув на освободившихся от гнёта пружинах,

потом опустилась вниз, благодаря уже закону Ньютона.

– Земля, она всех носит, – философски заметил Иван. – А куда ей деваться? Пошли, Санёк.

Александр подхватил его под руку и исподтишка показал теще кулак.

– Вызовешь полицию, убью! – пригрозил он.

Та глухо простонала и кульком повалилась на ещё не остывшую дочкину кровать.

Надежда остановилась около джипа, догадавшись, что именно на нём её сейчас отвезут в никуда.

Внутри кто-то кого-то душил. Крики, полные боли и страданий перемежались сдавленными стонами и хрипением.

– Ой! – испугалась она и поспешила спрятаться за стоящее поблизости дерево.

За черной тонировкой стекол различить что-либо было невозможно, но, судя по звукам, идущим изнутри, в машине совершалось преступление.

Из дверей больницы в обнимку вышли братья по разуму, Иван, да Александр.

– Стойте! – крикнула она им и предостерегающе махнула рукой.

– Чё такое? – спросил бандит и на всякий случай тоже спрятался за дерево.

Иван оклика жены не услышал, поэтому остался один, как перст, освещаемый тусклым уличным фонарём. Он жутко зевал и тер глаза, прогоняя подступающую дремоту.

– Там кого-то убивают, – прошептала Надежда и попыталась почесать гипсом нос, чуть не разбив его в кровь.

Вдруг, в этот ответственный момент, в кармане Александра пиджака заверещал сотовый телефон. Он вздрогнул, выхватил его и нажал кнопку?

– Слушаю!

– Эй ты, слищищ мэня, да? – прокашлял чей-то голос с кавказским акцентом.

– Кто это? – не понял бандит. – Позвоните завтра, я занят.

– Ты думал, што мы нэ найдем тэбя, да? Думал, што спряталса, да? Жди смэрти, дарагой!

Абонент отключился.

– Кто это был? – спросила Надежда, увидев перекошенное от страха лицо лихого разбойника.

– Мама! – вырвалось у него.

– Чья? Твоя? – не поняла она.

Александр отмахнулся от неё и тихонько позвал:

– Иван! Иди скорее сюда!

– Эх, мороз, мороо-аз!!! – заорал вдруг тот, продолжая сам себя будить. А заодно и все близлежащие окрестности. – Не моро-азь мейня-а!!!

– Заткнись ты, урод! – сдавленно рявкнул Александр и, подскочив к нему, саданул телефоном по затылку.

Иван осёкся, но упасть не успел, потому что был подхвачен и приставлен к дереву рядом со своей возлюбленной.

Движение в машине, однако, прекратилось.

– Это что же получается? – прошептал бандит, – Кавказы на меня наехали, что ли? Так вроде ж все уладили! Коляна с Машкой, наверно, замочили, суки, и теперь затаились и меня ждут. Как же они меня нашли? Чёрт! Вот положеньице! Повеселились, блин!

– Что делать? – испуганно прижалась к нему Надежда, забыв о муже. Тот обхватил ствол дерева и мурлыкал под нос продолжение недопетой песенки про мороз.

– Сейчас братву вызову, тёпленькими возьмем, гадов! Эх, зря я всех распустил, нельзя было Коляна одного оставлять!

Александр нажал кнопку телефона и потряс трубку:

– Вот гадство! Это я об Ваньку его сломал.

И он вторично саданул друга тем же самым по тому же месту. Ивану оставалось домурлыкать, может быть, всего две строчки, самых проникновенных, но озлобленный бандит лишил его этой радости. Он замолчал и отцепил руки от ствола, Мягкая трава приглушила падение.

– Черт! Как знал, как знал! – запричитал Александр, вытаскивая предусмотрительно прихваченный пистолет, во избежание повторения вчерашнего казуса с врачом. – Только почувствуешь себя человеком, только расслабишься, обязательно найдется какая-нибудь тварь, которая обосрёт тебя с ног до головы. Ну что за жизнь такая гадская!

Надежде надоело его слушать, она склонилась над спящим мужем и, стараясь обнаружить пульс, пощупала его запястье.

– Прячься! – приказал ей Александр. – Сейчас тут такое начнётся!

Неожиданно с другой стороны автомобиля открылась дверца и послышались непонятные звуки. Что там происходило, видно не было. Александр, как заправский боевик, на полусогнутых подкрался к машине и резким рывком распахнул заднюю дверь.

Прогремел выстрел, затем второй. Потом начал отстреливаться тот, кто скрывался с другой стороны. Александр откатился назад за дерево и принялся лихорадочно опустошать обойму.

Наконец он достиг цели. Правда не совсем той, за которой охотился. Одна из пуль пробила бензобак и машина, натужно охнув огнем, взорвалась.

– Ложись! – заорал он супругам.

Надежда послушно упала ничком на мужа, который лежал уже давно. Взрыв прогремел как сто раскатов грома, разбудив, вероятно, всех ментов города.

– Уходим! – крикнул бандит и подхватил Надежду, которая в свою очередь схватила здоровой рукой Ивана. Тот отбрыкивался, как мог, Но Александр пёр, словно грузовик. Поэтому, волей-неволей, дедка за репку, репка за дедку, ему пришлось пропахать спиной добрую сотню метров городской территории.

Из ближайшей подворотни выбежали двое.

– Колян! – завопил Александр, узнавая в одном своего во-

дилу. – Кавказцы напали! Бери Ваньку и тащи.

– Ага! – сказал тот, пряча за спиной перепуганную до смерти, полуголую Машеньку.

– Давай быстрее! Сейчас здесь ментов будет, как селёдок в бочке!

Он отвернулся было и тут только до него что-то дошло.

– Постой, – пробормотал он, нахмутив брови. В сгущенной темноте глаза его зажглись факельным светом. – Так ты что, живой? И Машка тоже? Ничего не понимаю! Кто же тогда в машине был?

При этих словах Надежде захотелось раствориться в воздухе, исчезнуть, испариться, только бы этот демон не обратил на неё внимания. Однако желание её почему-то пошло вразрез с возможностями.

– Надя, Наденька, – ласковым, почти елейным голоском позвал ее Александр. – Скажи-ка мне, золотая ты моя, кто кого убивал в джипе?

– Почем я знаю? Мне показалось, – отшатнулась та.

– Ах, тебе показалось, душа моя?!

Машенька вылезла из-за спины Коляна и жалобно заканючила:

– Тебя очень долго не было.

– С тобой я потом разберусь! Колян!

– Ну?

– Что ну? Трахал ее?

– Ага.

– Ясно. Ну, Надя, кто здесь кого убивал?

– Ты мне опять голову разбил! – ожил вдруг Иван. – За что? За что, я тебя спрашиваю?!

Александр виновато потупился.

– И после этого ты ещё смеешь наезжать на мою жену? – Иван повысил голос и гордо задрал напроочь изувеченную голову.

– Бедненький мой, – пожалела его Надежда и, вновь забыв о сломанной руке, погладила гипсом мужа по макушке.

– А-а!!! – заорал тот. – И ты туда же!

– Ой, прости! Я нечаянно.

– Тихо! – крикнул вдруг Александр. – Все живы, а это главное! А значит, что?

– Что? – спросили все хором.

– А это значит, что теперь мы можем поехать ко мне домой и, наконец, расслабиться.

– На чем ехать-то? На троллейбусе, что ли? – логично произнес Колян. Он лишился своего руля и теперь не знал, куда деть руки.

– С ума сошел? Тачку иди поймай!

– Ага.

– Так! Вы сидите тут, – Александр указал оставшимся на бетонный бордюр, – а я позвоню, подниму братву, пусть кавказов щиплют.

– У тебя же телефон не работает, – возразила Надежда.

Бандит нажал на кнопку и трубка неожиданно задышала

жизнью, видимо после второго удара об Иванов затылок всё встало на свои места. Он набрал номер и приложил аппарат к уху.

Минут пять все, затаив дыхание слушали, как он диктовал адреса ларьков, приговоренных к бомбардировке, с трудом разбирая свои же каракули в записной книжке. Потом он стал подбадривать своих людей приказами, не забывая дополнять их резкими словечками и неизвестно, сколько еще времени продолжались бы его лозунги, типа: "Всех к ногтю!" или "Всыпать перца в задницу!", если бы не подкатила, наконец, пойманная Коляном тачка.

– Ладно, всё! – бросил он в трубку напоследок и весело оглядел честную всю компанию. – Ну что, братцы-кролики и сестры-крольчихи? Гульнём? Жить надо весело!

– Никто останавливаться не хотел, – доложил Колян. – Пришлось угнать.

– Какая разница? – отмахнулся Александр. – Залезайте, гости дорогие!

Глава 6

Виктор Степанович перестал смеяться и, наконец облегчённо вздохнув, вытер платочком покрасневшие глаза.

– Представляю! – сказал он сидящему напротив него Головкину. – Представляю эту тупую бандитскую рожу, искаженную ужасом! Надо же такое придумать! Молодец, Семеныч, считай, что ты в доле.

– А куда ты денешься? – спокойно ответил тот и прихлебнул горячий чай, приправленный спиртом из уже знакомой ядовитой бутылки. – Можно было, конечно, ещё больше страху нагнать.

– Как?

– Оставим на следующий раз. Ты лучше включи телевизор, новости посмотрим.

– Ты что, их еще и смотришь?

– Каждый день. Надо быть в курсе событий.

– Да брось ты! Там всю жизнь одно и то же. То поезд сошёл с рельсов, то самолет упал, то террористы бомбу взорвали. Лучше скажи, как круче можно напугать.

– Ну, пригрозить, что маски-шоу к ним едут.

– Не понял.

– Ну, как тебе объяснить? – замылся Головкин. – Раньше вот РУБОП был, то есть управление по борьбе с организованной преступностью, тогда вот его боялись, как огня. А

сейчас, когда все бандиты легализовались, боятся происков конкурентов. А кто самый главный конкурент? Правильно – государство.

– Давай сейчас ему позвоним! Он, гад, мой спирт обозвал чёрт-те чем, пусть помучается! Кстати, сам ведь хотел развлечься – скучно, мол.

– Не надо сейчас, с него пока генацвалея хватит. Чуть погода надо будет позвонить и сказать, что это шутка была. Ты телевизор включишь, наконец?

– Ладно.

Виктор Степанович поднялся с табуретки, подошел к холодильнику и включил маленький черно-белый телевизор, мирно дремлющий на цветастой кружевной салфетке.

"Надо будет новый прикупить, – самодовольно подумал он и ухмыльнулся. – Пусть Семёныч думает, что угодно, но пятьдесят на пятьдесят – это уже чересчур! Разгубастился, псих недорезанный".

– Пш-ш-тук! – сказал телевизор и явил для всеобщего обозрения какую-то мутную, расплывчатую картинку.

– Выкинь ты его, – хмуρο посоветовал Головкин.

– Зачем? – удивился Виктор Степанович. – Где ж я денег на новый возьму?

– Вот твой бандюган тебе заплатит, тогда и выкидывай. Причем немедленно.

– Как скажешь.

На экране замелькали огненные сполохи пламени и жен-

ский голос что-то забубнил в микрофон.

– Прибавь звук, ничего не слышно! – раздражённо сказал психиатр.

"Псих!" – резюмировал про себя Толоконный.

– Что это, еще один акт терроризма, или разборки авторитетов? – продекламировала лохматая тележурналистка, глазами преданного патриота глядя на обоих врачей. – Это страшное событие мы попросили прокомментировать начальника отдела полиции, который вместе с пожарными, прибывшими на экстренный вызов, принимал непосредственное участие в борьбе с разбушевавшейся стихией. Пожалуйста!

Она протянула микрофон чумазому усачу с погонями майора. Тот зачем-то оглянулся на суету людей, мелькающих за его спиной, откашлялся в кулак и сиплым, прокуренным голосом возвестил:

– Э-э... случай, значит, не рядовой. Что, значит, можно сказать? Ну... вот, так сказать, потушили. Судя по вылетевшим стеклам на первом этаже больницы... э-э, был, значит, взрыв.

– Есть какие-либо версии у следствия? – подстегнула его журналистка. – И имеет ли этот взрыв какое-нибудь отношение к другим взрывам в других местах?

Майор опять оглянулся, словно искал позади себя ответ на провокационный вопрос, или спрашивал разрешения у невидимого на экране руководства на разглашение государ-

ственной тайны. И, видимо, получил его.

– Э–э, что, значит, можно сказать? Будут приняты самые крутые меры, уже идет поиск свидетелей, вот... значит, будем надеяться, что это не террористы, а вполне безобидная разборка бандформирований. Ну, знаете, что-то там не поделили между собой, с кем не бывает?

– А может быть все-таки террористы? – настаивала настырная баба, словно именно это желала услышать от закопчёного героя.

– Это пока неизвестно, свидетелей происшествия очень мало.

– Сколько, если не секрет?

– Секрет! – тут же выпалил майор и по выражению его лица нетрудно было догадаться, что свидетелей нет вовсе.

Журналистка разочарованно отвернулась от красноречивого служителя закона, так и не выдавшего тайну.

– Оставайтесь с нами. До новых встреч.

Пошла реклама про суперпрокладки, удерживающие до ведра жидкости синего цвета. Девушка, которая их рекламировала, непринуждённо крутила задницей и выставляла напоказ белоснежное нижнее бельё.

– Что в мире творится! – с пафосом произнёс Головкин. – От проклятых террористов покоя нет нормальным людям.

– Точно! – поддакнул Виктор Степанович. – Поэтому я и не смотрю новости. Без них как-то, знаешь, спокойнее живется.

– Отсидеться хочешь? – в упор спросил его психиатр.

– Как это?

– Да ты глянь, сколько всякого дерьма на свете белом развелось!

Головкин ткнул пальцем в окно. Виктор Степанович покорно глянул, куда приказали, но ничего похожего на его слова не обнаружил. Вместо дерьмового белого света – дерьмовая чёрная темнота.

– Ну и что? – спросил он. – Ну, знаешь ты, что там творится, дальше что?

– Как что?! – заорал Головкин. – Как что?! Что!

Он вдруг запнулся, не зная ответ на поставленный вопрос, но секундой позже развернул пламенную речь.

– Сидишь тут, как рак в норе, боишься нос высунуть. Что, думаешь, умнее всех, да? Это ты брось! Не важно, дурак или умный – один хрен, все из одного дерьма сделаны. На кладбище все равны, будь ты хоть банкир, хоть бомж распоследний.

Это тебе только кажется, что ты такой классный парень, а кругом одни идиоты. На самом деле, ты такое же говно, как и они, но почему-то возомнил о себе чёрт знает что.

– Ты чего до меня домотался? – обиделся Виктор Степанович и подлил себе чаю со спиртом.

Головкин протянул ему свою чашку.

– Да при чём здесь ты? Я говорю обо всех, о каждом, понимаешь? Проще некуда пройти мимо, закрыть глаза, отвер-

нуться. Хрен он найдет свидетелей, помяни мое слово. Одни идиоты, чтоб им пусто было, взрыв устроили, другие сделали вид, что ничего не заметили. И так всегда было, во все времена. И будет.

Психиатр заметно опьянел, прихлёбывая чай, да и сам Виктор Степанович начал вдруг улавливать в его словах некий странный, но до боли правильный смысл. В самом деле, разве ж можно так жить? Сидеть сиднем, а там, за окном, какие-то недоумки взрывают, что хотят. Так можно дождаться – и самого взорвут к такой-то матери!

Головкин ещё что-то говорил, постепенно повышая голос и усиливая жестикуляцию, а он все хлебал и хлебал свой чай и думал о том, что всё равно лучше многих, что бы там ни напридумывал пьяный психиатр.

"Сам ты дерьмо!" – он исподтишка показал ему кулак.

Головкин ничего не заметил, увлечённо клеймя весь род человеческий, начиная с самой первой обезьяны, потом принялся громить эволюционную теорию Дарвина, противореча сам себе...

Дальше Виктор Степанович уже ничего не слышал, потому что уснул прямо на табуретке, уронив голову на руки.

Всю ночь громили ларьки. Следуя указаниям Александра и извечному чувству национальной гордости, братва лавиной прошлась по всему городу, лишив ни в чём ни повинных кавказцев куска хлеба на ближайшие несколько недель. Под заливчатские, пьяные выкрики выбивались стекла, затапты-

вались в дорожной пыли заморские и отечественные товары, на металлических стенках делались неприличные надписи.

Александр сидел за огромным столом и угрюмо выслушивал радостные доклады своих бригадиров, время от времени названивающих по телефону. За последние несколько часов он так накачал себя спиртным, что вместо ответов только мычал и закатывал к потолку покрасневшие глаза.

Иван ощущал себя серым кардиналом при коронованной особе. Сидя по правую руку от бандита, он с тоской поглядывал на Александру, которая, как ни в чём ни бывало, цедила "Мартини" по левую руку от мужа.

Надежда уставилась на неё во все глаза и презрительно пихла Ивана локтем в печень, чтобы тот не слишком увлекался. Машенька же опять куда-то запропастилась, может быть решила помочь Колянну отогнать машину обратно?

Бандитский особнячок и снаружи и внутри напоминал дворец, обнесенный китайской стеной. Иван понял теперь, почему его хрущёвская квартирка не тянет даже на сарай этого разбойного гнезда.

– Санёк, – повернулся он к хозяину.

– подожди! – отмахнулся тот и вновь закатил глаза под потолок.

– Ты чё, в натуре, и поговорить со мной не можешь? – обиделся Иван.

– Да тихо ты! Сейчас! Ещё немного осталось.

Александр замычал с удвоенной силой.

– А где Машка? – не унимался Иван. – Я что-то должен ей сказать.

Александра поднялась со своего места и, многозначительно глядя на него, пошла к выходу. Надежда тут же напряглась и лягнула мужа ногой по голени. Тот никак не отреагировал на этот удар, но зато из-под стола вдруг донесся истошный визг, полный боли.

Александр подскочил на своем троне и сконфуженно улыбнулся гостям. Под столом послышалась возня, скатерть приподнялась и оттуда вылезла покрасневшая, зарёванная Машенька.

Иван от дикого удивления разинул рот, потом перевёл взгляд на дружка и кинулся обнимать жену.

– Молодец, Надюха! Здорово ты ей! Знай, сука, наших! Не одному мне страдать!

Медсестра вытерла губы прямо об скатерть.

– Кто так меня? – спросила она.

Александра молча стояла в дверях и грозно смотрела мужу в глаза, а тот только ерзал и старательно отводил взгляд в сторону.

– Ну чё ты вылупилась? – наконец не выдержал он.

– Интересно мне знать, что там делала эта шлюха?

– Откуда я знаю? – удивленно спросил Александр. – Да я понятия не имею, чё она там делала! Может, спала. И вообще, как ты можешь в такой скорбный момент закатывать семейные сцены? Не сегодня-завтра меня, может, убьют, а ты!

Иван удивленно отметил про себя, что бандитская рожа имеет некоторые навыки лицедейства. В мимике Александра было столько трагического утопизма, что он и сам невольно поверил каждому его слову. Даже в Машенькин сон под столом. Тем более, что при упоминании об этом, та тут же принялась фальшиво зевать, будто Надеждин пинок по копчику и в самом деле разбудил ее, заставив присоединиться к остальным.

– Как ты можешь подозревать меня чёрт знает в чем?! – продолжал бушевать разъярённый бандит, видимо, тоже проникшийся верой в праведность своих слов. – Тем более при гостях. Эх, ты!

Он налил в фужер водки, выпил залпом и бухнул Ивана ручищей по плечу:

– Ванька! Один ты друг остался!

Тот сделал надменное лицо, приосанился и заговорщически подмигнул Александре – не унывай, мол, я работаю! Правда, бдительная Надежда тут же отреагировала на это уже известным способом.

Александра не нашлась, что возразить на столь убедительные доводы мужа, поэтому просто задрала свой хорошенький носик и удалилась. Тот подождал, пока её шаги стихнут в другом конце дома и снова вожделенно воззрился на Машеньку.

– Так это её ты трахал? – шёпотом спросила Надежда у Ивана. – Какая же ты сволочь после этого!

– Кого?! – удивился тот. – Эту дуру, что ли? – он ткнул пальцем в медсестру.

– Нет. Ту, которая вышла.

– Нет, не трахал я ее, поняла? И вообще, нечего закатывать семейные сцены при людях! Не сегодня-завтра меня... меня... уволят к чёртовой матери, а ты!

И он тоже налил себе полный фужер водки. Александр во многом прав! У него надо ещё поучиться жить. Только так должен вести себя настоящий русский мужик.

Иван залпом выпил водку, поднял левую руку, чтобы хлопнуть единственного друга Александра по плечу и... вот так, с протянутой рукой поехал назад, неестественно выпрямившись на своем стуле.

Надежда смотрела на его постепенно затухающий взгляд, неумолимо тяжелеющие веки, на глаза, которые уже окутал сон и только в момент страшного удара затылком об музыкальный центр сообразила, что муж выпил лишнего.

Аппарат моментально заработал и тут же осёкся, упав со своего стола Ивану на грудь.

– Ну, ты даешь, Ванюха! – восхищённо присвистнул Александр и как бы невзначай потянул Машеньку за локоть, пытаясь продолжить неоконченный разговор.

Надежда вскочила и, с трудом сдвинув тяжеленный центр в сторону, приложила ухо к груди мужа.

– Его надо отнести в постель, – сообщила она.

– Конечно, конечно отнеси, – согласился Александр.

– Как, одна?

– Позови мою жену, вместе вы справитесь.

– Сашенька, но...

– Извини, у меня что-то ноги не ходят.

Он вновь страстно задышал, вероятно от негодования по поводу отнявшихся ног.

– Ты зачем нас в гости звал? – спросила Надежда.

– Так для вашей же безопасности! Прознают горцы, что вы мои друзья и прирежут в тихом переулке. Будут рвать вас на куски, кусочки-и!

– Ой, мамочки! – ужаснулась она. – Это правда?

– Да! Да-а!!! – заорал Александр.

– Что да? Что да? – испугалась Надежда. Что с тобой? Тебе плохо?

– Мне хорошо!

Бандит раскраснелся лицом и глупо улыбался. Вбежала Александра.

– Что случилось? – спросила она встревожено и споткнулась об вылезавшую из-под стола Машеньку.

Раздался страшный грохот и сдвоенный визг жены и псевдоплемянницы. Александр счастливо рассмеялся и захолопал в ладоши.

– Сюрприз! – заявил он супруге, поднимающейся из обломков стульев, как птица Феникс. Судя по злomu выражению лица, она совсем не пострадала.

– Я так и знала, что ты хочешь меня убить, мерзавец! –

выпала она.

Александр поперхнулся своим смехом и чуть не подавился языком.

– Что ты, мое солнышко! – удивлённо посмотрел он на неё. – Да я скорее убью вот эту потаскушку, чем тебя!

Он схватил за шиворот дрожащую от ужаса медсестру и, приставив к её горлу кухонный нож, спросил:

– Ну что, хочешь прямо сейчас ей кишки выпущу?

– Не надо! – пискнула приговоренная.

– Ой, мамочки! – вырвалось у Надежды.

– Мочи ее, Санёк!!! – донеслось с пола. – Отомсти за друга!

– Ну что? – вновь выкрикнул Александр. – Говори, проткнуть её или нет?

– Зачем? – Александра равнодушно отвернулась. – А впрочем, мне всё равно, я её не знаю.

– Меня Маша зовут! – продолжала верещать та.

– Чё, хочешь сказать, типа, познакомились? – донеслось опять с пола. – Обделалась, сука?

– Да-а! – заревела бедная девушка.

Александр невольно оттолкнул её прочь, ощутив горячую влагу, заструившуюся вдруг по его ногам.

– Ты чё, дура! – крикнул он. – Потерпеть не могла? У меня шесть унитазов в доме! Ты чё ж это свинячишь, стерва?

– Я не хотела! – размазывая слёзы по щекам, плаксиво возразила Машенька.

– Ни фиги себе, не хотела! – Александр отшвырнул нож. – Представляю, что бы случилось, если б ты вдруг захотела!

Он снял брюки, оставшись в семейных трусах в красный горошек и, открыв окно, выкинул их во двор.

– Что ты делаешь? – спросила Александра. – Здесь все-таки женщины. Иди и немедленно оденься.

– Какое там оденься, – проворчал он. – Мне сначала надо неделю отмываться. Давайте лучше выпьем.

– Хватит уже пить!

– Нет, не хватит!

– А я говорю, хватит!

– Ну всё! – заорал Александр. – Ты меня достала.

Он выбежал из гостиной и через минуту возник снова, но уже с автоматом Калашникова в руках.

– Дашь мне спокойно выпить или нет?

– Мочи их, Санёк! – прозвучал зловредный голос Ивана.

Все три женщины застыли истуканами, не шевелясь и не сходя с места.

– Считаю до трех. Раз! Два...

– Три!!! – крикнул Иван и весело заржал, отчего Александр нечаянно нажал на спуск.

Простучала короткая очередь. Женщины попадали на пол, посыпалась штукатурка, в щепки разнесло дорогой, красного дерева, сервант.

– Эй, вы чего? – испугался бандит, бросая автомат.

– Молодец, Санёк! – орал Иван. – Так их, баб! Без них

лучше!

– Саша моя! Сашуля! – запричитал тот. – Как же это, а? Что же это, а?

Иван загремел стульями и, с натугой приподняв свое пьяное тело, горбатой кучкой возвысился над столом.

По щекам Александра потекли слёзы.

– Ванька, я убил ее! – прорыдал он.

– Что ты наделал? Она ж меня специально наняла, чтобы я помешал тебе, а я не смог! Ну кто я после этого?

– Да, кто ты после этого? – уставился на него бандит. – Она ж тебе, можно сказать, жизнь свою доверила, а ты чё, паскуда? Так-то ты хлеб свой отрабатываешь?!

Иван тоже заревел.

– Пристрели меня, я заслужил! – сказал он, глотая слезы.

Дальнейшее напоминало действие фильма "Восставшие из ада", поскольку три безжизненно лежащих фигуры неожиданно, как по команде, зашевелились и одновременно застонали.

Друзья с паническим ужасом прижались друг к другу и, выпучив от смертельного страха глаза, уставились на эту сцену.

– Все, блин! – вырвалось у Ивана. – Это белая горячка!

– Этих тварей даже автомат не берет! – прошептал Александр. – Бежим! Бежим скорей отсюда!!!

Он рванул к выходу, по пути перескакивая поднимающихся, словно зомби, женщин. Лишившись опоры. Иван упал на

четвереньки и пополз следом.

– Всё, пить брошу! Всё, пить больше не буду! – причитал он, спеша выбраться из страшного места.

Надежда потеряла сознание, когда Александр начал свой отсчёт. Она не знала, сколько находилась в беспамятстве. Но когда очнулась, то с удивлением увидела своего мужа, проползающего мимо нее на четырёх точках. Она хотела было спросить его, а куда это, собственно, он собрался, но от пережитого ужаса почему-то отнялся язык. Поэтому, недолго думая, она просто взяла и ухватила Ивана за ближайшую ногу.

– Отпусти! Отпусти! – заорал вдруг тот и задёргался, как карась на раскалённой сковородке. – Прочь, нечистая сила! Санёк, на помощь! Помогите же кто-нибудь!

Надежда отпустила его ногу и поднялась с пола.

– С ума сошёл, что ли? – пожалала она плечами.

Машенька с Александрой уже стояли и в немом изумлении следили за исчезающим в туманной коридорной мгле Иваном, который от страха даже умудрился встать на ноги.

Его крик долго ещё раздавался то тут, то там, сопровождаемый грохотом, треском и прочими подозрительными звуками, пока не оборвался где-то в самом дальнем углу дома. Видимо, насмерть перепуганный "Частный детектив" наконец нашёл себе место, недоступное для сатанинских отродий.

– Что это с ним? – спросила Александра.

– Мне пора, – начала прощаться Машенька. – Спасибо за угощение.

– Пожалуйста.

– До свидания.

– Чао!

– И часто это с ним? – спросила Надежда, когда медсестра стремглав выкатилась из гостиной.

– Что? – не поняла Александра.

– Ну, это... стреляет, режет.

– Да почти каждый день, я уже привыкла.

Надежда почесала гипс и присела на один из уцелевших стульев.

– Не завидую я вам, – сказала она.

– Почему?

– Вдруг когда-нибудь и в самом деле убьёт?

– Значит такова моя судьба, мой крест, – нараспев ответила Александра. – Живу и мучаюсь.

– А мой не пил раньше.

– Да-а?

– Представь себе.

– Ну и как это? Ну, когда муж не пьёт. У него ведь такая опасная профессия, он такой мужественный!

– Да, он вообще-то хороший, только...

– Что?

– Это неважно, – махнула рукой Надежда, вспомнив о маме, оставшейся в больнице.

– Сашенька, ты жива?

В дверном проёме стоял собственной персоной хозяин до-

ма и настороженно глазел на женщин.

– У, опять нажрался! – взвилась та и брезгливо отвернулась.

– Надя, скажи хоть ты ей, что я не хотел всего этого. Я не виноват.

Он встал на колени и на коленях же пошел к жене.

– Это все она виновата.

– Кто?

– Ну, эта, племянница, чтоб ей!

– Иди, пропись!

– А ты простишь меня?

– Завтра поговорим.

– Завтра меня может быть убьют горцы. Маклауды чертовы, наехали на меня, Машину взорвали.

– А при чём здесь племянница?

– Вообще-то ни при чем, но она тоже за них, спроси Ивана.

– С удовольствием.

– Минуточку! – влезла Надежда.

– Только попробуй! – пригрозил жене Александр. – Тем более, что он, наверное, сейчас уже спит и ничего тебе не ответит.

– А я хочу его спросить! – не унималась та.

– Хорошо, давай завтра пойдем к нему и спросим. Вместе.

– Кстати! – снова влезла Надежда. – Его ещё найти надо.

– Не надо. Завтра найдём, – перебил её бандит. – До утра

ведь ничего с ним не случится.

– Но как же..?

– Я кому сказал?! Марш все спать, я за себя не отвечаю!

– А говорил, что любишь меня, – с горьким упреком сказала Александра.

– Конечно люблю, моя дорогая! Поэтому и берегу тебя, как своё здоровье. Ну всё, хватит!

Он сгрёб жену в охапку и потащил прочь из гостиной. Та завизжала и начала отбиваться, потом вдруг резко утихла.

Надежда осталась одна. Сонными глазами глядя прямо перед собой, она баюкала загипсованную руку и думала о том, что какой же хороший все-таки человек, Иван, если сравнить его с некоторыми другими. По крайней мере, он никогда не пытался сделать ей больно, не то, что этот маньяк Александр.

Через полчаса она уже бродила по всему огромному особняку и искала затаившегося мужа.

– Ваня! Отзови-ись! – время от времени в пустой тишине раздавался ее заунывный, полный отчаяния и тщеты, голос, но всё было напрасно. Иван упорно молчал, то ли не слышал, а возможно просто не хотел вновь повстречаться с привидением.

Наконец сообразив, что сегодня мужа ей не найти, Надежда удручённо вздохнула и отправилась спать.

Глава 7

Виктор Степанович Толоконный отлично выспался. Солнце уже давно вовсю щекотало ему нос своими тонкими лучиками, когда он поднял голову и с наслаждением распрямился на табуретке.

– О-ох! Хорошо! – промурлыкал он, потягиваясь.

В ванной слышался плеск воды и бравурное пение Головкина.

– Семёныч! – позвал Виктор Степанович. – Это ты там?

– Тот не расслышал, или сделал вид, что не расслышал.

Толоконный досадливо поморщился и нехотя встал с, насыщенного за ночь, места. Его слегка заштормило.

– Да, нахлебался ты вчера изрядно, – улыбнулся он сам себе.

Головкин вышел из ванной свежевыбритый и умытый.

– Я тут похозяйничал немного, пока ты спал, – сообщил он приветливо.

– Ну что ж с тобой поделаться? – вновь улыбнулся Виктор Степанович. – Сколько сейчас времени?

– Полно! Уже одиннадцатый час.

– Ого!

– Вот тебе и ого! Все-то ты проспал, Степаныч.

– Что я проспал? – удивился тот.

– Да тут сантехники приходили, трубы проверяли. Такие,

знаешь ли, особенные типы эти сантехники. У них у всех явное профессиональное расстройство нервной системы.

Виктор Степанович мгновенно насторожился и перестал улыбаться.

– А где они проверяли трубы? – спросил он.

– Откуда я знаю? Я в это время на балконе был. С утра знаешь как хорошо на свежем-то воздухе? Благодать, мать её!

– А почему меня не разбудил?

– Зачем ещё? Ты спал, как младенец, пузыри пускал.

О, как бы хотел он сейчас подскочить к заветному месту и проверить, там ли ещё находятся денежки или нет.

– Ты, наверное, торопишься? – как можно вежливее спросил он Головкина.

– Нет! – радостно ответил тот. – Я сегодня выходной.

– Извини, мне надо кое-куда сходить, – жалобно попросил Толоконный, предпринимая еще одну попытку выпроводить назойливого гостя.

– Иди, конечно. Я тебя тут подожду, об чём речь! Тем более они должны новую трубу принести.

– Кто?

– Сантехники. Я ж тебе говорю, у них с головой не всё в порядке. Отопительную батарею чуть ли не с корнем выдрали, идиоты!

– Какую батарею? – выкрикнул бедный Виктор Степанович, заплакал и опрометью кинулся в зал.

– Эй! – окликнул его Головкин. – Да чего ты так беспоко-

ишься?

– А-а-а!!! – донесся вдруг из зала вопль обезумевшего травматолога.

Головкин вошел и увидел печальную картину. Его друг лежал на полу в неестественной позе без признаков жизни.

– Нервный срыв, – резюмировал психиатр. – И из-за чего? Из-за какой-то несчастной батареи! Эй, голубчик! – он похлопал лежащего по щекам.

Виктор Степанович открыл глаза, но теперь это были глаза другого человека.

– Ты!!! – заорал он во всё горло и схватил Головкина за воротник рубашки. – Ты!!!

– Да я это, я! – вырвался тот, оставив воротник в дрожащей дружеской руке.

– Ты зачем?!! Ты почему?!!

– Успокойтесь, больной! – прикрикнул психиатр и на шаг отступил, опасаясь потерять также и рукава.

Однако Виктор Степанович, судя по всему, разгадал его слабое место и, подскочив, вцепился снова.

– Убью, гада! Ты почему?! – завел он старую пластинку.

– Что почему? – разъярился тут Головкин и пнул друга под коленную чашечку.

Словно подрезанный косой, тот моментально рухнул на пол, оторвавётаки напоследок оба рукава приятельской рубашки.

– Что почему?! – повторил Головкин и заехал ему пяткой

в глаз.

– Почему ты, сучара, не разбудил меня?!

Виктор Степанович лежал на спине и почему-то не выпускал из рук злосчастные рукава.

– Ты сошел с ума! – поставил окончательный диагноз психиатр и принялся пинать поверженного противника куда попадя.

Тот принял позу зародыша и тихонько скулил, оплакивая утрату.

– Вот так мы лечим наших больных! – распаясь всё больше и больше, орал обозлённый Головкин. – Вот так всю дурь выгоняем! Я давно подозревал, что ты шизофреник, но теперь точно знаю!

– Сам дурак! – выкрикнул вдруг Виктор Степанович и исполнил нечто отдалённо напоминающее гимнастическую фигуру "ласточка", то есть попросту прогнулся всем телом и выбросил одну ногу назад.

Подобное он умудрился проделать раз пять, пока Головкин соображал, какой способ защиты поможет ему уклониться от ударов, пудовыми градинами осыпающие причинное место. И следует отметить, что каждая из них достигла намеченной цели.

– А вот так мы, врачи-травматологи, лечим своих больных! – радостно возопил он.

Психиатр не смог что-либо возразить, поскольку, так и не успев придумать способ защиты от страшной боли внизу жи-

вота, выкатил глаза, на максимально возможную ширину разинул рот и тоненько, противно завизжал. Затем, упав рядом с бывшим компаньоном, он принял точно такую же позу и стал похож на его однопяйцового близнеца.

– Ты чего же это делаешь, гад? – спросил он, когда немного отдышался.

– Придурок! Там все мои деньги были! Все сбережения за десять лет неустанного труда, – захныкал Виктор Степанович.

– Где – там? В радиаторе, что ли?

– Под! Под радиатором, идиот! Пластырем приклеенные!

– И сколько там было?

– Много! С каждой же полочки по сотке откладывал!

– Баксов?

– Рублей, придурок!

Головкин со страдальческой гримасой застонал и, подтянув колени к животу, повалился набок.

– Ну и чего ж ты так расстроился? – промычал он. – Из-за каких-то копеек.

Виктор Степанович поднялся и, стоя на одной ноге,глянул на друга уцелевшим после лечения глазом.

– Убирайся отсюда! – заявил он.

– А ещё друг! – осуждающе огрызнулся побеждённый и попытался немного привстать. – Я не смогу идти, ты мне всё отбил. О, господи, какая ужасная боль!

– Запишись на приём, отрежем!

– Ты что?! Разве ж можно так пугать?

– Не уйдёшь по-хорошему, я тебя свяжу и возьмусь за операцию прямо сейчас!

Тут Головкин видимо понял, что с ним действительно не шутят. Правда, никак не мог сообразить, а отчего, собственно, весь сыр-бор? Однако, во избежание нехороших последствий, решил не дёргать тигра за усы и моментально поднялся.

– Иди, иди отсюда! – пригрозил ему Виктор Степанович. – Попробуй только ещё заявись сюда, морду разобью!

Психиатр попятился к выходу, открыл дверь и уже с порога крикнул:

– Смотри, сам не пожалей!

– Чего?! – заорал Толоконный, но тот уже нёсся вниз по лестнице, забыв об изуродованной рубашке и сильнейшей гематоме в паху.

– Ну я устрою тебе психоз! – цедил сквозь зубы Головкин, размашисто ковыляя по тропинке, наискосок пересекающей весь двор. – Ох, ты ж у меня попляшешь, паскудская морда!

Вдруг, откуда-то сбоку, из густого дворового кустарника вышел человек в чрезвычайно грязной одежде и он узнал в нем того самого сантехника, который приходил утром с техосмотром.

– Стой! – крикнул психиатр и, как смог, ринулся ему наперерез.

Тот молча шагнул обратно в кусты и растворился в них,

словно его и не было никогда.

– Отдай деньги, сволочь!

Головкин принялся шастать по кустам, пытаясь схватить похитителя.

– Где ты? – орал он, раздирая в клочья остатки рубашки и брюки. – Ну иди же сюда, гадина!

Его поиски увенчались неудачей. Густые, колючие заросли оказались лишены всякого живого присутствия, если не считать, конечно, его самого и многомиллионной армии насекомых.

Судорожно глотая пряный, сухой воздух, Головкин внезапно понял, что выглядит довольно-таки неважно. В таком виде по городу ходить нельзя, сразу загребут в сумасшедший дом. Зная по опыту работы, что со своими коллегами шутки плохи, чувство юмора у них вырезают еще в институте, до своего дома врач решил добираться огородами.

Выскользнув из кустов, он скользнул в другие и потихоньку начал перемещаться инкогнито, то-есть тайно. Когда он оказался, наконец, в родном квартале и облегченно вздохнул, план действий уже созрел.

– Ну, сволочь, жди плохих новостей! – злорадно шептал он, стараясь прошмыгнуть в свой подъезд незаметно под неусыпным оком бабушек на лавочке.

При его появлении те втянули головы в платки и подозрительно зашущукались. Подталкиваемый жаждой мести, Головкин тут же забыл о них. Ему крупно повезло, что клю-

чи, пристегнутые длинной цепочкой к поясу брюк, не потерялись во время потасовки с экс-другом Степанычем.

Влетев в свою квартиру, он захлопнул дверь и на несколько мгновений застыл, прислушиваясь к внутренней деятельности организма. В голове стучало, в груди молотило, в легких хрипело, в паху... что происходило в его паху психиатр побоялся определить.

– Ну, зараза! – пригрозил он. – Раз ты так со мной, то и я так же!

Он прошел на кухню, достал из холодильника бутылку спирта и немного нацедил в чайную чашку. Потом долил в нее воды из под крана и опрокинул в рот.

– Так! Вот так, хорошо! – крикнул он с удовольствием и хотел было занюхать рукавом, но наткнулся на голый локоть.

Это ещё больше разозлило его. Он вернулся в прихожую, снял трубку и по памяти набрал довольно несложный номер Александра.

– Слушаю, – отозвался тот замогильным голосом.

– Доброе утро, точнее день, – заискивающе начал Головкин. – Я по поводу вчерашнего звонка от нерусских. Есть информация...

– Что?! – Голос бандита тут же выбрался из могилы.

– Я знаю откуда был сделан звонок.

– Говори!!!

– Тысяча долларов.

– Будет тебе тыща! Называй адрес!

Александр сжал телефонную трубку с такой силой, что от страшного давления она чуть не лопнула.

– Убью, гадов! – сказал он, зловредно улыбаясь и посмотрел на большие напольные часы.

– Вот чёрт! – вырвалось у него. – Уже час!

Он осмотрелся вокруг, пошарил рукой под одеялом, надеясь отыскать жену, но той уже и след простыл.

– Опять смоталась, зараза! – сплюнув, резюмировал он, поднялся абсолютно голый и вдел ноги в шлепанцы.

Как ни странно, следов похмелья тоже не наблюдалось, голова варила, как обычно, тело слушалось, да и с настроением тоже всё было в порядке. Вот только сон снился какой-то странный. Будто летит он вниз с высокого утёса в одних трусах, а там, внизу, море и оно дымится. А он все летит и летит и вот уже готовится нырнуть. Ну там, воздуха в легкие побольше набрал, ноздри заткнул пальцами и тут вдруг из моря выныривает черт и голосом супруги говорит: "Ещё раз так напьешься, уйду к Ивану второй женой!"

Александр хотел было что-то возразить, но из страха захлебнуться в солёной морской воде, носа не разжал и воздуха не выпустил. А чёрт опять за свое, как испорченная пластинка и так бессчётное количество раз, пока у Александра не лопнуло терпение. Но только он раскрыл рот, как оказался под водой и утонул.

Потому что с детства плавать не умел.

Хорошо еще инкогнито позвонил, разбудил его, а то ведь

этот чёрт мог его и в своё подземное царство утащить.

Александр очень уж боялся загробной жизни, поскольку грешен был не единожды. Но зато исправно искупал вину перед всевышним, пару раз в год жертвуя отцу Алексею, работающему в самой крутой городской церкви. Батюшка замаливал словечко и бандит некоторое время жил относительно спокойно, забывая о каре небесной. Потом вновь приходило беспокойство и он опять приносил жертву, балуя служителя господа то новенькой машиной, то крупным денежным подношением.

Отец Алексей всякий раз вздыхал, сетуя на слабости человеческие, обвиняя пороки его, но от даров не отказывался, обещая без очереди достучаться до врат небесных и опять-таки отмазать заблудшего грешника.

Александр подошел к своему любимому окну и выглянул наружу. Бассейн был на месте, он специально велел выкопать его прямо рядом с домом, любил поутру встать голяком на подоконник и сигануть вниз. Правда глубина бассейна рассчитана была таким образом, чтобы не водоплавающий бандит не захлебнулся, то есть, примерно ему по грудь. К тому же поблизости от бортика постоянно дежурил один из охранников, в случае неудачного прыжка кидающийся на помощь, как собака из породы водолазов.

Денёк выдался замечательный. Александр глянул на водную гладь бассейна и невольно ещё раз вспомнил свой страшный сон. А вдруг сейчас вынырнет тот самый черт и

примется пытаться его своей бесконечной фразой? Однако, проглазев на воду минут пять и так никого и не дождавшись, он немного успокоился, облегченно вздохнул и забрался на подоконник.

– Банза-ай!! – заорал он во всё горло, распахнул створки пошире и выбросился из окна.

Под кроватью что-то зашевелилось, зашуршало и застонало. Потом это что-то на мгновение затихло.

– Где я? – спросил голос Ивана. – Господи, да что ж это такое?

– Тихо ты! Не дай бог услышит!

Сие было сказано уже голосом Александры.

– Ты кто? – спросил Иван.

– Это я, Саша.

– Санёк, ты мне скажи, где это мы с тобой оказались?

Кстати, у тебя что-то с голосом.

– Ванечка, любимый, ты что, не узнал меня? Это же я, Александра.

– А где Санек?

– В бассейн нырнул. Он каждое утро ныряет.

– А что, уже утро?

– Ну, может, день.

Иван ненадолго замолчал, начав припоминать кое-что из вчерашнего.

– А ты... ты живая? – настороженно спросил он.

– Конечно живая, какая же ещё?

– А где мы?

– Под кроватью. Вдвоём!

– А разве Санёк не пристрелил вас всех?

– Нет, он просто пошутил. Потрогай меня, если не веришь. Вот здесь, да, да! Вот так! Трогай меня! Бери меня!

Послышалась возня, сдавленные стоны, кровать размеренно затряслась.

За окном восторженно орал Александр, не подозревавший о том, что рогами скоро зацепится за провода. Он предвкушал веселенькую встречу с кавказцами.

– А-а, бль... а-а!!! – раздавались его жизнерадостные вопли, которые, впрочем, нисколько не мешали двум прелюбодеям заниматься интимным беспределом.

Через некоторое время возня усилилась, а стоны стали громче. Что касается кровати, то она и вовсе перестала стесняться.

Александр выполз на твердую почву и, роняя воду на траву, босиком пошлепал в дом. Охранник протянул ему огромное, размером с простыню, полотенце, но он только отмахнулся, сияя на весь двор молодецкой доблестью и округлостью розовых форм.

– Где жена? – был первый его вопрос.

Охранник пожал плечами.

– Я ее ещё не видел сегодня, но из дома она не выходила, – доложил он.

– Это хорошо, – фыркая, сказал Александр. – Ты давай

вот что, собери человек пять. Поедем взорвём к чертям одну квартиру.

– Понял, шеф!

– Давай, выполняй.

Охранник исчез.

Александр вошел в холл, уставленный статуями, канделябрами и еще, зачем-то, бюстами старых партийных вождей.

– Хайль Гитлер! – крикнул он и отдал честь дедушке Ленину, вылупившемуся своими гипсовыми глазёнками на какую-то безымянную голую богиню, бесстыдно наклонившуюся за цветком. А может, еще за чем.

Новость, принесенная незнакомым анонимщиком, оказала на него свое живительное воздействие, как пиво" Очаково" на дохлую шкуру медведя. Александр вприпрыжку побежал по ступенькам вверх.

– Ой!

Надежда не ожидала его появления, да ещё в таком поэтическом виде, поэтому попятилась, старательно отводя глаза и, споткнувшись об толстенный палас, мягко шлёпнулась на пятую точку, то бишь, ударилась задницей.

– Ой! – вырвалось у неё опять.

– Надежда-а, мой компас земной! – хрипло пропел Александр и отставил в сторону левую ногу, а правую руку задрал в небо. При этом он выглядел, как пародия на голого Паваротти.

Она распахнула глаза, потом снова зажмурилась и отвернулась.

– Что это с вами? – удивился бандит и, подойдя к ней вплотную, потрогал за плечо. – Эй, красавица, очнитесь.

– Я не могу, я замужем! – пропищала та и прикрылась гипсом.

– Я тоже. Гм... в смысле, женат, но мы же здесь одни.

– Мама! – крикнула Надежда и вскочила на ноги. Мамочка!

– Ты чё, дура? – засмеялся ей вслед Александр и вдруг понял, что стоит без трусов. – Эй, Наденька! Куда же ты? Ты меня неправильно поняла, я не то хотел показать..., то есть сказать!

Но она не слушала его. Стремглав залетев в первую попавшуюся комнату, Надежда захлопнула дверь и заперлась изнутри.

– Боже мой! – мечтательно прошептала она и прижалась к двери спиной. – Какой же он огромный! Ка...

Ее грезы неожиданно были прерваны самым нахальным образом. Сначала из-под гигантской кровати, раскинувшей посреди комнаты свои призывные объятия, показалась нога в дырявом носке, потом рука... Потом, стена и охая, выбралось и все остальное тело Ивана.

– Ваня, ты? – изумилась Надежда и беспокойно оглянулась на дверь, из-за которой уже доносилось тихонькое поскребывание и мягкий, воркующий шепоток обнажённого

бандита.

– Ну я, – ответил Иван. – А что?

– Ой, а я тебя всю ночь проискала, – сказала она неестественно громко, пытаясь заглушить бандитские домогания.

Эй! Откройте, полиция!!! – заорал вдруг тот и долбанул кулачищем в дверь.

– Не открывай! – Иван вновь попытался нырнуть под кровать, но только в очередной раз разбил себе голову об ее дубовый корпус. Раздался глухой деревянный стук.

– Опять обложили, суки! – простонал он, держась за лоб. – Ты ментов вызвала?!

– Нет! – испугалась Надежда.

– Где Санёк?

– Там, за дверью.

– Блин! Его что, уже повязали? Сволочи!

– Открывайте, или я сломаю дверь! – снова прогремел Александр, силясь сообразить, с кем это разговаривает Надежда? Да ещё в его спальне. Может быть, с его женой?

– Сашка, это ты там? Открывай, стерва! – проорал он. – Открывай, зараза!

Александра вылезла из-под кровати и, невозмутимо продефилировав мимо ошеломленной Надежды, исполнила приказ мужа.

Тот ворвался, как ураган, сметая и круша всё на своем пути. Иван, подобно страусу, наконец умудрился засунуть голову под кровать и затих, полагая, что хорошо спрятался. На-

дежда предусмотрительно шагнула за дверь, поэтому Александра осталась одна, лицом к лицу с разъярённым мужем.

– Что случилось? – ледяным тоном спросила она.

Бандит остановился, как вкопанный, словно со всего маху наскочил на тот самый утес, с которого падал в одних трусах. С той только разницей, что сейчас находился без оных.

– Сашенька, а что..., а где... – пролепетал он и стыдливо прикрылся руками.

– Значит, при ней ты не стесняешься?

– Да что ты?

– Я здесь ни при чём! – подала голос Надежда. – Я и не видела-то почти ничего.

– Да, да! – радостно закивал головой Александр. – Ну ты сама подумай, на хрен она мне нужна, калека?

– Минуточку! – Надежда осмелилась выглянуть из-за двери. – Это кто калека? Это я калека?

– Это она калека?! – вознегодовал также и Иван, высунув голову. Он понял, что никаких ментов не будет и немного успокоился. – Ты чё, опять на мою жену бочку катишь?

– Ребята, вы чего? – сконфузился Александр. – Я же просто пошутил, ну, случайно вырвалось. Наденька, прошу у вас прощения.

Он было повернулся к ней и раскрыл объятия, но Надежда взвизгнула и, вновь зажмуриив глаза, нырнула обратно в свой угол.

– Трусы надень! – прикрикнула Александра.

– Конечно, конечно! Я просто забыл, что у нас гости. Когда прыгал, головой ударился, всю память отшибло.

– Лучше бы тебе что–нибудь другое отшибло.

И эта гордая красавица вскинула свою прелестную голову и церемонно удалилась из спальни.

Александр перевел дух и вытер со лба обильно выступивший пот.

– Фу-у! – выдохнул он облегчённо. – Вроде, пронесло.

Иван уселся на кровать, потом подумал и улёгся, наблюдая за быстрым облачением бандита.

– Короче! – тот вновь обрел уверенность в себе. – Сейчас идем на задание. Ванька, ты со мной?

– Чё надо делать?

– Кавказов бомбить. Тех, кто мне вчера звонили, я адрес узнал.

– Как?

– Ха! Ты просто не знаешь моих связей, у меня генералы в осведомителях ходят. Позвонили, сообщили. За что ж я им плачу?

– Круто! – позавидовал Иван.

– А то! Сейчас берем братву, стволы, фугасы и катим. Наденька, можете выходить.

– Ваня, не ездь с ним, тебя убьют, – обеспокоено проговорила та, выглядывая и выходя из-за двери.

– Замолчи, женщина! – взвился тот. – Хватит меня учить, доучилась! С мамочки своей подколодной пример берёшь?

– Я все поняла! – заревела Надежда. – Я больше не буду-у!

– Ну чё ты поняла? Чё?

– Я хочу с тобой быть! Ванечка мой!

– А-а, когда, значит, бедный был, ты во мне не нуждалась!

А теперь, когда я у Санька правой рукой, да с баксами, так понадобился! Кстати!

Тут же забыв про жену, Иван повернулся к Александру.

– Санёк, может быть сначала заедем к врачу этому, – сказал он. – Долбанём и его до кучи! Разукрасим так, что и он за горца сойдет!

Тот что-то прикинул в голове и согласно кивнул:

– Ладно! Я, честно говоря, не хотел, но жизнь моя и так полна всякого стрёма.

– Тогда дай мне автомат! Я с этим козлом за каждый цент посчитаюсь!

– Да бери хоть пушку. Для друзей ничего не жалко.

– Поняла?

И Иван показал жене язык вкупе с кукишем.

– Не надо, Ваня! – взмолилась та и бросилась ему на шею. – Я тебе рабыней буду!

Он надменно задрал подбородок и поджал губы.

– Не надо мне таких жертв! – сказал он. – Тебя же мама заругает.

– Наденька, а вы идите ко мне наложницей! – заявил вдруг бандит.

– Если ты не простишь меня, я выпрыгну из окна! – вы-

палила Надежда. – Неужели возьмёшь грех на душу?

Иван посмотрел на неё, как падишах на моль и усмехнулся.

– Ну, хорошо же!

Она опрометью подскочила ко все ещё распахнутому окну и, подпрыгнув, рыбкой сиганула через барьер.

– Прощай, Ваня-а! – донеслось до остолбеневших друзей.

Иван тупо уставился в оконный проём и раззявил рот.

– Вот это любовь! – восхитился Александр. – Вот это я понимаю! Ладно, пошли её вылавливать.

– В смысле?

– Без смысла. Внизу бассейн. Кстати, она плавать-то хоть умеет? Хотя это не важно, он мелкий.

– Какой бассейн?

Иван подошёл к окну и выглянул во двор. Внизу и в самом деле оказался небольшой водоём с русалкой, в роли которой выступала его дражайшая половина.

– Дорогая, ты не ушиблась? – спросил он её с высоты второго этажа.

Яростно отфыркиваясь и гребя к берегу здоровой рукой, Надежда лихорадочно барахталась в воде и пускала бульки. Вторую руку она задрала наверх, видимо, для просушки гипса.

– Помогите! – пропищала она.

Александр выудил из недр необъятного шкафа неведомо откуда взявшийся спасательный круг с надписью "Подвод-

ник" и с криком: "Человек за бортом!" метнул его утопающей.

Этот огромный бублик, повинувшись беспредельной руке бандита, вместо того, чтобы выполнить свою прямую миссию и спасти, угодил Надежде прямо в голову, заставив её прекратить своё броуновское движение и пойти ко дну.

– Ты чего?! – заревел Иван и нырнул на выручку.

Набежала братва. Надежду водрузили на строительные носилки, других не нашлось, зачем-то положили сверху спасательный круг и потащили в дом.

Иван шёл рядом и держал суженую за руку, та лежала неподвижной статуей. Александр несколько перестарался, пытаясь оказать бедняге посильную помощь.

– Не могу поверить! – произнёс Иван пристыжено. – Неужели она меня так любит? Дорогая! – он попытался привести её в чувство лёгкими шлепками по щекам. – Ты знала, что под окном бассейн, а? Может быть просто разыграть меня захотела?

Навстречу процессии степенно спустился Александр.

– Живая? – спросил он.

– Не знаю пока, – пожал плечами Иван. – Её в больницу надо.

– Сейчас отвезут. А где Колян?

– Машину готовит, – ответил один из братков.

– Ах, да! – Александр хлопнул ладонью по лбу. – Чуть не забыл! Извини, Ванек, сначала дела, а уж потом всё осталь-

ное.

– А если она умрёт?

– Похороним, как положено! Со всеми почестями!

При этих оптимистических словах Надежда открыла глаза и вскочила на ноги. Спасательный круг с грохотом откатился в угол холла и нечаянно сбил бесстыдную богиню, лишив дедушку Ленина единственной отрады.

– Со мной всё в порядке! – заявила она.

– Вот и чудесно! – ощерился Александр. – А теперь, женщина, иди наверх. Готовьте стол к нашему возвращению.

Иван взял было жену за руку, но она гордо отдернула её и молча зашагала по ступеням.

– По коням! – скомандовал бандит и ласковым тычком подтолкнул отвергнутого друга к выходу.

Глава 8

Виктор Степанович горько оплакивал тяжёлую утрату. Кража денег, вкупе с радиатором отопления, на несколько семимильных шагов приблизила его рассудок к пропасти сумасшествия. Головкин, конечно, гад, но по большому счёту, он здесь не при чём. Хотя Толоконный ни секунды не жалел, что выгнал того из своего дома, навсегда вычеркнув из жиденького списка друзей.

– Вот скотина! – негодовал он по поводу синяков и шишек, подаренных психиатром. – Хорошо ещё, что не сломал ничего, подлюка! Нет, ну дал же боженька приятеля!

Однако очень скоро негодование по поводу Головкиной выходки уступило место той горечи, о которой уже говорилось выше, и Виктора Степановича начало трясти самым реактивным образом. Он долго ползал на коленках перед опустевшей нишей в дикой надежде найти пропавшие баксы. Вдруг пластырь оказался некачественным и отклеился во время снятия батареи? Вдруг деньги просто закатились в какой-нибудь труднодоступный уголок и спокойно дожидаются, когда он их отыщет?

Но увы! Побаловав немного, злая фортуна повернулась к несчастному травматологу задом, а к сантехникам, соответственно, передом. Облазав все легкодоступные, труднодоступные и даже вовсе недоступные места, Виктор Степа-

нович начал обследовать кухню, прихожую, ванную комнату и даже балкон, но и там не нашёл ничего, кроме пыли, мусора и утерянных в разное время вещей.

Спустя некоторое время его квартира стала похожа на лёгкое подобие городской свалки, а сам врач окончательно пал духом. Слезы уже давно кипели на его покрасневшихся рубиновым цветом щеках, поджилки дёргались от тщетно сдерживаемых рыданий, а брючки в коленных суставах протерлись до дыр. До него наконец дошло, что деньги всё-таки украли. Но почему вместе с трубой? Эта загадка не давала ему покоя. Неужели для того, чтобы незаметно вынести из квартиры маленький рулончик с долларами, нужно было ломать стену, отрывать батарею?

Бедный Виктор Степанович не подумал о том, что он и сам-то перевернул все вверх дном, да шиворот навыворот вместо логичного вывода – искать следует не дома, а скорее бежать к ворам-сантехникам и долго и нудно упрашивать их сознаться в содеянном. Долго, нудно и, что самое главное – безрезультатно.

Однако стресс необходимо было как-то выводить из организма. Как всякий русский гражданин, Виктор Степанович знал только один способ. Он знал, что только заправление спиртным сможет напрочь вытеснить из тела любую заразу, в том числе и любой стресс.

Он с трудом пробрался на кухню, открыл холодильник, достал из его практически пустого чрева остатки спирта и на

всякий случай произвел обыск и там.

– Нет, – прошептал он. – Их нигде нет. И спирта мало.

Он вылил остатки в литровую эмалированную кружку.

– Хватит. Хотя, может быть и не хватит. Если нет, то пойду к этим держимордам, пусть поят. И так месяц на халяву гулять будут.

Преисполненный мрачного негодования, Виктор Степанович разбавил спирт градусов эдак до шестидесяти и начал выгонять стресс. Содержимое кружки убавилось почти наполовину, потом ещё и ещё. Потом...

Потом он решил, что к сантехникам всё же придётся идти. Кровь ударила ему в голову и печальные события показались вдруг не такими уж и печальными.

– Щас приду, ждите! – угрожающе сказал он и пьяно прищурил здоровый глаз.

Настроение потихоньку, полегоньку набрало недостающие градусы, а чувство собственного достоинства резко пошло вверх.

– И кого, суки, кинули, а?! Меня! Да я..! Да я присутствовал при перевязке самого губернатора! Когда он палец порезал! Знаю я таких!

Виктор Степанович швырнул кружку в кучу другой посуды, вываленной из кухонных шкафов и двинулся к выходу.

– Ну ладно! – бубнил он, спускаясь по лестнице. – Сейчас, сейчас! Я же сейчас... я за себя не отвечаю.

На улице веселилась жизнь. Мамки, бабки с детишками в

колясках и без колясок, папки и деды, любители карт и домино, все оккупировали любимые углы и занимались своими делами.

Каптерка сантехников находилась в соседнем доме, в третьем от вино-водочного пункта подъезде. Виктор Степанович даже знал их в лицо, не всех, конечно, но и те, кого знал, доверия отнюдь не внушали. Такие вот, вечно пьяные лица, без зазрения совести могли облапошить кого угодно. Особенно наивного, доверчивого врача, одиноко и незащитно коротающего свой век в нищете и тревоге.

Виктор Степанович Толоконный в жизни мухи не обидел (как ему казалось), но сейчас он готов был идти до конца, то есть практически созрел для убийства. Конечно же, в этом ему в немалой степени помог всё тот же алкоголь, причем трезвым умом врач до подобного шага просто не додумался бы.

Однако, по мере приближения к ненавистному подъезду, он с удивлением обнаружил, что невольно замедляет ход и почему-то боится этих небритых, невежественных работяг.

– Негодяи! – выпалил он, останавливаясь около ступенек. – Куда только полиция смотрит?

Подождав немного, в надежде увидеть кого-нибудь из "этих", но так и не увидев, он опечалился, не зная, что делать дальше.

– Убить их мало, сволочей!

После этого высказывания, взгляд его упал на странно

знакомый предмет, мирно валяющийся возле стены дома.

– Господи! – растерянно произнёс Виктор Степанович и протёр глаза потными от возбуждения кулачками.

Он даже не заметил боли в подбитом оке, поскольку странный предмет оказался ничем иным, как его собственным отопительным радиатором. Виктор Степанович, как ошпаренный, рванул напрямик к нему и быстренько осмотрел со всех сторон. Внизу, трогательной беленькой ленточкой, трепетал кусочек лейкопластыря. Денег, понятное дело, не было, чья-то грязная, безжалостная лапа утащила их в небытие. А, скорее всего, вот в эту самую проклятую каптерку.

– Ну все, вы меня достали! – грозно прошептал разъярённый врач и опрометью кинулся в подъезд.

В это время, со стороны проезжей части, к дому напротив тихо подкатил неприметный "шестисотый" Мерседес, остановился и из него вышли пятеро Винни-пухов. Вернее, четыре Винни-пуха и один Пятачок.

Они сделали вид, что заблудились и теперь решают, у кого бы спросить дорогу, к примеру, на Челябинск. Минуту спустя гости двора, по-видимому поняли, что подсказать верный путь им могут лишь в одной единственной квартире и стройной кучей отправились за ответом на наболевший вопрос.

Врач как раз пытался реанимировать тела смертельно раненых водкой работников труб и фитингов. Он хотел доко-

паться до истины, она была где-то рядом, но отчего-то всё время ускользала от него.

Когда раздался взрыв, Виктор Степанович уже был близок к разгадке. Сидя на кривом стуле, он выслушивал сбивчивые объяснения красноносого бородача с глазами лемура и понимал, что деньги уже вложены, заложены, короче говоря, денег нет и не будет никогда.

Он ещё не знал, что квартиры тоже больше нет. А также всего, что в ней было.

На улице раздались истошные крики, топот ног, восторженные мальчишеские вопли и Виктор Степанович счёл необходимым присоединиться к непонятным пока ему событиям. Он грязно выругался напоследок, стащил у сантехников недопитую бутылку и вышел во двор.

– Это террористы подстроили, я точно знаю! – сказала ему какая-то бабка и осуждающе покачала головой. – Вчера тоже взрыв был, в новостях передавали. Страх-то какой, господи!

– Это точно! – поддакнул Виктор Степанович.

Он уже практически смирился с потерей долларов и решил допить украденную водку дома. Предусмотрительно сунув бутылку за пазуху, он лениво наблюдал за клубами черного дыма, валящего из...

– Ы-ых!?!...

Окинув пьяным взором окрестности, он сориентировался в пространстве, посчитал этажи, окна... потом молча выудил бутылку, с треском отвинтил крышку и задрал голову,

приложил горлышко к пересохшим губам.

Бабка с ужасом проследила за его кадыком, перекрестилась пару раз и отошла от греха подальше. На ее тёмном от времени, морщинистом лице явно читалось глубокое отвращение.

Виктор Степанович допил свою отраву, отшвырнул пухляк в сторону и, слегка шатаясь, пошёл вперед.

– Говорю, там никого не было!

– Что ж, выходит, зря мы такого шума наделали? Хотя б ведь одного языка взять, всё б ведь рассказал, зараза.

Александр сидел на преднем кресле Мерседеса и разочарованно сжимал и разжимал кулаки.

– Надо было сначала выследить их, – сказал сзади Иван.

– Точно. Поторопились мы. Хотя...

– Что?

– Да я вот всё думаю, может наврал нам этот анонимщик?

– Насчёт чего?

– Насчёт того, что кавказы оттуда звонили.

– Наверяд ли. Видел, какой гадюшник в квартире? Разве может в такой помойке жить нормальный русский человек?

Иван многозначительно переглянулся с остальными и все сошлись на мнении, что дескать, нет, не может.

– Возможно, ты и прав, – задумчиво проговорил Александр. – Но, скорее всего, упустили мы их. Ушли горцы, квартиру переменили.

– А если это ловушка? – спросил вдруг Иван.

– Нет, не думаю. Но, вообще-то, всё может быть.

Они прокатили через весь двор и свернули на дорогу. Мимо бежали местные жители, они размахивали руками и показывали друг другу на пожарище.

– Вот интересно-то, – процедил сквозь зубы Александр.

– Что? – спросил Иван.

– Интересно, нас ктонибудь заметил, или нет?

– Да ну! Мало ли таких машин в городе? Никто и внимания не обратил.

– Хорошо. Теперь нужно расслабиться.

– А как?

– Выпить надо.

– Опять? – ужаснулся Иван.

– А чё ты предлагаешь?

– Ну, не знаю.

– Можно в сауну с девочками завалиться...

Иван сглотнул слюну.

– ... и водки взять побольше, – dokonчил мысль бандит.

Опять двадцать пять! – ругнулся Иван и откинулся в кресле.

– Зачем двадцать пять? – удивился тот. – Куда нам столько? Хватит и десяти. Бутылок.

– Ладно, поехали.

– Куда?

– За кудыкину гору.

– А это где?

– О, господи! – простонал Иван, – Колян, рули к дому.

– Ага.

Запищал сотовый телефон. Несколько минут Александр молча выслушивал какой-то сбивчивый доклад и за это короткое время его лицо сначала постепенно налилось краской, потом побледнело, затем вновь налилось.

– Что там? – спросил Иван. – Проблемы?

– Ноу проблем, – эхом отозвался тот и вдруг со всего маху обеими руками саданул по передней панели.

Крышка бардачка немедленно треснула и ввалилась внутрь.

– Ну, козлы! – заорал он, – Урою гадов! Чё, они там ошалели все, что ли, кретины?

Мерседес начал вихлять из стороны в сторону, колян еле справлялся с управлением, поскольку чем то разозлённый шеф принялся вести себя, как слон в посудной лавке.

– Да что случилось? – испуганно крикнул Иван.

Другие два Винни-Пуха, сидящие с ним рядом, тоже наделали в штаны, видимо, по-опыту зная, что может последовать за подобной вспышкой хозяйского гнева.

– Ты помнишь, что я вчера говорил? – спросил Александр у Коляна.

Тот притормозил и свернул к обочине. Двигатель заглох.

– Когда?

– Вчера, вчера! Ты глухой, что ли?

– Ну, говорил, ларьки надо бомбить, – неуверенно про-

изнёс Колян и оглянулся назад.

Братки дружно закивали бритыми башками.

– Какие ларьки? Какие?!

– Кавказов. Ты же сам и диктовал, по списку.

– Ну? А вы чего натворили?

– Чего?

Александр сплюнул.

– До чего ж бараны! Ванёк, представляешь, вместо чужих ларьков разбомбили свои. Ну не уроды?

– Уроды, – тут же отозвался тот. – Разве ж так можно ж?

– Вот и я про то. Нет, ну какая сука додумалась до такого, а?

Колян вытащил из нагрудного кармана сложенный вчетверо лист бумаги и протянул его шефу.

– Вот список ларьков, – сказал он. – Ты сам и продиктовал.

И всем раздали такие же, так что ошибки быть не могло.

Александр развернул лист и внимательно изучил его сверху донизу.

– Ничего не понимаю, – пробормотал он. – Что же получается? Выходит, я сам пререпутал, что ли?

– Ага.

– Вот гадство!

Иван неожиданно хихикнул.

– Ой, – сказал он. – Извини, я нечаянно.

Братки уставились на него, как на потенциального покойника и он тут же решил, что лучше будет спровоцировать

новый загул, чем попав под горячую руку, умереть ни за что.

– За это стоит выпить! – выпалил он и заржал.

– За что? – тупо спросил Александр, комкая в руках бумагу.

– За философию.

– Как это?

– Ну, понимаешь, того что было, не вернёшь уже, поэтому нужно сделать вид, что ничего и не было вовсе.

– А дальше что?

– Как что? Полегчает.

– Слушай, а это мысль, – вдруг оживился бандит. – Правильно, так и надо.

– Вот-вот, – поддакнул Иван. – Что было – то прошло, а нам жить надо.

– Ты гений, Ванька! Что бы я без тебя делал?

Братки облегчённо заулыбались, радуясь, что так легко всё сошло с рук, а Колян, в ожидании дальнейших указаний, тут же завёл движок.

– Учитесь, олухи. – сказал Александр. – Просто гора с плеч свалилась. В самом деле, да чёрт с ними, с этими несчастными ларьками. Бог дал, бог и взял. Кстати, надо будет к отцу Алексею заехать с визитом, пусть грехи снимет, а то полоса какая-то чёрная пошла.

– А с кавказами что делать? – спросил Колян.

– В смысле?

– Ну это, может исправить ошибку, пока не поздно? По

другому списку пройтись.

– Нет! – оборвал его Александр. – Не надо пока. Поехали домой.

Психиатр Головкин торжествовал недолго. Поняв, что друг его лишь каким то чудом остался в числе живых, он почувствовал смертельный страх и угрызения совести. Действительно, разве стоило звонить бандитам и, практически предав несчастного Толоконного, выписать ему пропуск если не на тот свет, то со стопроцентной гарантией в сумасшедший дом?

После своего звонка Александру, ещё не догадываясь, к каким последствиям это приведёт, Головкин быстренько оделся в новый спортивный костюм и отправился лицезреть картину возмездия.

Только когда взрывом выбило стёкла и из окон повалил густой дым, он понял, что натворил.

Психиатр, конечно же, видел метания обезумевшего от горя Виктора Степановича, злорадно смеялся над его нелепой суетой вокруг вновь обретённого радиатора, но потом ему стало совсем не до смеха.

Травматолог теперь уже окончательно свихнулся. Даже на расстоянии Головкину был ясно виден его диагноз.

– Степаныч, дорогой, ты в порядке? – подскочил он к бывшему другу, но тот вроде бы и не расслышал его вопрос, как сомнамбула шагая к своему дому.

– Степаныч, миленький, постой. – Головкин схватил его

за руку.

Виктор Степанович остановился. Народ, увлечённый стихийным бедствием, не обращал никакого внимания на двух страных мужчин, стоящих прямо в центре перекрестия всех дворовых тропинок.

– Прости меня, я не хотел, – попытался психиатр завязать разговор.

– Не хотел... – эхом отозвался тот.

– Слава богу, хоть ты живой.

– Ты живой...

– Что с тобой? – испугался Головкин не на шутку.

– С тобой...

Глаза Виктора Степановича подозрительно походили на глазные протезы восковых фигур из музея мадам Тюссо, а голос звучал в миноре, повторяя за психиатром окончания всех его вопросов.

– Степаныч, я тебя вылечу, – глотая слёзы, поклялся тот.

– Вылечу...

– О, боже!

– Боже! – Виктор Степанович глянул в небо. – Вылечу.

Жди меня, боже! Я сейчас вылечу!

Головкин вдруг понял, что начинает терять терпение.

– Подсадить? – с издёвкой спросил он.

– Боже, я уже вылетаю. Жди!

– На старт! – рявкнул психиатр. – Внимание! Марш!

Толоконный подпрыгнул на месте, взмахнул руками и за-

гудел, как реактивный самолёт. На лице его застыла счастливая улыбка.

– Налицо ещё один факт терроризма! – заявила с экрана всё та же настырная журналистка. – Все мы являемся свидетелями очередной попытки насадить в городе панику и неуверенность наших граждан в завтрашнем дне. Взорвана квартира в жилом доме. Кто возьмёт на себя ответственность за этот акт? И что это за лавина погромов, прошедшая сегодня ночью? Около пятидесяти торговых палаток были самым варварским способом изуродованы и разграблены. Наступило новое время, новая эра. Да, похоже на то, что в город пришла эра терроризма. Пожарные уже затушили огонь. Возможно, там были люди. Сколько их – неизвестно...

Иван выключил телевизор и потянулся к стакану.

– Нихрена себе! – восхитился Александр. – Это ж надо! Меня уже к террористам приписали.

– А тебе не по фигу? – спросил Иван. – Пусть болтает, что хочет.

– Нет, надо бы с ней поговорить. Пусть не мелет ерунды. Вот закатаю её в бочку с цементом, будет знать.

– Да что ты как ребёнок, ей богу? – усмехнулся Иван.

– Ладно, – поморщился бандит. – Пусть живёт. Слушай, а ты не знаешь, где наши бабы, а?

– Не знаю. Моя со мной вообще перестала разговаривать. Не пойму её никак – то в ноги кидается, а то морду воротит.

– Цену набивает, – уверенно заявил Александр.

– Думаешь?

– А то? Ну сам посуди, разве может она бросаться такими мужиками, как ты?

– Правда?

– Конечно! Даже моя и то на тебя поглядывает.

Иван мечтательно промолчал и в этот момент в гостиную вошла Надежда.

– О, Наденька, присаживайтесь.

Александр зачем-то встал и уступил ей свой стул, хотя стульев, дружным кольцом окруживших обеденный стол, могло хватить человек на сорок, а то и больше.

Та присела на краешек и осторожно положила гипсовую руку перед собой.

– А где Саша? – спросил бандит и развалился рядом.

– Сейчас придёт.

– Что значит – сейчас придёт? Она вообще дома? Знаю я эти её штучки-дрючки. Ванёк, ты не мог бы сходить посмотреть, где она?

– Мог бы, – тут же ответил тот и облизнул губы.

Надежда метнула на него ревнивый взгляд и отвернулась.

– Вот так и живу, – обнял её Александр и притянул к себе. – Только Ивану и могу доверять теперь, остальные все козлы. Эх, нет в жизни счастья.

Иван потихоньку выскользнул из-за стола и вышел за дверь.

– Ты когда-нибудь изменяла ему? – спросил бандит.

– Нет.

– Молодец! Какая же ты молодец. Люблю таких...

И он немедля запустил свою лапу ей под юбку.

– Иди сюда. – услышал Иван тихий, доносящийся непонятно откуда, голос Александры.

– Куда?

Дверь ванной комнаты открылась и он тотчас же был втянут внутрь её дрожащей рукой.

– Бери меня скорее! Ну давай же! Возьми меня всю. Ты лучший. Ты самый лучший в мире частный детектив.

– Да я не детектив, – сказал Иван, спуская штаны.

– А кто?

От удивления, Александра, вероятно, даже забыла, зачем его звала.

– Какая разница? – не понял он её реакции. – Тебе не всё равно?

– Есть разница. Я с каждым встречным не сплю, ты понял?

– Понял. То есть не совсем. А с кем же тогда ты спишь?

Иван не успел услышать ответ на поставленный вопрос, поскольку из гостиной вдруг донёсся дикий крик и грохот ломающейся мебели.

– Что это? – дёрнулся он и спешно натянул штаны.

– Не знаю точно, – принялась рассуждать Александра, – но, по-моему, это орал мой муж.

– А зачем?

– Откуда я знаю? Пойди и посмотри.

– Нет, – шарахнулся Иван. – Лучше ты.

– А я-то думала, ты бесстрашный и отважный, – протянула она разочарованно и, отворив дверь, вышла в неизвестном направлении.

– Ну и ладно, – пробубнил он ей вслед, – подумаешь, какие мы разборчивые.

Выглянув из ванной наружу и, убедившись, что войны вроде бы нет, Иван поспешил в гостиную.

Там по-прежнему находились Александр с Надеждой, правда, к этой довольно мирной картине прибавилось несколько перевернутых стульев, некоторые из них уже не подлежали починке.

– Что здесь случилось, Санёк? – спросил Иван.

Тот сконфуженно посмотрел на Надежду, потрогал затылок и скривился от боли.

– Всё нормально, Ванёк. Правда, Наденька?

Надежда баюкала загипсованную руку и отрешённо смотрела прямо перед собой.

– Он домогался меня, – сказала она. – Я об него чуть сломанную руку не сломала.

– Так это ты орала? – поинтересовался Иван.

– Нет, он.

– Домогался он! А ты что, забыла, как совсем недавно кидалась ему на шею? Конечно! Что ещё мог Санёк о тебе подумать?

– Что?

– Что ты развратная и распутная женщина. Именно таких и домогаются.

– Я именно так и подумал, – подтвердил Александр и с опаской покосился на страшное оружие Надежды.

– Я не такая! – заревела она, – Ванечка, любимый, прости меня. Я хочу с тобой быть.

– Опять за своё, – простонал Иван. – Ты о чём-нибудь другом можешь говорить?

– Не-ет!

– Друзья! – Александр вдруг встал. – Я хочу вам сказать одну вещь.

Супруги притихли и уставились на оратора. Тот откашлялся, снова ощупал затылок и продолжил:

– Времена и в самом деле настали тяжёлые .Есть только один выход из этого тупика.

– Какой?

– Нужно молиться. Короче, завтра всей семьёй поедem в церковь к отцу Алексею. Но сегодня нам всем надо хорошенько подготовиться. То есть – выпить.

Глава 9

Надежда долго не могла заснуть. Иван громко храпел рядом, но это совсем не мешало ей думать о нём. За последнее время в её голове родилось, созрело и умерло такое количество мыслей, связанных с мамой и мужем, что она просто-напросто потеряла им счёт.

Какой же эгоисткой была она, когда проводила в жизнь идейки, почерпнутые из наставительных разговоров с родимой мамулей. Ведь ещё до начала её замужества та постоянно нащёптывала, науськивала, натаскивала неопытную дочку, обучая азам семейной жизни. А суть этих азов состояла в ежесекундном контроле супруга и регулировании его действий в свою пользу. Другой альтернативы умудрённая опытом женщина не признавала и, следовательно, считала святым долгом передать великовозрастной Наденьке накопленные знания.

Однако, вопреки их совместным ожиданиям и разработанной стратегии, Иван оказался вдруг полной противоположностью папы-ботаника и проявил неожиданную строптивость. Причём, этим самым он до глубины души изумил не только Надежду, но и злюку-тёщу, привыкшую к мягкой податливости собственного супруга. Вся её теория: "Как насадить свой порядок в отдельно взятой семье", рухнула, как карточный домик, и Надежда, поначалу взбрыкнувшая, уй-

дя от Ивана, в конце-концов призадумалась.

Кстати говоря, думать-то ей приходилось крайне редко, за неё этим тяжёлым делом всегда занималась мама, что и привело к столь плачевным последствиям, практически развалив молодую, здоровую семью. Пораскинув мозгами, Надежда вдруг обнаружила, что живёт как-то не так. Нет, в принципе, всё шло довольно нормально, но эта самая нормальность походила на кукольный театр, где в роли кукловода выступала мать, ну а ей, соответственно, отводилась менее престижная, но зато более подвижная роль маленькой, глупой марионетки. Об отце речь не велась вообще. Он играл коврик, о который перед каждым выходом на сцену мать вытирала ноги. Впрочем, как и во всех остальных случаях.

Но тут Иван вдруг своим дерзким поступком открыл ей глаза и она поняла, что дальше так жить нельзя. По этому поводу Надежда даже пошла на то, на что раньше никогда в жизни не осмелилась бы – она поругалась с матерью и ушла мириться с мужем.

Дальнейшее уже печально известно. Судя по всему, у Ивана тоже что-то сдвинулось по фазе, поскольку из нормального человека он вдруг превратился в бандита с большой дороги. И Надежда заметалась. В больнице мать слёзно умоляла её бросить бредовую идею возобновить отношения с "этим уродом", обещала золотые горы(вероятно лень было самой драить полы и мыть посуду), чтобы только блудное чадо вернулось к ней под крылышко.

Иван, конечно, поступил очень низко, наврав про неё с три короба о пьяных похождениях на проезжей части, но ведь, если как следует разобраться, они сами вынудили его поступить подобным образом. Вот то, что с Александрой у него что-то там было, это, конечно, он зря. Хотя, злые языки всегда найдутся, может быть на него специально наговорили. На самом деле Ванечка ведь хороший, только от обиды испортился и теперь мстит, как может.

– Ничего, Ванюша, – горячо прошептала она и нежно прижалась к плечу мужа. – Мы с тобой всё переживём. Я теперь от тебя ни за что не уйду. Прости, если сможешь.

Иван застонал, прекратил свой храп и издал непонятный булькающий звук, раздавшийся откуда-то из недр организма.

– Спи, спи, мой родной, – продолжала шептать Надежда, – я с тобой отныне навеки-веков.

Гипс мешал ей обнять его рукой, поэтому, недолго подумав, она в припадке накатившей нежности закинула на Ивана ногу.

– А-а! – заорал тот во сне. – Замочу!

– Тише ты!

Боясь, что он разбудит весь дом, Надежда попыталась прикрыть ему рот. Но добилась лишь того, что всё-таки разбила мужу в кровь все губы.

– Ой! – ужаснулась она и поспешно вскочила с постели. – Что же я натворила? Прости, дорогой, я нечаянно.

Но, вопреки её опасениям, Иван тут же успокоился и про-

должил свой храп. В свете луны физиономия его стала похожа на морду обожравшегося крови вампира.

Надежда подождала немного и, решив, что на сегодня нежностей хватит, легла на прежнее место. Скоро в комнате, где их разместили, раздавался и её умиротворённый храпоток.

Психиатр Головкин тоже плохо спал в эту ночь. Он караулил бедного Виктора Степановича, из соображений собственной безопасности, привязанного к батарее.

Травматолога пришлось привести к себе домой. Толоконный настолько проникся идеей перелёта к всевышнему, что всю дорогу лупил глаза на небо и вслух мечтал об этой эпохальной встрече. Головкина он не узнавал. Только когда тот представился божьим посланником и предложил свои услуги в качестве проводника к вратам господним, он залился счастливыми слезами и упал к психиатру в объятия.

– Я знал, я знал! – без конца повторял Виктор Степанович, п орывался целовать психиатру руки и даже упал ниц к вящему неудовольствию последнего.

– Господь этого не приветствует, – вразумил он обезумевшего фанатика. – Встань, сын мой. В рай надо входить с прямой спиной.

– О, боже! – воскликнул Толоконный. – Я так рад, так рад, что ты прислал ко мне своего... не имею чести знать вашего имени-отчества.

– Архангел Гавриил моя фамилия, – подсказал Голов-

кин. – Идём со мной, я подскажу тебе путь.

– Спасибо тебе, о боже! – простонал растроганный травматолог.

Психиатр подхватил его под руку и чуть ли не бегом доставил в свою квартиру. В отличие от друга, он был несказанно женат, то-есть, помимо супруги, имел троих детей, собаку, кошку и хомячка Борзого. Сейчас всё его многочисленное семейство отдыхало на загородной вилле(избушке на курьих ножках, стоящей на берегу роскошного болота), поэтому свободный угол для приятеля нашёлся. Причём довольно быстро.

Виктор Степанович деловито оглядел до боли знакомую комнату и, не узнав её, кинулся к отопительному радиатору.

– Он вернулся, архангел Гавриил, – прорыдал он – Вернулся! Воистину, это чудо.

Прижавшись к радиатору всем телом, он закрыл глаза и затих. Видимо, вспоминал какую-нибудь восхваляющую дела господни, молитву.

– Кто вернулся? – устало спросил Головкин и упал в кресло.

– Понимаешь, он сначала был, потом пропал, а теперь, видишь, опять появился, – поднимая голову, возвестил Виктор Степанович.

– Знаю.

– Конечно, знаешь. Посланник божий должен всё знать.

– Ты чтонибудь ещё помнишь?

– Да, помню. Помню огонь до небес и из этого огня вышел ты.

Головкин потёр глаза и зевнул.

– О, господи, – пробормотал он. – Я и сам сейчас, наверное, рехнусь.

Всё было ясно, как день. Старый друг Степаныч срочно нуждался в госпитализации в специализированной клинике.

Когда стемнело, он привязал Толоконного к батарее бельевой верёвкой и улёгся сам. Но сон не шёл. Бандиты явно переусердствовали. Он-то думал, что получится шутка, розыгрыш, что Александр узнает во владельце указанной квартиры знакомую личность и ... всё, на этом всё и закончится. Конечно, Степанычу предстояло слегка понервничать (по его сценарию), однако в расчёты вкралась небольшая ошибочка.

У бандитов не оказалось хоть мало-мальского зачатка интеллекта. Что натворили, сволочи? Разве можно вот так, среди бела дня, устраивать самосуд? Позвонить в милицию и сообщить? А вдруг прознают? Вдруг найдут и взорвут, как квартиру Толоконного?

– Нет, этот вариант отпадает! – убеждённо пробормотал он. – Как каждый добропорядочный и законопослушный гражданин, я просто обязан заботиться о собственном спокойствии и безопасности. А какая, к чёрту, безопасность после помощи родным органам? Дня через два, а может и пораньше, живьём закопают.

А что, если позвонить самому Александру? Объяснить ситуацию, рассказать, до чего довели несчастного врача их дурацкие выходы.

Головкин уже успел забыть, что это именно его звонок запустил в действие карающий механизм, обвиняя всех и вся, но только не себя самого.

Давно перевалило за полночь, когда он, наконец, забылся беспокойным сном, так ничего и не решив. Впрочем, нет. Одно решение он всё же принял. С утра следовало забронировать местечко в сумасшедшем доме.

Совсем не спала этой ночью Степанида Егоровна, мать Надежды, она же тёща Ивана, она же супружница Геннадия Олеговича, отца Надежды(если верить паспорту). Причиной её бессонницы являлось довольно непривычное положение, выраженное в стационарном лечении сердечного приступа, а также и все последние события.

После того, как зять(чтоб он сдох!), вкупе с бандитообразным монстром увели её дочь, Степанида Егоровна упала на ещё тёплую больничную кровать и зашлась немым криком. Спасибо бдительным травмированным тёткам. Если бы не они, то, возможно, помощь медиков уже не понадобилась бы. Но на её счастье, спустя полчаса после ухода визитёров, тётки, закончив смотреть очередной слезливый сериал и, насквозь пропитавшись чувством сострадания к ближнему, обратили наконец своё внимание на странное хрипение, издаваемое доселе вроде бы здоровой женщиной и позвали док-

тора.

Степаниду Егоровну отвезли в кардиологический центр и выдали ей старый, линялый халатик. Мир для неё перестал быть миром. Всё, что долгие годы создавалось упорным трудом, вдруг пресеклось и приносит плоды. Вдобавок ко всему, муж-ботаник неожиданно проявил злостное неуважение и невнимательность к страданиям своей дражайшей половины.

Это выяснилось сразу же. Степанида Егоровна с утра позвонила домой и потребовала принести ей запас продовольствия, мини-гардероб и несколько штук её любимых романов.

– Запиши, ничего не забудь, – приказала она Геннадию Олеговичу, нисколько не сомневаясь в том, что тот в точности всё исполнит. – Только ничего не перепутай, а то ты можешь.

– Что я могу? – довольно недружелюбным голосом спросил тот и это неприятно царапнуло её по подорванному сердцу.

– Ты всё понял?

– Я всё понял. Что ещё?

Нет, тон мужа совсем не понравился Степаниде Егоровне, даже сквозь трубку в нём ощущалась какая-то перемена настроения.

Следующий звонок домой и вовсе сбил её с толку, так-как на этот раз трубку снял неизвестный обладатель приятного

женского голоса и пьяно поинтересовался – кто, мол, там?

– Как – кто? – возмутилась Степанида Егоровна.

– Да вот так, – нахально заявил голос.

– Я домой звоню!

– Ну и звони себе на здоровье. Ха–ха!

Раздался коротенький смешок и, вслед за ним, возник не менее пьяный голос мужа.

– Слушаю, – игриво объявил он.

– Нет, это я хочу услышать, кто эта сука, которая сейчас со мной разговаривала? Почему ты ещё не у меня?

– Вы ошиблись номером.

Геннадий Олегович явно издевался. Сквозь его наглые слова прорывался приглушённый смех, причём особой, его производивших, было не менее двух.

– Что ты... – начала она было гневную речь, но, судя по всему, лишённый контроля муж решил расслабиться на полную катушку. Трубку он бросил, не дослушав жену даже до середины вопроса.

Степанида Егоровна была раздавлена, расплющена и разбита. Сначала дочь пошла наперекор её материнской воле, теперь этот драный козёл, Гена, который раньше боялся даже взглянуть на неё косо. Что-то пошло не так, но вот что? Этого, пригвождённая недугом к больничной койке, женщина, не смогла себе объяснить.

Вот потому-то и не спалось Степаниде Егоровне в эту страшную ночь.

Зато отлично заснул Геннадий Олегович. Узнав , что жена ушла в больницу, да так и не вернулась, он пришёл в дикий восторг. Жизнь его, расписанная деспотичной супругой по часам и минутам, была настолько серой и будничной, что то жалкое существование , которое он влачил рядом с ней, лишь только с очень большой натяжкой, можно было назвать, собственно, жизнью.

Жена(Степанидочка, и никак иначе!) смогла так зажать его в кулак, что он и пискнуть не смел в её присутствии. Чревато было. Скандал, устраиваемый Степанидой Егоровной, по поводу и без повода, мог продолжаться столько времени, сколько хватило бы на кругосветное путешествие пешком и вплавь через океан.

Поэтому-то и старался Геннадий Олегович угодить ей во всех мыслимых и немыслимых прихотях, лишь бы только не слышать опротивевшие визги. Но, прийдя в институт, замордованный домашней бытовухой, ботаник, превращался чуть ли не в светского льва и всюю кадрил молоденьких студентов, приходивших к нему на перезачёты. Конечно, если бы об этом как-то узнала, или догадалась, жена, то подобное известие произвело бы в их семейном гнезде ядерный взрыв.

Было от чего торжествовать Геннадию Олеговичу. Две лапули, Светка и Наташка, тотчас же получили приглашение на домашний зачёт под водочку с танцами при свечах, а бедная, больная, Степанида Егоровна, неожиданно натолкнулась на стену холодного непонимания и грубой иронии.

Довольные удачной сдачей зачёта, девочки тихонько по-сапывали по бокам. Плевать они хотели на все житейские проблемы, на бесконечную зубрёжку ради получения никому не нужных знаний. Зачем мучить голову, когда все вопросы можно решить давным-давно известным способом и преспокойно завершить обучение, кочуя из одной постели в другую? Да ещё и получать при этом массу бесплатных удовольствий.

Назавтра им предстоял ещё один зачёт, поэтому необходимо было хорошенько выспаться.

Глава 10

– Сашенька, Сашуля! Где ты?

Александр с закрытыми глазами шарил рукой по кровати.

– Опять, стерва, сбежала! Тьфу ты, прости, господи!

По-прежнему, не открывая глаз, он уселся и надел шлёпанцы. Подготовка к посещению отца Алексея произошла на должном уровне, об этом свидетельствовало всё внутреннее состояние.

– Сашка! – рявкнул он, теряя терпение.

– Чего тебе? – огрызнулась та где-то рядом.

– Ты где? – удивлённо спросил бандит.

– Глаза разуй, увидишь.

Он чуть расклеил опухшие за ночь веки.

– А-а , вижу теперь. Гы-гы.

Жена стояла уже одетая и брезгливо всматривалась в его обрюзгшее от постоянных пьянок лицо.

– Что, всё таки решила? – догадался он вдруг.

– Что?

– Ну, это... Слушай, я, наверное, опять перепил, да?

– Да уж!

– Значит, всё-таки уходишь?

– Куда? Куда я ухожу?

– К Ивану... Это, постой, а разве ты мне не говорила? Что-то я плохо соображаю.

Александр фыркнул, как лошадь и энергично потёр виски.

– Ты что, бредишь? – поинтересовалась Александра.

– Всё может быть. Жизнь какая-то чудная пошла. То ли сон видел, то ли всё на самом деле было, сразу и не врубишься.

– Пить надо меньше!

– Точно, – оживился бандит. – Я ж сам всегда говорил, что последний стакан лишний, не надо его пить. Но... каждый раз сбиваюсь со счёта. Нет! Так нельзя! Нужно к попу съездить, чтоб грехи снял.

– Дурень! Грехи отпускают.

– Ты что-то путаешь. Отпускают знаешь как?

– Как?

– Ну, например, тормознули тебя менты за какойнибудь зехер, съешь им бабки, они тебя и отпускают.

– Какой ты умный, – притворно восхитилась она познаниями мужа.

– Да? – ощерился тот во весь рот. – А где Ванька?

– Знать его не желаю, – тут же отвернулась Александра. –

И чего ты с ним цацкаешься?

– А чё? Нормальный мужик. Он мне даже кого-то напоминает.

– Кого?

– Чёрт его знает. А так ты зря, нормальный он, вот только жену себе нашёл... маньячку.

Александр потрогал затылок.

– Какой он нормальный? Вшивый голодранец. Приставал ко мне.

– Чё, серьёзно?

– Откуда я знаю? Может и несерьёзно. Так, поматросить и бросить.

– Ну и чё, поматросил? – подозрительно спросил Александр.

Та запнулась на полуслове и покраснела.

– Отвечай! Не надо скрывать от меня то, что я и так знаю.

– Что?

– Про твои выходки! Ты смотри, я ведь добрый, добрый, но терпение может и лопнуть.

– Как ты мог подумать обо мне такое? – покачивая головой, с горечью спросила она.

– Да ладно! – Александр вскочил и взял низкий старт. – Замнём пока. Я пойду, бассейн приму. Ва-а-у-у!

Он взял курс на распахнутое окно, разбежался и повторил вчерашний подвиг Надежды, считая, видимо, что, если уж слабая(местами)женщина смогла нырнуть рыбкой, то он, тренированный и закалённый в сражениях боец, сможет и подавно.

И смог! Правда, с одной небольшой разницей.

– Стой!!! – крикнула ему вслед Александра, но было уже поздно.

Лишь вылетев из окна, он понял, вернее, вспомнил, что,

вопреки установленному правилу, ночевал сегодня не в своей любимой спальне, а в комнате, расположенной в другом крыле дома. Во время подготовки ко встрече со святым отцом, Александр решил спяну поразить воображение супругов Хламиных небывалым гостеприимством и любезно предоставил в их распоряжение свою личную кровать, а сам...

Александра подбежала к окну и с ужасом выглянула во двор. С высоты второго этажа муж показался ей маленьким и беззащитным. Он лежал, широко раскинув руки и ноги, бесформенным обрубком примяв газонную травку.

– Саша, ты живой? – спросила она.

Ответа не последовало. Со стороны надворных построек уже на всех парах неслись братки. Они испуганно галдели и выхватывали из-за поясов брюк пистолеты.

Пока один из них отдирает упавшего хозяина от земли, второй присел и начал целиться во все подозрительные предметы.

Александра с тревогой следила за их профессиональными действиями.

– Как он? – с тревогой спросила она.

Второй взял её на прицел и она, в страхе быть застреленной в расцвете лет, отшатнулась от окна. Но тут же выглянула снова.

Бандиты по-очереди прикладывали уши к груди шефа и слушали, как тикает сердце.

– Живой, вроде, – предположил один. – Кажись, дышит.

– Ну что там? – снова спросила Александра.

– Всё в порядке, – обрадованно доложил второй, опять беря её на мушку. – Дышит.

Александр громко застонал и, слегка приподнявшись, принялся выплёвывать землю, пополам со свежими, зелёными ниточками травы.

– Кха,кха! Вы, сволочи! – прорычал он. – Где мой басейн?

– Да он там, – махнул один из них в неопределённом направлении.

– Молчать! Где – там?

Бандиты вытянули руки по швам.

– Ой-й, боже ж ты мой!

Александр обхватил голову руками.

– Сашенька, – жалобно позвала Александра. – Ты живой?

– Пошла ты! – заорал он и стиснул зубы. – У-у, если бы не твоя болтовня...

– Прости меня.

– Иди, иди к своему Ваньке! Держать не буду. Я из-за тебя сдохну скоро к чертям собачим, прости господи!

– Ах так! – расвирипела вдруг Александра. – Ты сам это сказал.

Она тут же скрылась в глубине комнаты, а Александр, подерживаемый под руки бандитами, потихоньку двинулся в обход дома.

– Одни неприятности из-за неё, – бубнил он, как бы оправдываясь за свои слова. – Вот ведь баба.

Братки вели его молча, боясь ляпнуть что-нибудь невпопад и тем самым навлечь на себя гнев покалеченного хозяина. Тот страшно хромал и прикрывал отбитое место. Потное розовое тело было усеяно грязно-зелёным месивом, отчего стало напоминать собой пятнистый камуфляж спецназа.

– Куда вы меня тащите, мудаки? – беспокойно озираясь, спросил он вдруг.

– Домой.

– Какое, нахрен, домой? Ведите меня к моему бассейну.

Братки моментально изменили направление на сто восемьдесят градусов и поволокли его туда, куда приказали.

Но бассейн оказался занят. Весело отфыркиваясь, в нём всюду плескался друг Иван. Став похожими на клоунские, губы его посинели и раздулись.

– Ждорово, Шанёк! – приветливо прошепелявил он. – Во-да шегодня – клаш!

– Здорово, – хмуро ответил Александр. – Ты чё тут делаешь?

– Купаюшь.

– А-а. Как же я сам не догадался?

– Бывает.

– Чё у тебя с губами? Надька, что-ли укусила?

– Да нет.

– Тогда кто же? – ещё больше нахмурился Александр.

– Не жнаю. Клопы, наверное. Шлушай, а ждорово ты придумал иж окна прыгась.

Александра невольню передёрнуло, он с тоской глянул на открытое окно своей спальни и про себя решил, что во избежание повторения сегодняшнего происшествия, велит выкопать вокруг дома ров и наполнить его водой. Чтобы уж наворачняка.

– Ты не забыл? – спросил он.

– Про сё?

– Про отца Алексея.

– Сё, севоня его мосить будем?

Услышав такое кощунство, Александр оторвал правую руку от низа живота и истово перекрестился.

– Рехнулся ты, что ли? – испуганно выпалил он. – Отца Алексея нельзя мочить, он пользу приносит.

– Какую?

– Грехи снимает... или отпускает, хрен его разберёт. Но только после этого начинаешь чувствовать себя как-то спокойнее, чище, что ли. Как младенец.

– Да ус, помыться тебе не месало бы, – посоветовал Иван, вылезая из воды. – Надька, полотенсе давай!

Надежда тут же возникла в окне спальни и спустила его заказ на верёвочке.

– Вот это сервис! – восхитился Александр. – Научи, а.

– Сяс. Веди зену, наусю.

– А она... это, к тебе убежала, – вздохнул тот.

– Ну, нисего, нисего.

Прыгая на одной ноге, Иван шлепками выколачивал воду из уха и кричал от удовольствия.

– Ванюша, – подала голос Надежда. – Держи полотенце.

– Обозди!

– Завидую я тебе, – сказал Александр. – Прямо чёрной завистью. Мне бы так жить.

– Кто с тебе месает, зиви.

– Не могу, – посетовал бандит и тяжело плюхнулся в бассейн, при этом забрызгав с головы не только обоих братков и Ивана, но даже Надежду, легкомысленно высунувшуюся из окна чуть ли не по пояс.

– Не могу! – проревел он белугой, когда вынырнул на поверхность. – Как задолбало всё! Не жизнь, а дерьмо сплошное.

Не посмев даже утереться, охранники стояли не шевелясь. Иван же подошёл вплотную к дому и, ухватив привязанное к верёвочке полотенце, рывком потянул на себя.

– Надоело всё! – выкрикнул Александр в прежней плаксивой тональности и вдруг заорал во всё горло: – Не-е-ет!..

То ли Надежда задумалась о чём то своём, вновь увидев хозяина особняка в неглиже, то ли просто запуталась в петле, только неосторожно выглядывая из окна, она неожиданно ощутила, что верёвочка резко натянулась и...

Короткий вскрик Александра завершился более чем печально. Расширив глаза от ужаса, ставшие с небольшое

блюдец каждое, Надежда выскочила из окна, как чёртик из коробочки и инстинктивно выставила перед собой обе руки.

Гипсовая торпеда со свистом врезалась бандиту прямо в лоб и, высвобождая из своего плена больную конечность, разлетелась на множество бледных кусочков. Два предсмертных вопля в конце концов утонули в шуме водного взрыва.

Иван разинул рот и от удивления выронил полотенце в траву. Не поняв, в чём, собственно, дело, он просто стоял и наблюдал за женой, которая, цепляясь как кошка руками за край бортика, выкарабкивалась на сушу.

Что же касается Александра, то его действия в корне отличались от действий протаранившей его девушки. Он просто пошёл ко дну. Братки молча нырнули следом и, в то время, когда они под опытным руководством Ивана вытаскивали хозяина из воды, Надежда с радостным удивлением ощущала вновь обрётённую руку.

– Ничего не пойму, – пробормотала она, не обращая ни малейшего внимания на суету возле тела. – Не могла же она так быстро срастись.

– Сто ты наделала? – подскочил Иван. – Ты же его сють не убила, дура!

– Ванечка! – она бросилась к мужу. – Кажется, у меня рука не сломана.

И, от нахлынувших чувств, Надежда впиалась ему в губы.

– А-а! – завопил тот и отскочил подальше. – Больно же!

– Ой, прости, но я так обрадовалась.

Одежда прилипла к её телу, волосы мокрыми, вьющимися прядями упали на плечи и лоб и, облизывая разбитые губы, Иван вдруг невольно ею залюбовался.

Тем временем Александр продолжал не подавать признаки жизни. Братки обеспокоенно тормозили его, пытались вспомнить, как делается искусственное дыхание и потихоньку отчаивались.

– Надо врача вызвать, что ли? – наконец сказал один из них.

– Я знаю одного врася, – повернулся к нему Иван. – Надо его вызвась, заодно и деньги требую.Надь, иди позвони.

– А номер какой?

– Не знаю. Санёк знал, – он взглянул на Александра. – Но теперь, наверное, забыл. Стой! Он у него был в телефоне записан.Иди, поиси.

– Сейчас.

Надежда упорхнула мотыльком, а Иван обтёрся, наконец, полотенцем как следует и, счастливый, удалился.

В поисках телефона жена рыскала по всему дому, а он, в одних трусах, хозяином расхаживал по первому этажу.

– Иди сюда, – услышал он вдруг горячий шёпот и содрогнулся.

– Опять ты?

– Иди скорее. Сколько же тебя можно ждать?

На этот раз неистовая Александра зазывала его откуда-то из подвала. Иван оглянулся, прислушался к шуму, создава-

емому женой и лениво спустился по ступенькам.

– Ну, чё тебе надо-то?

– Я хочу тебя, – она мигом скинула одежду. – Иди , возьми меня.

– А как же вчерашнее?

Иван, который сначала шипел, не имея возможности в полной мере использовать разбитый речевой аппарат, потом свистел по той же причине, от мгновенно возникшего желания зарычать диким зверем неожиданно ощутил возвращение полноценной дикции.

– На коленях за тобой буду ползать! Будь ты даже распоследний бомж из помойки, всё равно ты лучший.

– Докажи.

Александра мигом стянула с него трусы, присела и замурлыкала, как котёнок.

– Там Санёк погиб, наверное, – расслабленно закрыв глаза, сказал Иван, но всецело отдавшись неумолимой тяге любить и быть любимой, она не обратила на его слова ни малейшего внимания.

– Неужели тебе совсем его не жалко? Ведь он беспокоится, где ты, с кем ты? А я вот, лучший в мире друг, вместо того, чтобы поддержать, обманываю его. И Надьку обманываю, делаю вид, что всё нормально. Ну чего же ты молчишь?

– У меня же рот занят, дурачок.

– Ладно, тогда молчи. Сильнее молчи! Вот так! Так! Да-а, мне нравится твоя игра в молчанку!

– Ваня, Ванечка! – раздался сверху призывный крик Надежды. Я нашла! Где ты?

Раздосадованно застонав, Иван схватил Александру за голову, останавливая неистовый ритм распалённой сексуальной маньячки в самой глубокой фазе.

– Тише! – шикнул он на неё и приложил палец к губам. – Надька услышит.

– Ваня!

Надежда орала уже где-то прямо над ними.

Александра вдруг выпучила глаза и побледнела, потом, чуть помедлив, начала судорожно дёргаться и мычать.

– Ты чего? – не понял Иван.

Из глаз её потекли слёзы и он, наконец, понял, что она задыхается.

– Ой! – сказал он и отпустил её голову. – Извини.

Она тут же схватилась руками за горло и, хватая ртом воздух, заплакала.

– Извини, я не хотел, – повторил Иван. – Только тихо! Не дай бог, услышит.

Сверху донеслось громкое топанье множества ног и обеспокоенный гомон осиротевших братков. Видимо, они доставили тело хозяина домой и теперь пытались решить, что же им делать дальше.

– Ребятки, вы Ваню не видели? – спросила Надежда.

– Видали мы твоего Ваню знаешь где? – рявкнул один.

– Где?

Место, в котором они видали Ваню, тот назвал неприличным словом и, как оказалось, был не так уж далёк от истины.
– Грубиян!

В этот момент Иван понял, что настало время выбирать-ся из подвала, так-как его долгое отсутствие, вкупе с долгим отсутствием Александры, могло быть неправильно истолковано женой.

– Ну что, нашла телефон? – спросил он, как ни в чём ни бывало, поплотнее прикрывая за собой дверь.

– Нашла... А что ты там делал?

Иван ненадолго опешил.

– Как – что? Ну это... ты бы лучше помолчала. Натворила делов. Санька чуть не угробила. Человек, может, и не выживет теперь, а ты время теряешь драгоценное. Позвонила врачу?

– Нет.

– Ну вот, – констатировал Иван и поправил трусы. – Так я и знал.

Надежда конфузливо потупила глаза и тут за мужниной спиной неожиданно открылась дверь. Уже полностью одетая, но всё ещё зарёванная Александра, словно привидение возникла из подвала и молчком продефилировала мимо остолбеневшей публики.

– Ах, вот значит что ты там делал, – набычилась Надежда и воткнула руки в бока.

Иван старательно отводил взгляд от аппетитного зада,

поднимающегося вверх по лестнице.

– Ничего это не значит, – возразил он.

– Нет, значит, – она повернулась к браткам. – Ребятки, простите меня за то, что я вам сначала не поверила.

Александр вдруг всхрипнул и засучил ногами, что превратило назревающий скандал и заставило всех присутствующих обратить внимание на чудо воскрешения "а ля Лазарь".

– Не-ет! – заорал он и сделал несколько глубоких вдохов и выдохов. Наверное, всё ещё находился в плену последней увиденной им картины.

– Шеф! Шеф! – тут же оживились братки.

– Не-т! – закрывая голову руками, продолжал орать тот.

– Успокойся, Сань, – посоветовал Иван. – Сейчас доктор приедет. Надька, иди звони.

Та пошла. Но перед уходом подарила ему взгляд, говоривший о том, что основной разбор полётов ещё впереди.

Александр наострил ушки.

– Надька?

– Ну, Надька, а чё? – спросил Иван.

– Надька?! – вдруг истерически завизжал тот. – Убери её от меня! Убери!

На лбу бандита, подпираемая изнутри внушительной шишкой, горела огромная ссадина. Удивление всех вызывало то, как вообще его черепок смог выдержать подобной силы удар. Причём, с минимальными потерями.

Однако, когда Александр смог открыть глаза, оказалось,

что те немного сдвинулись с насиженных мест и теперь смотрят на кончик разбитого носа.

– Сатана пришла в мой дом! – нараспев заканючил он. – Отец Алексей, где ты? Сними мои грехи! Сними, падла, прости господи! Я так не могу больше жить! Не могу-у-у!

– Шеф! – хором испугались братки. – Не покидай нас! Как же мы без тебя?

– Да куда он денется? – сказал Иван и вновь подтянул трусы.

И тут, откуда ни возьмись, появилась Надежда.

– Телефон не отвечает, – сообщила она.

– Её голос! Опять её голос! Изыди, сука!

Александр, насколько смог, вжал своё огромное тело в угол и попытался как следует рассмотреть, стоящую у его ног, ничего не понимающую Надежду. Но глаза не слушались, упрямо косясь на переносицу.

– Всё! Я пропал! – выкрикнул он, дёрнулся несколько раз в судорогах и, потеряв от переизбытка чувств остатки сознания, затих.

Иван невесело посмотрел на жену.

– Вот видишь, что ты наделала? – грозно спросил он. – Вот как ты на людей влияешь. Был здоровый, умный, сильный мужик. И что теперь? Умственноотсталый больной калека.

– Я не виновата, – потупилась та.

– Не, ну ты вообще красавица! Кто же тогда виноват? Я, что ли?

– Не знаю.

Зато я знаю!

– Эй, мужик, чё теперь делать-то? – спросил тут один из братков, видимо, не привыкший к самостоятельным решениям.

– Не мужик, а Иван Сергеевич, – сразу приструнил его Иван. – Думаю, что до полного выздоровления моего лучшего друга и соратника Александра, придётся мне лично взять всю ответственность на себя и приступить к исполнению обязанностей вашего пахана прямо сейчас.

Братки угрюмо переглянулись и промолчали.

– Смирно! – гаркнул Иван.

Признав в нём нью-вожака, те тут же вытянулись в струнку.

– Слушай мою команду! Собрать всю братву, я речь толкать буду. Нас ждут великие дела. Идите.

Те бросились выполнять приказание, обрадованные, что опять не надо пытаться думать самим, а просто идти, куда посылают и делать то, что велят.

Надежда мрачно смотрела на рук своих дело, то есть, на изуродованного ею бандита, ставшего калекой.

– Ты сошёл с ума, – обращаясь к мужу, констатировала она.

– А как иначе я мог поступить? Кто же ещё, если не я? Ты только посмотри на эти тупые рожи, разве смогут они руководить целой империей?

– А ты прям сможешь!

– Да чего тут сложного? Подумаешь, проблема. По сути дела, эти дебилы и сами знают, что делать, просто об этом не догадываются. Надо только пальцем тыкать и всё.

– Убьют ведь тебя, – со слезами в голосе сказала Надежда. – Как пить дать, убьют.

– Это мы ещё посмотрим, – воинственно возразил Иван. – Ладно, ты знаешь что?

– Что?

– Иди отсюда, не мешай мне.

Он снова подтянул всё время сползающие трусы и отправился на второй этаж.

– Ты куда? – жалобно спросила она.

– Одеться надо перед собранием. К людям я должен выйти во всём блеске своего авторитета.

– А мне что делать?

– Названивай врачу и карауль Санька. Очнётся, попроси у него прощения.

– Хорошо.

Надежда смахнула слёзы с ресниц и присела на подлокотник кресла, стоящего рядом с Александром.

– Бедненький ты мой, – прошептала она, глядя его по стриженному затылку. – Всё будет хорошо. Всё пройдёт. Ты, главное, не беспокойся. Иван всё уладит.

– Пить! – вдруг просипел тот.

– Сейчас.

Она мигом сбегала на кухню и принесла оттуда литровую кружку воды.

– Вот, пей.

По-прежнему кося глазами, Александр несколько раз промахнулся но, в конце концов, поймал кружку, дрожащими руками поднёс её ко рту и сделал глоток.

– Тьфу! Что это? – спросил он, отплёвываясь.

– Как что? Вода.

– Я же пить просил, – поморщился он. – Водки дай.

– Сейчас.

Надежда вновь вскочила, вышла и вернулась с бутылкой водки.

Жадно припав к горлышку, Александр вылакал весь пузырь за считанные секунды. За это короткое время глаза его вернулись в нормальное положение, а мертвенно-синюшное лицо опять стало розовым.

– Ох, хорошо! – крикнул он. – Ещё.

– Сейчас.

После второй бутылки Александру стало ещё лучше, только вот глаза теперь немного, совсем чуть-чуть, разошлись в разные стороны. Однако, бандита это совсем не портило, даже наоборот, придавало разбитому лицу некий загадочный шарм.

Проглотив последние капли, он отбросил пустой пузырь в сторону и расслабленно вытянул ноги.

– Ну как, полегчало? – с тревогой следя за его преобра-

жением, спросила Надежда.

– Как будто с того света вернулся.

– Ну и как там?

– Где?

– На том свете.

– Страшно. Вы и не представляете, Наденька, до чего же там всё жуткое. Я даже саму сатану видел. И... вы меня извините, но она была похожа на вас.

– Кто?

– Сатана.

– Что, я такая уродина, да? – обиделась Надежда.

– Вы прекрасны, Наденька. Можно, я вас поцелую?

– А вдруг Иван увидит?

– А мы быстро.

Надежда оглянулась на лестницу и, чуть подумав, махнула рукой.

– Ладно, давай.

Обещанная Александром быстрота слегка затянулась. Через пять минут Надеждин гардероб был разодран в клочья, а сама она изображала лихую наездницу, подпрыгивая на бандите в такт его ритмичным движениям.

– Быстрее, быстрее! – шептала она. – Иван может увидеть. Боже мой, я же ему изменила! Стыд-то какой.

– Скажешь, что за причинённый ущерб, – пьяно оскалась, научил её Александр.

– Срам то какой! О, господи!

– Да, хорошо, что напомнила. Очень кстати. Надо к отцу Алексею сходить.

Тем временем по лестнице барственной походкой спускался Иван. Хозяйский костюм-тройка, найденный им в гардеробе, оказался раза в три больше, чем требовалось, но он потрудился на славу, для увеличения комплекции поддев несколько толстенных свитеров, отчего теперь страшно потел. Напрочь забыв о жене, о лучшем друге Саньке, он гордо шествовал по ступенькам и прокручивал в голове приготовленную речь. Однако дойдя до середины лестницы...

Бесстыдно подставляя спелые груди Александровой пасти, Надежда выгибалась всем телом и возбуждённо стонала.

– Замочу суку! – заорал Иван и ринулся вниз.

– Ой, мамочки! – завизжала та и резво подскочила со своего седла. – Не надо, Ваня, не убивай!

Александр натянул трусы и, как ни в чём ни бывало, произнёс:

– Ванька, друг, давай выпьем. С горя, а? За баб наших, шлюх.

Иван остановился и, тяжело дыша, оглядел его с головы до ног.

– Чё, выздоровел? – спросил он.

– Как видишь. Жена у тебя, я скажу, просто как бальзам для...

– Для чего?

– Угадай с трёх букв.

– Понятно.

Иван вздохнул и принялся яростно срывать с себя бандитское барахло.

– К чёрту всё, – бубнил он при этом. – Поцарствовали и хватит.

В ожидании высшей меры наказания, Надежда не двигалась с места и тщетно пыталась прикрыться остатками платья, но муж перестал обращать на неё внимание.

– Ваня, я не хотела, – несмело прошептала она.

– Да? – удивился тот.

– А чё ты мой костюм одел? – спросил Александр.

– А что мне, в натуре, оставалось делать? Ты помирал лежал. А быки твои без твёрдой, руководящей руки, вообще ни на что не годны.

– И ты решил... – от умиления Александр чуть не заплакал. – Вот это настоящий друг. Спасибо тебе.

Он с огромным трудом поднялся и облапил Ивана своими ручищами. Под его тяжестью тот еле устоял, но гордо вскинул голову.

– Спасибо! Спасибо!

– Да ладно, – со скромной великодушностью отмахнулся Иван и подумал, что ещё минута этих дружеских объятий и у него полопаются все вены, а позвоночник сложится, как телескоп. – Не стоит благодарности.

– Стоит, стоит. Наденька, налейте нам выпить. И позовите мою жену, она тоже должна быть свидетелем этого героиче-

ского поступка.

– Только прикрой сначала свой срам! – крикнул Иван ей вслед.

– Ну чё ты бесишься? – спросил Александр. – Она, кстати, очень даже ничего. Особенно сейчас, без гипса. Слушай!

Он, наконец, отпустил друга, который, не в силах больше стоять, тут же упал в кресло.

– Что?

– А давай с тобой поменяемся.

– Как это?

– Ну, я проживу за тебя, а ты за меня. И жёнами махнёмся, ты мою возьмёшь с домом, братвой и прочим, а я с Надькой к тебе перееду.

Иван обалдело раскрыл рот.

– А нахрена? – только и смог спросить он.

– Устал я, – вздохнул бандит. – Отдохнуть хочется. За последние дни слишком много всякого произошло. Да и кавказы наехали.

– А вдруг и на меня наедут?

– Не бойсь, прорвёмся. Я же не навсегда от дел уйду. Только на время... Ну, в общем, как? Ты согласен?

– Давай сначала выпьем, – предложил Иван. – Такие дела на трезвую голову не решаются.

– Золотые слова. Пошли. Бабы! – крикнул Александр.

– Сейчас братва припрётся. Я собрание объявил.

– Отменим. Завтра соберёшь. Нет, послезавтра.

– Почему?

– Завтра к отцу Алексею поедем.

– Так ты же сегодня хотел.

– Сегодня нельзя.

– Почему? Что, твой святой отец водку не пьёт?

– О-о, ещё как!

– Тогда давай к нему и поедем. Там напьёмся.

Александр остановился и торжественно потряс пальцем.

– Нет, ты всё таки гений. Я бы до такого не додумался.

Точно. Он обрадуется. Знаешь, как он меня уважает?

– Представляю.

– Бабы! – опять заорал бандит. – Вы где?

– Здесь мы.

Из другого крыла дома спускалась Александра, а за ней, одетая в немыслимой расцветки и фасона платье, побитой собачонкой следовала Надежда.

– Ну, наконец то, – обрадовался бандит. – Девочки, соби-
райтесь, мы в церковь едем.

Через полчаса лихая команда уже резво катила по городской автостраде. За рулём сидел незаменимый Колян, а братва получила отбой.

Ивану зелёной намазали губы и голову. Александр пришёл в дикий ужас, когда Надежда, временно исполнявшая обязанности медсестры, после того, как обработала мужа, по простоте душевной предложила ему зелёной намазать лоб, поэтому опять чуть не хлопнулся в обморок, слегка задер-

жав отъезд. Тогда, чтобы хоть как-то облегчить его страдания, добрая женщина разрисовала пострадавшему всё лицо.

И вот , в конце-концов, после мучительных сборов, вооружённая до зубов спиртным и закуской,банда, весело мчалась на церковный сабантуй.

Глава 11

Психиатр Головкин проснулся в крайне мрачном настроении. Открыв опухшие ото сна глазки, он немного полежал, лениясь встать, но потом неожиданно вскочил, как ошпаренный.

– Степаныч! – криком позвал он. – Ты... ты где, а?

Ещё вчера вечером друг был на месте, но сейчас его не наблюдалось нигде. Лишь только огрызок бельевой верёвки говорил о том, что свято место, даже если оно расположено возле отопительной батареи, иногда бывает и пусто.

В полнейшем недоумении и растерянности Головкин обыскал всю квартиру на предмет наличия в ней Толоконного, но увы(а может быть – ура!), человека с такой фамилией не оказалось.

Входная дверь была распахнута настежь, а с вешалки в прихожей пропал осенний плащ и широкополая, ковбойского фасона, шляпа. Ботинки тоже были украдены и пропажа вещей привела психиатра в полнейшее бешенство.

– Ну, су... – начал он орать, но резко замолчав, прикрыл дверь, чтобы, не дай бог, не услышали соседи. И только после этого дал волю злостным парам.

– ...ка! Вот ведь приютил козла на свою голову!

Увлечённый проклинанием до седьмого колена всего рода Толоконных, Головкин не сразу сообразил, а как, собствен-

но, смог Виктор Степанович покинуть место заточения? Голыми руками верёвку не порвёшь, а все колюще-режущие предметы он сам предусмотрительно спрятал накануне подальше от сумасшедшего. Тот, конечно, не буйствовал, только пускал слюни и молился, но чужая душа ведь потёмки. Даже для профессионального целителя этих душ.

Когда первый запал немного прошёл, до Головкина, наконец, дошло, что узник сбежал не просто так. Уныло разглядывая измочаленный конец верёвки, психиатр понял, что тяга к Отцу у клиента была настолько сильна, что он просто-напросто перегрыз путы, мешающие этому благову порыву. Так что к ущербу, нанесённому другом в виде похищения вещей, прибавилась также и испорченная верёвка.

Но, пораскинув мозгами, Головкин решил, что возможно это и к лучшему. Честно сказать, он не очень-то и стремился к роли спасителя.

– В конце концов, каждый волен делать свой выбор сам, – успокоил он себя, вновь падая на диван. – Даже умалишённый. Да! Ну хочет человек увидеть бога, так пусть его видит. Мешать этому я не имею никакого права. Если каждого, кого тянет к господу, обвинять в сумасшествии, то нужно сразу всех верующих упрятать в дурдом. Может на самом-то деле он вполне нормальный. Религия – она штука тонкая, там сразу и не поймёшь, кто дурак, а кто просто дурака валяет.

Психиатр ещё очень долго рассуждал о бытии и небытии, о странностях человеческой души, о неисповедимости путей

и многом прочем, успокаивая, убаюкивая свою совесть. Короче говоря, сознательно создавал невидимый занавес между собой и теми проблемами, которые непременно возникли бы, возьми он за спасение им же и потопленного друга.

– Всё хорошо, – шептал он. – Я абсолютно спокоен. Беспокойство отсутствует. Проблемы отсутствуют. Жизнь прекрасна...

Виктор Степанович гордо вышагивал по центральному проспекту и счастливыми глазами разглядывал прохожих. Длиннопольный плащ путался в ногах, ковбойская шляпа и обрывок верёвки, болтающийся на шее, придавали облику дикого травматолога вид мексиканского ранчero, чудом избежавшего виселицы. Взгляд Виктора Степановича перескакивал с лиц людей, удивлённо косящихся на странное существо, на деревья, дома и снующие по автостраде автомобили.

Он прощался. Прощался с этим миром и готовился обрести вечный покой в святой обители. Этот мир был жесток и безжалостен к нему, но он не казнил его за зло, прощая всем и вся их прегрешения. Когданибудь люди поймут, что так жить нельзя, что от суровой реальности надо уйти в мир вечной любви, где нет страдания и боли, нет войн и разрухи, где есть только мир и доброта.

Мир, мир, мир. Виктор Степанович постиг смысл этого слова. Да, оказывается, раньше он жил в призрачном мире. Настоящий же – он не здесь, а там, куда указывает крестообразный перст, торчащий на всех церковных куполах. Как же

этого никто не понимает?

– Я иду, боже, – шептал он. – Я уже в пути. Прочь пути! Прочь весь тот груз, что тянет меня на дно. Господи, помилуй.

Постепенно его таинственный шёпот перешёл в восхваляющее бога и всех святых торжественное песнопение, а к удивлению прохожих прибавилась ещё и брезгливость.

Стайка мальчишек долго преследовала блаженного, со смехом рассуждая о странном одеянии "чудного дяди". Тот не обращал на них ни малейшего внимания, пока один из сорванцов не приблизился и не наступил на полу волочащегося по асфальту плаща.

Раздался треск разрывающейся ткани и Виктор Степанович грозно обернулся. Он захотел посмотреть, кто посмел ворваться в его божественный мир и грубо прервать сладостные грёзы?

Нарушители грёз тут же с визгом разбежались.

– Ух, чтоб вам! – ругнулся он им вслед и, не обратив внимания, что плащ укоротился наполовину, степенно двинулся дальше.

– Нет! – криво ухмыльнулся он. – Прочь отсюда! Нет здесь правды, один сатана повсюду! Господи, ну где же ты?

Виктор Степанович вдруг понял, что прошёл уже достаточно много, но так нигде ещё и не заметил вожделенного сияния и потаённой тропинки.

– Господи! – обиженно сказал он, останавливаясь на пере-

крёстке. – Ты бы показал что-нибудь, а? Чтобы я дорогу-то к тебе увидел. Эх, надо было архангела Гавриила как следует расспросить. Кстати, я и не знал, что архангел может спать, как человек. Я думал, они вообще никогда не спят, только проверяют.

Стоя на одном месте, будто привязанный, пропустив несколько раз зелёный свет светофора, он бубнил и бубнил себе под нос.

– А вот интересно мне знать, – Виктор Степанович задрал глаза к небу. – Долго мне торчать ещё на этом перепутье? Боже, ты где? Тоже спишь, что ли? Нет, я не осуждаю тебя, ты не подумай. Спи, спи, я подожду. Только скажи, сколько ждать-то?

Монолог спятившего врача угрожал затянуться на неизвестное науке количество часов. Вокруг Толоконного и так уже толпились несколько человек, из чувства любопытства и, ради бесплатного зрелища, пожертвовавших своим временем, ибо "этот чудик" разговаривал слишком громко, чтобы пройти мимо, да и его хипповый прикид вызывал их живейший интерес.

–Эй, приятель, ты откуда такой красивый? – спросил, наконец, какой-то мужичонка в синих кроссовках, синих штанах с футболкой и с синим же лицом.

– Братья и сёстры! – тут же отозвался новоявленный пророк. – Как вы живёте?

– Да, в общем-то, херово, – вздохнул синий и подмигнул

заливающейся весёлым смехом пьяной , молодой парочке.

Патлатый парень придерживал пониже талии свою рыжеволосую подружку, та раскрашивала горлышко пивной бутылки губной помадой.

– Вот! – торжествуяще воскликнул Виктор Степанович. – Что и требовалось доказать. Все кругом козлы и уроды. Посмотрите!

Он указал перстом на собравшихся и, как бы из нежелания лицезреть глупый, тёмный народ, неспособный понять и разглядеть истину, томно прикрыл глаза.

– Это ты про кого? – угрюмо спросил патлатый и, чуть не поперхнувшись от столь неожиданного обвинения своим смехом, даже перестал лапать рыжую девку. – Это чё, мы козлы, да?

Не поняв, что надвигается гроза, Толоконный хотел что-то ещё объяснить неразумному стаду, но возмущённый парень вдруг выхватил у подружки недопитую бутылку, выдул то, что осталось(не пропадать же добру)и, подскочив к проповеднику, шарахнул его этой бутылкой по шляпе.

– Это тебе за козла! – победно произнёс он и бросил оставшееся в руке горлышко лежащему на грудь.

Виктор Степанович не успел среагировать на стремительное движение налётчика. Он просто сразу же грохнулся навзничь и удивлённо уставился на небо. В его глазах застыл немой вопрос:"За что, господи?"

– Правильно, – одобрительно сплюнул мужичонка и, для

пущей верности, пнул поверженного в бок синим кроссовком.

– У-у, развелось бомжей всяких, – добавила проходящая мимо богомольная старушка. – Нормальным людям от них прохода нет.

– Не, ну ты слышала? – продолжал возмущаться патлатый. – Козёл я у него.

Рыжая девка пьяно хихикнула и вдруг, не удосужившись даже прикрыть рот, громко икнула.

– Пошли отсюда, – сказала она. – А то ещё ..ик!..менты нагрянут.

Парень гордо расправил свои узенькие плечики, с видом покорителя стран и континентов подцепил её под руку и потащил дальше.

Спустя минуту возле Виктора Степановича уже никого не было. Ковбойская шляпа при падении слетела с головы, укатилась на проезжую часть, где и была благополучно задавлена добрым десятком автомобилей.

Злой, жестокий мир в очередной раз показал свою низменную сущность.

Помянуя о низком поступке жены, Иван ни за что не хотел ехать с ней рядом, поэтому учитывая пожелания лучшего друга, Александр милостиво уступил ей своё командирское место. Сам же бандит, весело сверкая изумрудным лицом, довольно удобно устроился сзади, здорово прижав к дверям разделённых его тушей любовников.

– Отец Алексей, он всем отцам отец, – возбуждённо докладывал он. – Всё, как рукой снимает.

– Да ну, – съязвил Иван.

– Вот те крест! Один раз, давно уже, знаешь, как было?

– Как?

– Ну, не буду вдаваться в подробности. Короче, ситуация – хуже не придумаешь. Вешаться я хотел.

Иван скосил глаза в его сторону и попытался объять необъятное.

– На чём? – с недоверием спросил он. – На подъёмном кране, что ли?

– А как ты догадался? – удивился Александр.

– Неважно. Ну и что дальше?

– Да ничего. Встретился с отцом Алексеем, съели мы с ним литра по полтора, он мне слово божие преподнёс и всё.

– Что, проблемы отпали?

– Нет, – вздохнул бандит. – Но вешаться передумал. Застрелиться хотел.

– Выдумки всё это! – зло бросил Иван.

– Ты про что?

– Да про бога. Нет его на самом деле. Это всё евреи придумали, чтобы бабки срубить.

– Сам ты еврей! – обиделся Александр. – Сейчас вот узнаешь правду-матку. Отец Алексей...

– Да что ты заладил – отец Алексей, отец Алексей! – взорвался Иван. – Чё он мне скажет? Я и без него всё, что мне

надо, знаю.

– Ну-ну, – усомнился бандит. – Ты вот что, лучше подожди. Чего коней гнать? Сейчас приедем, выпьешь и слова отца Алексея сразу станут для тебя милее всего на свете.

Надежда вдруг взволнованно обернулась:

– Ой, а я слышала, что в церковь нельзя с непокрытой головой входить. Вроде как грех.

– Успокойтесь, Наденька, – утешил её Александр. Со мной вы можете войти туда даже абсолютно голой и при этом все будут рады вас видеть. Зря я им деньги плачу, что ли?

Иван неожиданно напрягся.

– А давай попробуем, – предложил он.

– Что?

– Пусть она голая туда зайдёт, а мы посмотрим.

– Слушай, а это идея! – тут же загорелся бандит.

Надежда испуганно оглянулась и увидела, что шутить никто и не собирается.

– Ни за что! – выпалила она.

– Всё, решено! – от возбуждения и радости Александр даже захлопал в ладоши. – Молодец, Ванька, ты это круто придумал. Кстати, заодно и проверим, так ли сильно уважает меня святой отец.

– Вы что, с ума сошли, да?

Надежда чуть не плакала, а Александра таинственно улыбалась и отрешённо смотрела в окно.

– Ты должна, – веско произнёс Иван. – Кто же, если не ты?

– Нет, я не могу, – пропищала та жалобно и шмыгнула носом. – Лучше уж тогда убейте меня.

– Хорошо, – кивнул он. – Колян, ну-ка, тормозни.

– Ага.

Мерседес резко свернул к бордюру и остановился.

– Вылезай! – Иван открыл свою дверь и угрожающе посмотрел на жену. – Ну, кому сказано?

– Ты что, серьёзно? – уже почти плача, слезливым голосом спросила она.

– А ты думала! Конечно, серьёзно.

– Ладно, Ванёк, перестань, – остудил его Александр. – Видишь, девушка и в самом деле не хочет, пусть так идёт. Мы ведь всё же в храм едем, а не в бордель.

Иван насупился и захлопнул дверь.

– Только ради тебя, Санёк. Но ты мне за это будешь должен.

– Без базара.

Надежда всё ещё всхлипывала, Колян заводил движок, когда вдруг со стороны тротуара к автомобилю кинулось неизвестное существо и с криком: "Пусти меня, господи!", начало молотить кулачками в боковое стекло.

– Кто это?

Александр тупо уставился в окно и расплылся в улыбке.

– Ванька! На ловца и зверь бежит. Смотри, кого наши сети притащили.

Ивана, убийственное настроение которого ещё не про-

шло, из машины как ветром сдуло.

– Ты покойник! – взревел он, окучивая осаждающего Мерседес гражданина. – Где мои деньги, сволочь?

Не успев как следует прийти в себя после удара бутылкой, Виктор Степанович (а это был именно он) неожиданно понял, что слегка ошибся адресом и врата в царствие божие находятся где-то в другом месте.

– Господи, спаси, – постанывал он, в строгом соответствии с заповедями подставляя обе щеки под Ивановы оплеухи. – Господи, помоги. Алилуй-я!

– Стой! – крикнул Александр. – Убьёшь ведь.

– Убью, – задыхаясь от праведного гнева, мрачно подтвердил Иван.

– Но не здесь же. Кидай его в багажник. Колян, открывай.

– Ага.

– Наденька, помогите мужу загрузить гражданина.

– Хорошо.

Она теперь старалась быть как можно покладистой. Не ровён час, Иван выкинет опять какую-нибудь штуку. Или погибнешь, или сраму не оберёшься.

Но тому, на её счастье, было сейчас не до этого. Найдя себе более достойную мишень, Иван на время забыл о супруге и вплотную занялся врачом, всё несчастье которого состояло в том, что он постоянно оказывался не в то время не в том месте. И началось это с той самой злополучной ночи, когда он загипсовал Надежде слегка вывихнутую руку, а Ивану

спьяну хотел вскрыть живот, чтобы попытаться найти в его
утробе второй аппендикс. Кто знает, может и нашёл бы?

Однако, тот свой шанс он упустил и теперь Иван сам нашёл все его рёбра, не прибегая даже к помощи скальпеля.

Александр начал терять терпение.

– Ну чё вы там возитесь? – выкрикнул он.

– Щас! – раздосадованно отозвался Иван, по-видимому, немного разочарованный тем, что ему не дали раздавить эту гниду прямо на месте. – Дай, я ему, паскуде, хоть ещё разочек въеду.

Создавая лишь видимость помощи, Надежда бесполезно простояла рядом и, когда крышка багажника захлопнулась, добавив доктору ещё одну гематому на черепе, она с облегчением бросилась на своё прежнее место.

Иван торжествовал. Враг был хитёр и коварен, но его хитрости всё же не хватило, чтобы провести самого Ивана Хламина.

– Всё, поехали, – он уселся рядом с Александром и захлопнул дверь.

Сзади донеслось слабое постукивание пленника.

– Стучи, стучи, – процедил он сквозь зубы. – Дятел сизокрылый.

– Ванёк, а давай его к отцу Алексею свозим. – предложил бандит.

– Зачем?

– Ну, пускай он перед смертью исповедуется.

Иван нахмурился и мстительно поджал губы.

– Ну, не знаю, – с явной неохотой сказал он. – Хотя, ладно, валяй. Что, я зверь какой, что ли?

– Ты гений, – заверил его Александр. – Ох, люблю я веселье. Наденька, а вы любите?

– Да, – осипшим от страха голосом ответила та, предчувствуя новую беду.

– Знаю я твоё веселье, – зло бросил ей Иван. – Только я за дверь, так ты тут же юбку задираешь.

– А сам то? – не выдержав, она заплакала.

– Что сам? Что сам?

Надежда оглянулась на Александру и заревела ещё громче.

– Что? Сказать нечего? Молчи уж лучше.

– А что случилось? – спросила, наконец, ничего не понимающая, Александра, впервые за всё время поездки подавшая голос.

– Да что могло случиться, дорогая? – льстиво улыбнулся бандит. – Это их семейная разборка. Нам с тобой до них нет никакого дела. Правда, Наденька?

Последний вопрос прозвучал как угроза. Сзади опять слышался стук.

– Заткнись ты! – рыкнул Иван.

Мерседес подбросило на кочке и, по-видимому, ещё раз приложившись головой, пленник сразу затих.

Святая четвёрка продолжала препираться, а флегматич-

ный Колян только улыбался и молча петлял по тихим, тенистым переулкам.

Был полдень, солнце болталось в зените, возле церковной ограды дежурила толпа нищих с протянутыми руками. Вокруг них паслись голуби.

– Всё, приехали, – сказал Колян и припарковался возле огромной машины генеральского вида.

– Это отца Алексея тачка, – доложил Александр. – Вылезайте.

Глава 12

Святое учреждение выглядело более чем внушительно. Раззолоченные, каплевидной формы, купола, массивным дождём напирали на белокаменные стены, как новогодняя ёлка усеянные ликами и статуэтками святых посредников между простолюдинами и всевышним.

Почуяв добычу, нищенствующие братья и сёстры навострили ушки и базарной толпой обступили только что подъехавший Мерседес.

– Подайте, Христа ради! Ну, пожалуйста! – приступив к работе, тут же загалдела эта голодная куча. Причём лиц, действительно смахивающих на обездоленные, Иван насчитал не более трёх.

Остальные просто не хотели честно трудиться, предпочитая выдавливать слёзы и деньги из состоятельных земляков.

– А ну кыш! – гаркнул Александр и выгрузил своё тело из салона машины. – Ванька, доставай доктора.

– Подождёт, – отмахнулся тот. – Надо сначала на разведку сходить.

– Нафига?

– Ну, вдруг твой поп занят?

– Ты чё, смеёшься? Да он сейчас ради нас всех своих прихожан выгонит.

Лениво потягиваясь, Александра разминала затёкшие

члены и, глядя на неё, Надежда проделала то же самое. Колян остался за рулём до особого распоряжения.

Нищие дружно сплюнули и, втихаря проклиная всяких безбожников, кинулись в другой конец двора к подъезжающей "копейке".

– Как саранча, – презрительно заметил Иван.

– Чёрт с ними.

Александр зацепил обоих жён под руки и потащил их к дверям храма. Надежда с тревогой оглянулась на мужа.

– Ой, мне что-то не по себе.

– То есть? – не понял бандит.

– Я ни разу в церкви не была.

– Чё, серьёзно? Ну ты даёшь! Так нельзя. Я вот, если даже чуть-чуть нагрешу, ну там, закопаю кого-нибудь живьём, или в бетон закатаю, так сразу к отцу Алексею на исповедь. Очень помогает.

– А как?

– Сейчас увидишь.

Они поднялись по ступенькам и вошли внутрь. Там оказалось ещё круче, чем снаружи. Богомольный люд там и сям просил помощи, зажигая у иконок восковые свечи различной степени толщины. Стены, потолок, уходящий прямо к месту назначения этих просьб, декорации, всё блистало позолотой и цветами неземных оттенков. Красота, да и только!

При виде странной процессии, молящиеся боязливо замерли и, помедлив мгновение, начали истово креститься.

Александр уверенной походкой направился вглубь помещения и повёл шатию-братию по узкому коридору. Боясь потерять, Надежда вцепилась в его локоть, а Иван, любуясь красотами форм Александры, по-прежнему следовал сзади.

Впрочем и Надькины ягодицы отнюдь не вызывали в нём отвращения. Возможно впервые за два с половиной года под одеяльной интимной жизни он увидел жену, когда она скакала на его лучшем друге Саньке, во всей её красе. Это взбесило его, но в то же время открыло глаза на некоторые, доселе неведомые стороны Надькиного характера. Оказалось, что она, если захочет, тоже кое-чего умеет. Может быть, он сам как-то не так вёл себя все эти годы?

– Вуаля! – обнаруживая некоторое знание французского языка, Александр неожиданно распахнул ничем не приметельную дверь.

Комната, в которую ввалилась наша весёлая команда, больше напоминала рабочий кабинет генерального директора всех нефтепроводов страны, чем скромный угол служителя культа. За столом, размерами чуть превышающим бильярдный, восседал дородный бородач в чёрной рясе и что то писал.

– Здорово, Лёха! – радостно осклабился Александр. – Как сам?

– О-о, какие люди к нам пожаловали!

Тот поднялся и, бросив свою писанину, мельком взглянул в окно. Видимо, высматривал новое подношение.

– Знакомься, – бандит повернулся к жене. – Ну... эту ты уже знаешь. А вот Иван да Надька, мои новые друзья. Прошу любить и жаловать.

– Уже люблю, – по-отечески произнёс святой отец и почесал нос. – Жарко сегодня.

– Эт точно. Ты, наверное, не ждал меня?

– Ждал. Я всегда гостям рад.

– А особенно мне, да?

Александр горячо обнял попа и окинул взглядом весь кабинет.

– Смотрю, всё богатеешь, – уважительно произнёс он.

– Мир не без добрых людей, – вздохнул отец Алексей. – Я им помогаю словом божьим, а они мне...

– Деньгами! – заржал бандит.

– Что деньги? – поморщился тот. – Истинные ценности ими не измерить.

– Ты прав, ты прав.

Поп, наконец, спохватился:

– Что же мы всё стоим? – виновато сказал он. – Проходите, гости дорогие, прошу к столу.

Уже привыкший к почтительному обращению: "отец Алексей", Иван был несколько ошарашен той фамильярностью, с которой отнёсся к попу друг Санёк. Но потом, немного поразмыслив, он пришёл к выводу, что, вероятнее всего, так и надо. Как говорится, кто платит, тот и музыку заказывает.

Однако, великолепии, царящее в этом богоугодном заведении, слегка придавило его, заставив воздержаться от подобного же стиля поведения. Он просто присел на указанный стул и приготовился к продолжению знакомства.

Поп даже не обратил внимания на зелёный боевой окрас друзей, видимо такое зрелище ему было не в новинку. Он с любовью следил за действиями Александра, который подошёл к окну и, выглянув наружу, проорал:

– Коля-ан!

Тот, словно эхо, отзвался своим обычным словом и, буквально через минуту, притащил в кабинет сумку, набитую уже известно чем.

– А с этим что делать? – спросил он.

– С чем?

– Ну, с тем, что в багажнике. С доктором.

– Ах, да!

Шлёпнув себя по лбу, Александр забыл о его плачевном состоянии, а вспомнив, тут же огласил об этом истошным воплем.

– Потише, сын мой, – поморщился отец Алексей и уселся в своё, похожее на раззолоченный трон, кресло. – Всё-таки мы в храме божьем.

Бандит виновато поглядел на батюшку.

– Тащи его сюда! – процедил он Коляну сквозь зубы.

– Ага.

Тот бухнул сумку прямо на стол и вышел.

Надежда во все глаза смотрела на настоящего попа, причём взгляд её оказался настолько интенсивным, что тот начал беспокойно ёрзать на своём царском месте, а Иван исподтишка шлёпнул жену пониже спины.

– Чё зенки вылупила? – шепнул он ей тихо.

Словно очнувшись, та вдруг громко зевнула и это не укрылось от глаз окружающих.

– Да! – согласно кивнул Александр. – Намёк понял. Что то скучновато становится.

Он деловито поднялся, расстегнул сумку и, внедрив в неё обе руки по самые локти, выудил на суд божий две пустые бутылки.

– Гы-гы! – вырвалось у Ивана.

Отец Алексей вопрошающе вскинул очи.

– Не понял! – не понял бандит, нахмурил брови и принялся рыться дальше.

Через несколько секунд стол был завален объедками, огрызками, корочке говоря, остатками предполагаемого барского закусона. Целыми остались только консервные банки, но, судя по небольшим вмятинам, выстроенным полукруглыми рядами, их тоже успели коснуться чьи-то острые зубки.

Александр перестал хмуриться и выпучил глаза.

– Я, в натуре, не понял!! – грозно повторил он. – Это что же это такое?

– Мыши, – предположила Александра.

Отец Алексей перекрестился и начал читать молитву.

– Господи, помилу-уй! – раздалось в дверях.

Колян втащил в кабинет помятого гражданина, Толоконного Виктора Степановича, и швырнул его на пол для допроса.

– Это он всё сожрал, – крикнул Иван. – Точно. Сумка в багажнике была?

– Где же ещё? – бандит стал похож на небольшую грозовую тучку, готовую разразиться маленьким ураганчиком.

Виктор Степанович шлёпнулся на паркет и продолжил своё пьяное пение.

– Матерь божия! Господи, я пришёл к тебе!

Отец Алексей брезгливо поджал губы и спросил:

– Что сие значит, Сашенька? Кто этот смертный?

– Это ты правильно спросил, отче. Он и есть смертник.

– Убийства не допущу! – тут же вскипел священнослужитель. – По крайней мере, в этой обители.

– Не волнуйся, – пообещал Александр. – Мы законы знаем.

– Пришьём в другом месте, – добавил Иван.

– Ой, мамочки! – всплеснула руками Надежда.

– Неужели этот козёл смог один убить столько продуктов и поила? Вот гнида!

Александр прервал торжественное песнопение лежащего яростным пинком и устало сел на стул.

– Что же, совсем ничего не осталось? – уныло спросил отец Алексей.

– Колян.

– Ага.

– Да я не в том смысле, – поправился поп.

– Знаю я твои смыслы, Лёха, ты мне-то хоть мозги не пудри. Кстати, что это у тебя за писанина?

Бандит потянулся было к стопке бумаг, лежащих на столе, но отец с необыкновенной ловкостью схватил их и спрятал под рясу.

– План черчу, – смущённо заявил он.

– Какой план?

– Да так... – тот затуманил глаза и закатил их к потолку. – Храм один деревенский хочу восстановить. Только вот денег не хватает.

– Да ну? – усомнился Александр и со злостью посмотрел на бездыханного врача.

– Представь себе, это так. Мало ещё сознательных прихожан, которые могут безвозмездно жертвовать свои сбережения на мои... то есть, на церковные нужды. Таких богоугодных людей, как ты, мой друг, очень мало.

Александр приосанился.

– Вот видите, – гордо сказал он остальным.

– Что? – не понял Иван и опять шлёпнул, не перестающую зевать, Надежду. Та обиженно отвернулась.

– Как что? – удивился бандит. – Ты чё, не догоняешь, как мало у нас верующих вроде меня? Хотя сейчас, именно сейчас, нужно верить хоть во что-нибудь.

– Да, и платить за это деньги.

– Не в деньгах дело, сын мой, – вздохнул отец Алексей.

– А в чём?

– А в том, что все мы грешники и, только стремясь к отцу нашему, возможно обрести вечную жизнь в райском саду.

– Не верю я тебе! – окрысился Иван. – И не верил никогда!

Никому!

– Ты что? – испугался Александр, а священник посмотрел на него всепонимающим, мудрым взглядом, говорящим о том, что нельзя быть таким дауном.

– А я верю, – вдруг заявила Надежда.

Поп с профессиональным интересом уставился на новую потенциальную прихожанку.

– А что ты сделала для того, чтобы господь в этом убедился? – задал он ей провокационный вопрос.

– Ничего. А что, одной веры недостаточно?

– Эх, молодёжь! – вздохнул поп, – Надо ходить в церковь, каяться и молиться.

– Боже! Я уже пришёл!

Виктор Степанович неожиданно сел, потом перевернулся, встал на колени и пополз к трону.

– О, боже! Как же я счастлив, что я у твоих ног. Я так долго шёл и вот я здесь. Сатана испытывал меня, но я не поддался.

От него исходил такой густой перегарный дух, что отец Алексей, втянув воздух носом, с тоской поглядел на попорченную закуску.

Толоконный попытался лизнуть ему ботинок.

– Сколько страсти, – удивился Александр. – Смотри-ка, Лёха, твоего полку прибыло. А что, пусть у тебя остаётся, пользу приносит.

– Не прогоняй меня,, господи! – заплакал Виктор Степанович. – Я больше не буду.

Что именно он не будет, осталось для всех великой тайной, поскольку в этот момент в дверях возник Колян с новой сумкой.

– Ну, наконец-то! – воскликнул Александр.– Давай скорее сюда. А сам в машине жди.

– Ага.

Иван потёр вспотевшие ладони о штаны. За последнее время он уже привык к постоянным пьянкам и, что самое странное, уже не представлял себе, как это – быть трезвым?

Трезвость означала тяжёлое похмелье, головную боль, возвращение в постылую реальность и вообще, доставляла массу неудобств. Зато алкоголь волшебным образом превращал жизненную рутину в тот сказочный рай, который обещал отец Алексей в обмен на де..., веру.

– Ты вот мне скажи! – обратился он к попу в то время, пока Александр опасливо доставал из сумки снедь. – Скажи, почему я должен верить в то, чего никто никогда не видел?

– А ты просто верь и всё, – ответил тот. – Вся суть в том и состоит, чтобы не знать и верить. В этом духовная сила человека.

– Ну, допустим.

Иван даже встал со своего места и подсел вплотную к трону. С другой стороны, подобострастно ловя каждое их слово, затаился врач.

– Допустим, – продолжил Иван. – Где сказано, что бог есть?

– В святом писании. Почитай, узнаешь.

– Ага! А кто его написал? Евреи! А евреям вообще верить нельзя, они всё время врут.

Отец Алексей вновь перекрестился. Александр выудил, наконец, все припасы на стол и велел:

– Так, бабы, займитесь-ка делом, а мы тут пока о высшем разуме покалякаем.

Надежда встрепенулась и начала расставлять одноразовую посуду, резать мясо, сыр, колбасу. Александра не тронулась с места. С любовным интересом она разглядывала ярого религиозного противника.

– Зла в тебе много, – заявил тому поп и, не в силах удержаться, спёр с тарелки кусок ветчины. – Умный больно!

– А что – это плохо?

– Разум от сатаны, только душа от бога.

– Я, кажется, понял, – обрадовался Иван. – Короче говоря, чтобы поверить в бога, надо быть тупым как пробка. Я правильно понимаю?

– Не морочь мне голову, сын мой, – вознегодовал поп и спёр второй кусок ветчины.

Надежда услужливо подвинула к нему пластмассовый стаканчик, доверху наполненный водкой.

– Да, да! – заорал вдруг Виктор Степанович. – Не смей так разговаривать со всевышним!

– А ты, мурло, вообще заткнись, – прошипел Иван. – Куда, гнида, мои деньги дел?

– Какие деньги? – опешил врач. – Не знаю никаких денег. В царстве божием денег нет.

– А это тогда что? – спросил его Александр и продемонстрировал лопатник, доверху наполненный баксами.

Виктор Степанович в ужасе облизнул губы.

– Боже, – прошептал он. – Смотри, сатана опять искушает. Не дай мне покуситься на происки его.

– Сын мой, – обратился к нему отец Алексей и, увидев, что все уже подняли свои стаканы, проделал то же самое. – Ты прав. Деньги – они, как и разум, от дьявола. Беги от них. А если уж завелись, то отдай их мне. Я их потрачу на богоугодное дело.

– Я всё сделаю, как ты скажешь!

Толоконный вновь упал ниц и пролежал так до второго тоста за здоровье.

После второго стаканчика лицо отца Алексея несколько расслабилось, зарумянено и приобрело благодушный вид.

– Нет! – вскинул он в небо указующий перст. – Всё-таки Вовка правильно сделал, что решил христианством объединить тёмных язычников.

– Какой Вовка? – не понял Иван.

– Какой Вовка! – нараспев произнёс поплывший священник. – Темнота! Князь! Владимир. Слышал про такого?

– А-а, – догадался тот. – Индеец-Красное Солнышко?

– Он самый.

– Ну и чего он этим добился?

– Эх, дремучий народ! Каким был, таким и остался, – посоветовал отец Алексей и посмотрел на бутылку.

Александр разлил по третьей.

– Ленин вон тоже всех объединил, – сказал Иван. – А что толку?

– Ленин безбожник, антихрист! Он нам всё дело загубил!

Все церкви порушил, земли отнял.

– А-а, земли жалко, да?

– Суть не в этом, – поп хлопнул третий стакан и подвинул к себе тарелку с ветчиной.

– А в чём?

– В том, что русскому человеку без христианской религии нельзя. Владимир не дурак был, что с людьми делать, выбирал долго. В смысле – то ли крестить, то ли аллах акбар, прости господи!

– Ну и что?

– Крестил, как видишь. Мусульманство-то пить запрещает, а без этого русскому человеку никак нельзя. Сразу, понимаешь, думать начинает. А ум – от сатаны. Вот и выходит, что водку пьянствовать – богоугодное дело.

– Класс! – восхитился Иван.

Александр молча выслушал их диалог о вере и взял слово:

– Короче, пацаны, – сказал он. – Вы, конечно, поймите меня правильно, но мне по барабану, кто там чё придумал. Евреи, индейцы – это один хрен. Ты мне вот что лучше скажи, Лёха, если я твоей церкви, ну...короче, тебе бабок дам, грехи снимешь?

– Грехи отпускают, – влезла Александра.

– Сниму, – быстро ответил поп.– Я на то здесь и поставлен, чтобы помогать заблудшим душам обрести истинный путь.

Язык его начал слегка заплетаться и он встал.

– Саша, помоги восстановить храм и я тебе все грехи сниму. Все до единого.

– Какой храм? Это ты про тот чертёжик?

– Да!

Отец Алексей сунул руку под складки рясы и, выудив припрятанные там листки, протянул их бандиту.

– Здесь недалеко, – сказал он и насупился.

– Нихрена себе! – присвистнул тот. – И это ты называешь храм?

– Ну, как ни называй, а строить надо. – ухмыльнулся поп.

На листке от руки был нарисован трёхэтажный коттедж с гаражом, надворными постройками и русской банькой. Всё сие сооружение было обведено жирной чертой за надписью: "абор из облицовочного кирпича с коваными воротами".

– А не дороговато будет? – поинтересовался Александр. – Это стоит целого места в рядах святых.

– Будет тебе место! И даже два! – горячо пообещал поп. – Только денег дай.

– Послушайте! – раздался вдруг негодующий вопль Виктора Степановича. – Что здесь происходит?

Благоговение его как рукой сняло.

– Не кричи, раб божий! – цыкнул на него отец Алексей.

– Опять деньги! – не послушав приказа, заверещал тот. – Кругом сатана! Даже в рай и то пробрался, сволочь!

– А кем, ты думаешь, я был до того, как принял духовный сан? – спросил священник и грозно нахмурил брови.

– К-кем?

– Саша, скажи этому идиоту.

Бандит немедленно подошёл к бедняге-доктору, схватил его за шиворот и зашипел прямо в ухо:

– Слушай ты! Псих телефонный. Тебя сюда не звал никто. В раю, между прочим, мест мало. Его ещё ку... заслужить надо. Ты понял?!

– П-понял.

– Вот и молодец. Веди себя хорошо, а не то...

– Я понял! Я всё понял!

От страха Виктор Степанович даже начал заикаться. Он вдруг узнал этого ужасного человека с зелёным лицом. Только тогда, когда он видел его впервые, лицо было нормально-го цвета.

– Ты бандит, – прошептал он.

– Какой же я бандит? – удивился Александр. – Я бизнесмен.

– Да мочи ты его, Санёк!

Иван уже изрядно окосел и его опять потянуло на убийство.

– Благослови нас, отец, – попросил он.

– Да я бы и сам его придушил, – посмотрел тот на Толоконного живодёрским взглядом. – Вот только вера не позволяет.

– Я тебя тоже вспомнил!

Виктор Степанович ткнул в Ивана пальцем.

– И тебя! – в Надежду. – Я всё вспомнил. Психоз по телефону. Головкин, сука!

– Какой ещё Головкин? – спросил Александр.

Толоконный не ответил, сел на стул и налил себе водки.

– Эй, ты чего это тут распоряжаешься? – крикнул Иван. – Деньги мои зачем спёр?

– Психоз по телефону. Психоз по телефону, – твердил тот одно и то же, держа стаканчик в, дрожащей от волнения, руке. Потом резко опрокинул водку в рот и заплакал.

Надежде почему-то стало его жалко, она даже сама прослезилась, а Александра лишь надменно фыркнула.

– Это он звонил насчёт кавказцев, – сказал Виктор Степанович. – Он, сука!

– Кто? – заорал Александр. – Кто звонил?

– Головкин, дружок мой бывший. Чтоб ему провалиться, психиатру сраному. У меня квартиру взорвали. Террористы.

– Да ты что?! – притворно ужаснулся Иван.

– Мне теперь жить негде. Кстати, где я?

Он беспокойно закрутил головой по сторонам. Отец Алексей громко откашлялся.

– Саша, мы так и не договорили. Как насчёт храма?

Тот не обратил внимания на его слова.

– Ты что, хочешь сказать, что никаких кавказов не было? – спросил он врача.

– Нет. Это Головкин придумал. Ты же ...вы же сами хотели, чтобы вам жути нагнали. Вот и нагнали.

Иван начал истерически хохотать. Он схватился руками за живот и согнулся пополам.

– Ой, не могу! – чуть ли не визжал он, задыхаясь. – Ой, держите меня, животик болит! Ха–ха! Что же это получается? И джип и ларьки, просто так взяли и разбомбили?

Александр молча взял со стола запечатанную бутылку, с треском свинтил крышку и залпом выпил всю водку до последней капли.

– Как насчёт храма? – спросил поп.

– Значит, никаких кавказов не было? А кого же мы тогда в квартире взорвали?

– В какой квартире? – не понял Толоконный.

– Теперь уж и не знаю. Позвонили, сказали адрес, типа, откуда был сделан звонок.

– Это он, – зарыдал врач и тоже было потянулся к бутылке, но получил от бдительного Ивана по рукам. – Головкин, гад.

– Где он живёт? – спросил Александр.

– Зачем вам? – испугался врач.

– В гости съездим, потолкуем. Что-то я не очень верю в твою бредятину.

– Вы чё, падлы, в натуре, из себя корчите?! – заорал вдруг отец Алексей. – Какого хрена?

Виктор Степанович перевёл на него взгляд и тут догадался, кем был до принятия духовного сана этот святой отец. Скорее всего – матёрым уголовником.

Александр тоже посмотрел на попа, но немного по другому, будто сквозь стену.

– Слушай, Замазка, – сказал он угрожающе. – Если ты ещё раз так заорёшь, я всей братве расскажу, кем ты на зоне чалился.

– Не надо! – сдался тот сразу, идя на попятную.

– Тогда заглохни и не мешай базарить. Бабы, мы уезжаем.

Александра молча поднялась, а за ней и Надежда в своём крикливом одеянии.

– Заходите ещё, гости дорогие, – начал провожать их отец Алексей, при этом пялясь на два аппетитных зада. – А я буду молиться за вас.

Александр развёл руки в стороны.

– Извини, отец, – сказал он. – Дела.

– Я всё понимаю, – заискивающе улыбнулся поп. – Ну а

как с храмом? Поможешь?

– В другой раз.

Иван подошёл поближе.

– И всё-таки вся твоя религия – дерьмо, – сказал он и, пьяно пошатываясь, вышел следом за женщинами.

– Бог тебе судья, сын мой.

– Ну что, Сусанин, веди давай.

Александр подхватил врача подмышки и потащил к выходу. Тот висел на нём безжизненной лапшой и не предпринимал ни малейшей попытки хотя бы пошевелить ногами.

Отец Алексей закрыл за ними дверь, перекрестил все углы и уселся на трон.

– Вот козлы! – вздохнул он и налил себе водки. – Всё настроение испортили. Чтоб вам пусто было. Аминь

Глава 13

Степанида Егоровна недолго находилась в постратии. Некоторое время побыв в коматозном состоянии, она всё же пришла в себя и решила действовать. К её чести, необходимо сказать, что женщина она была на редкость деловая в вопросах, касающихся личных интересов, поэтому, подумав немного, она решила бежать из больницы и срочно заняться восстановлением в семье утраченного порядка.

С утра ей полегчало, что, собственно говоря, и способствовало переключению мыслей со своего недуга на мужа-изменника. В том, что долго радоваться тому не придётся, Степанида Егоровна не сомневалась ни капли.

С дочерью, конечно, разговор особый будет, но это подождёт. В принципе, если разобраться как следует, детей на то и рожают, чтобы вырастить, выкормить и, в готовом для употребления виде, отдать в чужую семью. Отрезанный ломоть есть отрезанный ломоть и с этим придётся смириться, но вот мужа надо приструнить. Возраст то уже не тот, чтобы одной куковать и ждать смерти в полном одиночестве.

Наплевав на свою одежду(пусть ею медсёстры подавятся!), стараясь не привлекать ненужного внимания со стороны бдительного медперсонала, Степанида Егоровна аккуратно спустилась по лестнице и вышла во двор. Свежий воздух придал ей сил и бодрости.

– Ничего ,ничего, старый кобелюка! – имея в виду, конечно же, мужа, со злостью произнесла она. – Отольются тебе ещё мои слёзки!

Если бы Геннадий Олегович смог увидеть её лицо в этот момент, он, скорее всего, тут же повесился бы, лишь бы только избежать праведного гнева супруги. Однако, именно в этот момент он бойко объяснял студентам первого курса устройство органов размножения одуванчика и не подозревал о надвигающейся угрозе. Судя по его игривым подмигиваниям юным студенточкам, учёный ботаник думал сейчас не о науке, а об их, таких же юных органах.

Преодолевая неловкость и раздражение от своего внешнего вида, Степанида Егоровна быстро шла по улицам. Наскоро заштопанный в нескольких местах старенький, линиялый халатик вызывал недоумение у редких прохожих. Женщине повезло хоть в том, что не было необходимости использовать общественный транспорт для своего перемещения, поскольку институт, где преподавал муж, находился совсем рядом. А идти домой пешком она не решилась, поскольку путь туда грозил затянуться до глубокого вечера.

У мужа на работе Степанида Егоровна не была ни разу, но твёрдо знала, что найдёт его, чего бы это ей ни стоило и выведет мерзавца на чистую воду. При всех он, конечно же, не посмеет дерзить ей, а дома она ещё больше дождёт его и всё сразу встанет на свои места.

Институт и снаружи то казался огромным, а внутри и по-

давно. Широкие коридоры, казалось, уходили в никуда, потолки были далёким небом. И ещё эта странная пустота, будто все вымерли.

– Вам кого? – спросила бабушка на входе.

– Мужа. Он здесь работает.

– Это кто-то? Как звать?

– Геннадий... Олегович... Самцов. Ботаник.

– А-а! Знаю, как не знать.

Бабушка моментально преобразилась и в глазах её зажёгся профессиональный интерес штатной сплетницы. Было видно невооружённым глазом, как ей не терпится узнать какую-нибудь сногосшибательную причину появления в учёных стенах жены "того самого" Олежека, да ещё в столь непрезентабельном виде.

Старуха была в курсе дел всех и вся, пережила не одно поколение доцентов, профессоров, не говоря уже о простых преподавателях и могла "по секрету" выложить подноготную любого из них.

– Его тут все знают, – хихикнула она.

– То есть? – не поняла женщина.

Но злобная бабушка, вероятно, вспомнила, что разговаривает с женой "известного" ботаника и выразительно заткнулась, чем, кстати, только разожгла в той безграничное любопытство.

– Кабинет 221, – сказала она и сделала вид, что сильно занята. – Второй этаж.

– Спасибо.

Степаниде Егоровне страсть как хотелось расспросить по-подробнее, но бабка отвернулась и ей не осталось ничего другого, как идти искать указанный кабинет.

Она прошла по коридору и, свернув на лестничную клетку, поднялась на второй этаж. Вокруг пустота. Забыв спросить, сколько сейчас времени, Степанида Егоровна никак не могла понять, отчего в институте так тихо. То ли занятия уже кончились, то ли как раз наоборот – идёт лекция?

Однако, стоило ей подойти к искомой двери, на которой стыдливо краснели уже известные цифры, она поняла, что тихо не везде. Изнутри явственно доносились приглушённые голоса, поскрипывание мебели и нескромные смешки.

Степаниде Егоровне это очень не понравилось и насто-рожило. Если брать в расчёт прозрачные намёки старухи на проходной, да ещё прибавить к этому вчерашний телефонный позор, то вывод можно было сделать только однозначный.

Она затаила дыхание и подошла поближе. Увиденное в замочной скважине взбесило её настолько, что, дёрнув за ручку, и поняв, что дверь закрыта предусмотрительным ботаником изнутри, она отскочила к противоположной стене и как таранное орудие рванула на абордаж.

Геннадий Олегович был сегодня милее обычного. Симпатичная глазастая девочка по имени Катя профессионально делала ему минет и лишь иногда прерывала своё достойное

занятие, чтобы посмеяться над скабрёзными шутками преподавателя. Конечно же, этот дядечка годился ей в отцы, но стоит ли отказывать человеку в подобной малости, если зачётка с уже проставленной в ней пятёркой лежит у него на столе? Тем более, что жизнь растений никак не лезла в голову. Зато отлично(если верить зачётке)лезло кое-что другое.

От счастья Геннадий Олегович был на седьмом небе, хотя с сожалением подумывал уже о том, что скоро у студентов начнутся каникулы и до самого сентября он забудет о радости секса. Жена, стерва, давным-давно дала ему понять, что с неё хватит этих пыток и он заранее тосковал.

Он был готов уже заорать диким зверем, когда снаружи кто-то дёрнул дверную ручку. Но зверь вдруг заорал за пределами его кабинета и сей факт показался ему странным. Потом дверь вдруг содрогнулась от страшного удара и чуть не влетела вместе с рамой внутрь. С потолка посыпалась штукатурка.

– Что это? – испугалась Катя.

– Не знаю, – Геннадий Олегович нетерпеливо схватил её за голову. – Продолжай, не отвлекайся.

Виктора Степановича еле втиснули на заднее сиденье. Пьяный в сосиску врач никак не мог угнездиться, брыкался, возился и сопел, чем вызывал в сидящих рядом крайнее раздражение.

– А куда мы едем? – спросил он. – Куда вы меня везёте?

– К дружку твоему, – сказал Александр.

– А что, вы знаете, где он живёт?

– Ты знаешь.

– Я знал, – кивнул Толоконный. – Но забыл.

Бандит молча открыл бардачок, починенный заботливыми руками Коляна, пошарил там и достал пистолет.

– Я вспомнил! Вспомнил!

Виктор Степанович начал дёргаться и заехал Ивану по большим губам.

– Ты сё! – вновь приобретая лёгкий речевой дефект, заорал тот.

– Опс! Извиняюсь.

– Я те дам – ижвиняющ!

– Тихо, Ванька, – цыкнул на него Александр. – Эй ты! Говори куда ехать.

– А мы сейчас где?

– Как где?– усмехнулся бандит. – Ты чё, дурак? Мы в машине.

Виктор Степанович понимающе мотнул головой и вдруг начал дёргать ручку на двери.

– Эй, ты чего? – не понял тот.

– Мне плохо, – врач покраснел и надул щёки. – Тошнит меня.

– Тормози, Колян! – крикнул Александр. – Смотри, сука, обгадишь салон, пристрелю!

Машина резко вильнула в сторону и остановилась. Виктор Степанович же, на своё счастье, дверь успел открыть вовремя.

мя.

– Га-а-а-а! – раздалось на все окрестности.

Тесно прижатые друг к другу, Надежда и Александра брезгливо сморщили свои носики.

– Ох, бль...га-а-а!

Врача выворачивало наизнанку.

– Это тебя бог наказал, – веско произнёс Иван. – Не будешь, гад, чужое добро жрать.

В этот момент Надежда вдруг прильнула к окну, открыла со своей стороны дверь и выскочила наружу.

– Наденька, вы куда? – удивлённо спросил Александр.

– Куда, дура? – крикнул Иван и скосил глаза вниз, на ноги Александры. Юбка у той задралась до самых трусиков, которые еле прикрывали тело.

Надежда перебежала через дорогу и метнулась к машине скорой медицинской помощи.

– Опа! – Иван хлопнул друга по плечу.

– Ты чего?

– Вон смотри, это тесть мой стоит.

– Где?

– Да вон, у скорой.

Возле белого микроавтобуса столпилось человек десять. На асфальте лежали носилки, а на носилках чьё-то пузатое тело.

– Хоронят кого, что ли? – предположил бандит.

– Пойдём посмотрим?

– Давай.

Иван выпихнул на тротуар всё ещё рыгающего врача, случайно наступил ботинком в его скотское произведение и направился к толпе.

При падении Виктор Степанович пребольно ударился головой и, о чудо! Тошнота отступила. Он даже хотел было подняться, но не учёл того, что Александру тоже захотелось познакомиться с Ивановым тестем. Ленясь обходить доктора, тот своей ножищей просто наступил ему на позвоночник и вернул в исходное положение.

Институт впечатлял своим великолепием. Новый директор оказался хозяйственным малым, освежил фасад, насадил деревьев. Чтобы было на чём сидеть, наставил скамеек и всё это обнёс низеньким чугунным заборчиком. Правда, никто не знал, откуда он берёт деньги, но не в этом суть.

Возле низенького, чугунного заборчика и стояла "Скорая помощь".

Когда друзья присоединились к возбуждённо галдящим людям, Ивану стало ясно, кого собрались хоронить. Уткнувшись к тестю в грудь, Надежда безутешно плакала, а тот, в свою очередь, конфузливо гладил её по голове.

– Если бы сразу вызвали! – снял с себя всю ответственность молодой врач в белом халате. – Тогда бы ещё были шансы её спасти. А так! – Он махнул рукой.

– Куда её теперь? – спросил Геннадий Олегович.

– Как – куда? В морг!

– Мамочка-а! – завывла Надежда ещё громче.

Иван подошёл к тестю и протянул руку.

– Это кто ж её так? – спросил он.

Тот отстранил ревущую дочь и поздоровался.

– Не знаю. На месте уже следователь работает.

– А где, это ,ну, короче, пришили её? – тоже подходя, задал вопрос Александр.

– Прямо возле моего кабинета, – вздохнул тесть. – Представляете, что творится?

– А ты, случаем, её не сам – того? – хохотнул Иван и подмигнул, мол, между нами-то, мужиками, какие секреты?

Надежда тут же замолчала и подозрительно уставилась на отца.

– Да вы что? – закричал тот и все присутствующие зеваки мигом повернулись к нему.

– А чё? Вполне мог, – заявил Иван. – Но ты молодец! Хотя я, на твоём месте, её бы уже давно убил. У тебя алиби есть?

– Нет! – соврал Геннадий Олегович, вспомнив о прелестной Катеньке.

– Ну вот!

– Папа, как ты мог?!

Надежда отступила на шаг и бросилась к мёртвой матери. Выразительно поглядывая на ботаника, в толпе громко зашушукались.

– Это ж надо!

– Ужас какой!

– Уже в институтах убивают! Кошмар!

– А с виду вроде бы солидный человек!

– Козёл драный!

– Товарищи ,разойдитесь! – гаркнул, подошедший только что, лысый мужик в сером костюме и чёрной папкой подмышкой.

Парочка доброхотов что-то шепнула ему на ухо и он колючим взглядом впился в Геннадия Олеговича. Тот в страхе попятился и вдруг, совершенно неожиданно для всех, побежал.

– Держите его! – закричал лысый.

Из-за его спины вынурнули два милиционера, которые будто бы специально были натасканы на выполнение подобного рода команд. Они синхронно расстегнули кобуры, вооружились и послушно рванули за беглецом.

– Всех попрошу разойтись! – снова повторил лысый, но это было уже излишне, поскольку любопытные граждане успели переместиться метров на десять и с ликованием следили за живой хроникой взятия преступника.

– Сколько ему дадут? – спросила Надежда. Слезы катились из глаз градом, она всё ещё всхлипывала.

– А вы, собственно, кто? – поинтересовался тот.

– Я? Дочь.

– Чья?

– Его...и её-го-го!

Указывая на мать, она вновь не смогла сдержать истерику.

– Успокойтесь, гражданочка! – поморщился следователь. – Следствие только начато. Ничего не могу вам сказать, разбираться будем. Но, думаю, лет так на пять-семь потянет.

– Ой-й! – рёв усилился.

– Так! Труп в машину, арестованного в воронок.

Лысый дождался, пока погрузят преступника, влез сам и машины с рёвом укатили с места происшествия.

– Во дела! – восхищённо сказал Иван. – А ботаник мой – молоток оказался!

– Наш человек! – подтвердил Александр.

Надежда села на низенький заборчик и продолжила рыдания.

Бандит подошёл к ней и обнял за плечи.

– Наденька, а вы от чего больше расстроились? – спросил он, видимо желая хоть как-то успокоить. – От того, что мама померла, или, что папа её убил и теперь его посадят?

– Это я во всём виновата! – запричитала она.

– Ну, это вы бросьте, – посоветовал тот. – Сейчас надо думать не о том, чего не воротишь.

– А о чём же?

– Ты чё не поняла? – взвился Иван. – Хоронить её надо! А кто будет? Папа в тюрьме. Я? Я – пас! Саньку она вообще никто. Так что, кроме тебя, никому.

– Как ты можешь так говорить? – в ужасе пролепетала Надежда. – Это же низко, гадко! Моя мама умерла, а ты! О, господи, я не могу в это поверить! Ведь она могла ещё жить и

жить!

– Что бог ни делает, всё к лучшему, – философски изрёк Иван.

– Это точно! – поддакнул Александр, слишком уж любовно обнимавший плачущую подругу. – Ты вот бери пример с меня. Посмотри, сколько всего я лишился за последние дни и ничего, как видишь!

– Да вы что?! – взорвалась та. – Как вы можете такое сравнивать? Это же мама моя!

– Зато теперь ты вполне самостоятельная баба!

– Правда, Надь, – сказал Иван. – Вот ты сейчас море слёз прольёшь, станешь подавленной, грустной. Подурнеешь, перестанешь мужикам нравиться.

– А похороны я возьму на себя, – великодушно пообещал бандит. – Не впервой.

– Ага, – шмыгнула носом Надежда. – Закатаешь в бочку с цементом, да?

– Ну, почему же? – пожал тот плечами. – Ну, если так плохо, можно и по другому. Пойдёмте в машину, чего тут сидеть?

– Я не могу идти.

– Я помогу.

Александр обхватил её за талию и оторвал от заборчика, а Иван, недолго думая, взял жену за ноги и они вдвоём потащили её к "Мерседесу". Надежда горько плакала и заламывала руки. Впрочем, её горе было вполне объяснимо, ведь не

каждый день папа убивает маму.

– Мамочка, как ты могла? Папочка, как ты мог? – раздавались её, пугающие зевак, крики.

Виктор Степанович уже всю кокетничал с Александрой, та опасливо косилась на Коляна, игриво смеялась и ненавязчиво отпихивала от себя шаловливые руки доктора.

– Ванька! – крикнул Александр, когда увидел, что тот уже заносит Надеждины ноги в салон. – Стой!

– Чего надо?

– Ногами вперёд нельзя!

– Поздно! Мы её уже через всю дорогу ногами вперёд протащили.

– А чё делать?

Иван со злостью сплюнул.

– Чё, чё! Потащили обратно!

Они дали задний ход и проделали весь путь заново. Надежда уже не понимала, что с ней происходит, ей было на всё наплевать.

Виктор Степанович, Александра и Колян с удивлением смотрели за странными метаниями двух друзей, которые сначала притащили Надежду к машине, потом зачем-то вернулись назад и, развернувшись, вновь пошли через дорогу.

– Вылезай! – прохрипел Иван освоившемуся было Толоконному, но тот только теснее прижался к Александре и оскалил зубы.

– Да ты кто такой? – пропищал он. – Ты с кем разговари-

ваешь? Пошёл вон!

Иван бросил жёнины ноги на асфальт и схватил врача за шиворот.

– Ты чё, сука! – проорал он ему прямо в ухо. – Ты чё, не понял, в натуре? Освободи место, или я с тобой щас ещё про деньги потолкую!

Александр тоже не вытерпел, бросил Надежду на асфальт окончательно и подключился к изгнанию нахала из машины.

– Он ко мне приставал, когда вас не было, – сказала Александра. – Руки распускал.

– Что?!

Бандит ухватил врача за ногу и провёз сначала по порожку "Мерседеса", потом по бордюру и, наконец, швырнул рядом с Надеждой.

– Люди!! – крикнул Виктор Степанович. – Убивают!

– Молчи, козёл! – зашипел Иван.

– Маму убили! – вновь завывла Надежда.

– Кидай его в багажник! – приказал Александр.

– Подождите, не надо! – взмолился врач. При этом он слегка приподнялся и встал на колени. – Вы же без меня дорогу не найдёте!

– Куда?

– К Головкину! Психиатру!

– Нахрена нам сдался твой психиатр? Ты сам за всё и ответишь

Когда Иван открыл багажник, Виктор Степанович хотел

было уже заорать благим матом, но, увидев направленный на него ствол, не посмел.

– Хорошо, хорошо! Я сам!

Он подскочил, как ужаленный. Никто не ожидал подобной прыти и ловкости от доселе вялого представителя медицинской братии. В то время, как Александр готов был спустить курок, Толоконный без посторонней помощи забрался в багажник и, мало того, сам же захлопнул крышку.

Отрешённо глядя в синее небо, Надежда молча лежала на тротуаре.

– Наденька, с вами всё в порядке? – спросил Александр и убрал уже не нужный пистолет.

– Оставьте меня все, – прошептала она. – Я хочу побыть одна.

– Здесь нельзя.

– Почему?

– Менты заберут в вырезвитель.

– Мне всё равно.

– Что ты с ней вошкаешься? – нетерпеливо спросил Иван.

– А чё делать то?

– Грузить её в машину и валить отсюда!

– Правильно! С бабами разговор должен быть короткий!

Александр вновь обнажил оружие. Надежда оказалась понятливой.

Лысый следователь долго перебирал на столе всякие бумажки. Тупо глядя на его манипуляции, Геннадий Олегович

чувствовал, как холодный пот струится по его спине. Ему было страшно. Нет, даже не страшно! Он испытывал такой нечеловеческий ужас, что, казалось, ещё немного и обморок выбьет из-под него табуретку.

Его обвиняют в убийстве жены! Но это же абсурд! Как он мог убить Степаниду, если в это самое время... Да, но если рассказать про Катеньку, то откроется его связь со студентками. С работы выгонят в два счёта, а это означает конец всего.

Жену, конечно, тоже жалко. Геннадий Олегович судивлением подумал о том, что за годы совместной семейной жизни, несмотря на всю её деспотию, как-то привык к ней. В принципе, ему не за что было убивать её.

– Итак! – неожиданно произнёс лысый и Геннадий Олегович вздрогнул.

– Что? – вырвалось у него.

– Почему вы убили свою жену?

– Я не убивал!

– Что вы мне сказки рассказываете? – криво ухмыльнулся тот. – Мы же всё равно заставим вас говорить, и не таких мамонтов раскалывали.

– Я не виноват. – залепетал бедный ботаник. – Я нашёл её уже убитую.

– А откуда вы знаете, что её убили? – обрадовано спросил лысый. – Вот вы и попались.

– Н...не понял...

– Следователь вскочил, упёрся руками о стол и забрызгал слюнями Геннадия Олеговичу всё лицо.

– Чё ты мне тут целку корчишь, а?! Ты чё, не понял, где находишься, а?! Щас ты у меня в убийстве Ленина признаешься, сука!

– Я не убивал! – завизжал тот, утирая рукавом заплёванное лицо, – Не убивал я!

– А кто же тогда убил? А?! Кто, а?!

– Не знаю. Я вышел из кабинета, а она уже на полу лежит. Вызвал скорую, скорая вызвала вас. Они и не смотрели-то её, врач сказал, что трупов боится.

– А зачем её с места убрали? А?! Следы хотели замести, а?!

– К...какие следы?

– Чем ты её ударил? Где орудие убийства?

Геннадий Олегович вдруг глубоко вздохнул, выпучил глаза и рухнул под стол.

– Эй, я с тобой ещё не закончил, подлец! – крикнул ему следователь.

Ответа не последовало.

– Эй, хватит притворяться.

Зазвонил телефон.

– Тьфу, мать вашу! Какого чёрта?

Лысый схватил трубку.

– Да, слушаю! Как это? А вы куда смотрели, а? За что вам деньги платят, а? Да вас там всех под суд надо! Уроды!

Он бросил трубку, обошёл стол и носком ботинка пихнул неподвижное тело ботаника.

– Эй, мудило, вставай. Повезло тебе.

Но Геннадий Олегович почему то не торопился подавать признаки жизни. Он лежал, широко разинув рот, на лице застыла страдальческая гримаса.

– Эй, ты чего? – не понял лысый.

Пульс не прощупался, а зрачки никак не отреагировали на свет.

– Сдох, что ли? – испугался следователь. – Во дела. Чё ж теперь делать-то?

Он устало опустился на стул, потёр лысину и закурил.

Минут пять пуская дым, он неподвижно просидел в раздумьях, что ему делать с трупом. Странный день сегодня. Один труп сбежал прямо из морга, а другой, наоборот, сам пришёл к нему в кабинет и помер.

– Охренеть! – бросил он в сердцах и затушил окурок прямо об стол.

За покойника по головке не погладят. Надо бы спрятать того куда поглубже, пока не поздно. Впрочем, тот сам во всём виноват, нужно было сразу брать вину на себя. Глядишь, сидел бы сейчас живой и здоровый.

Он подумал ещё немного, потом решительно снял телефонную трубку и набрал номер.

– Алло, Михалыч? Здорово. Это я. Спасибо, спасибо, хорошо. И тебе тем же концом по тому же месту. Ха-ха! Слу-

шай, у меня к тебе тут просьбочка одна есть. Да! Труп неопознанный надо пристроить. Ага, ага. Ну, ты же меня знаешь. Само собой. Только вечером, попозже. Как стемнеет. Ну, спасибо, должен буду. Всё, пока.

– Фу! – отдулся он и вытер пот. – Что за жизнь такая?

Геннадий Олегович безучастно холодел на полу. Подорванное деспотией супруги сердце не выдержало и умерло.

– Ладно, пойду пообедаю. – сказал лысый и направился к двери. – А ты полежи тут пока.

Дверь закрылась. Наступила полная тишина.

Глава 14

– Куда мы едем? – спросил Иван.

– Как куда? – удивился Александр. – Ко мне, конечно. Надо же усопшую помянуть. Говоря короче, выпить необходимо. Особенно Наде.

– Ма-ма! – вновь включилась та.

Иван застонал.

– Ну чё ты заладила одно и то же? – выругался он. – О живых надо думать, а не о мёртвых. Распустила тут сопли, понимаешь!

– Я домой хочу, – вдруг заявила та. – Саша, отвезите меня домой.

– Тебе сейчас нельзя одной, – в озорил тот. – Хотя... если хочешь, я могу с тобой поехать.

Александра вскинула брови.

– Кобель! – фыркнула она.

– Чего?! Я, можно сказать, из лучших чувств, а ты!

– Знаю я твои чувства!

– А я твои знаю! Поняла? Меня всё это уже задолбало! Ванька!

Он повернулся к Ивану.

– Слушай, короче, езжай с моей женой ко мне, а я с твоей поеду.

– Как скажешь, – тут же согласился тот. – Всё равно я в

похоронном деле не смыслию ничего.

– Во-во ! Зато я очень даже смыслию. А ты пока Сашку покараулишь, чтобы не сбежала до моего приезда.

– Не сбежит, – пообещал Иван.

– Не сбегу, – сказала Александра.

– Ма-ма! – заревела Надежда.

Бандит удовлетворённо кивнул и велел:

– Колян, вези нас... Наденька, а где вы жили вместе с родителями?

Надежда всхлипнула, хрюкнула, но вопрос оставила без ответа. Тогда Иван, желая поскорее остаться наедине с Александрой, решил действовать сам.

– Я знаю, – сказал он, – Только надо развернуться, они на другом конце города жили. Поехали, Колян.

– Ага.

– А куда увезли папу? – опомнилась вдруг Надежда.

– Твой отец убийца, забудь о нём, – посоветовал Иван. – Ты теперь сирота, но не беспокойся, мы с Саньком тебя прокормим. Тебя и твоих детей. Обещаю.

– У меня нет детей.

– Будут, – успокоил её бандит и нервно потёр руки.

– Кобель, – снова сказала Александра.

– Да пошла ты! Задолбала!

Он показал жене "фак".

Мерседес резво мчался по городским улицам, лихо тормозя на красный сигнальный свет светофоров и обгоняя

машинки попроще. День клонился к закату. Центр города остался позади, начались новостройки. Иван нетерпеливо ёрзал на своём месте и с тоской поглядывал на торчашую из-за тела жены грудь Александры. Неожиданно он поймал себя на мысли, что ещё неделя такой вот загульной жизни и он окончательно отупеет. Но, как ни странно, сей факт его почему-то несколько не взволновал.

Жизнь резко изменилась, когда он начал напиваться. Ежедневные запои привнесли в неё новый смысл, в котором не было абсолютно никакого смысла. Былые ценности заменились новыми, старые связи разрушились, он перестал понимать, где правда, а где ложь.

И не мог и не хотел понимать.

– Куда дальше? – въезжая в указанный район, спросил Колян.

– Прямо и налево, – машинально ответил Иван.

– Чё ты так тащишься? – Александр зевнул и потянулся. – Гони давай.

Мерседес удвоил обороты.

– Вот он, дом ихний, – показал Иван. – Проехали! Вон, в подворотне.

– Где? – оглянулся Колян.

– Да вон он, тормози.

– Ага. А-а-а-а!

Машину вдруг развернуло боком перед, выскочившей неизвестно откуда, безликой фигурой. Раздался глухой удар.

Фигуру подбросило в воздух.

– Что это? – испуганно спросила Надежда.

Никто ей не успел ответить, потому что под тяжестью обрушившегося на машину тела, крыша просела и вмялась в салон. Заднее и переднее стёкла пошли трещинами и с противным писком вылетели из своих гнёзд.

– Ты чего?! – заорал Александр на Коляна, мёртвой хваткой вцепившегося в рулевое колесо.

– Ничего.

– Я на тебя, блин, машин не напасусь! Чё ты сделал, а? Джип просрал! Теперь Мерс! Вычту из зарплаты. Понял?

– Ага.

– Мы кого-то сбили, – сказала Александра.

– Быстрее дёргаем отсюда! Колян, проснись, мать твою! Слышал, чё я сказал, в натуре? Заводи шарманку!

Двигатель ожил. Давя мощными шинами осколки стёкол, Мерседес вывернул на дорогу и рванул вперёд.

Иван хлопнул бандита по спине.

– Эй, у нас наверху покойник, – сказал он.

– Знаю! Колян, поехали на свалку!

– Чё же, так и повезём на крыше через весь город?

– Блин, точно! Надо его в багажник засунуть.

– Там же доктор.

– Ничего, придётся ему потесниться.

– Ага.

Колян опять тормознул, но, видимо, сделал это слишком

резко, поскольку тело, промявшее крышу, по инерции продолжило своё движение и скатилось на капот.

– Ма-ма!! – крикнула Надежда и забилась в истерике.

– Мама!!! – заорали хором все остальные.

Неизвестно, сколько трудностей пришлось пережить Степаниде Егоровне, пока она ковыляла к своему дому, но, видимо, судьбой ей было предназначено умереть сегодня и никогда больше, и ничего уж с этим не поделаешь.

– Откуда она здесь взялась? – перекрестился Александр. – Господи, спаси и сохрани.

– Пить брошу! – поклялся Иван и вцепился в спинку переднего кресла. – Брошу, обещаю! Пить больше не буду, только выпустите меня отсюда.

Он начал дёргать ручку, но дверь от удара заклинило.

– И после смерти достала, падла! Не хочу, не хочу!

– Не может быть! Мамочка! – Надежда дёрнулась и упала в обморок.

Степанида Егоровна пялилась на них тусклыми глазами, язык её вывалился наружу, волосы спутались в хаотическом беспорядке.

У Александры причёскам стала дыбом, а что касается Коляна, то он просто с корнем вырвал рулевое колесо.

– Чё делать? Чё делать то? – причитал Александр, не переставая креститься. – Всё из-за этого сраного врача. Если бы не он, то отец Алексей... Чёрт, ну надо же было, а? Ведь хотел же сегодня все грехи снять.

– Помолчи! – цикнула Александра.

– Да, да, надо действовать! Ванька, пошли, засунем её в багажник.

– Я не пойду!

Александр пихнул свою дверь, та оторвалась от петель и загремела по асфальту. Но, несмотря на сей факт, у бандита не возникло и тени мысли о сохранности машины. Он забыл о ней. Ему всюду мерещилась нечистая сила.

Иван уже не пытался выбраться наружу, напротив, он крепко вцепился в дверную ручку, желая как можно дольше оставаться внутри. Принимать участие в перетаскивании тещи-зомби он не хотел ни при каких обстоятельствах.

– Выходи! – приказал Александр.

– Не-а!

– Я кому сказал, выходи!

– Ни за что!

– Ладно, хрен с тобой. Колян!

– Ага.

Всё ещё держа оторванный руль в руках, тот с готовностью выполз из салона.

– Да брось ты его! Тащи эту суку сюда.

Открыли багажник. Сжавшись в мягкий комочек, врач мирно спал внутри и тихонько похрапывал. Он ещё не знал, что в самом ближайшем будущем ему придётся разделить своё ложе с одной прекрасной незнакомкой.

Александр подошёл к трупку и посмотрел на Коляна.

– Бери её за ноги, что ли. – неуверенно сказал он.

– А вдруг оживёт?

– Сам боюсь. А чё делать?

– А пусть её врач тащит.

– Точно!

Он обошёл машину и, схватив Виктора Степановича за шиворот, рывком выгрузил из багажника.

– Что такое?

Спросонок не сообразив, чего от него опять хотят, врач недовольно уселся прямо на тротуар и не по детски зевнул во весь рот.

Во избежание лишних уговоров и ради экономии времени Александр заранее вытащил пистолет.

Доктор всё понял без слов. Памятуя о недавних событиях, он подскочил, как ужаленный и с криком: "Я понял!", " Я всё понял!", влез обратно в багажник и захлопнул крышку.

– Ты куда, придурок? – заревел Александр. – Не, ну я его сейчас точно убью, ей богу! Колян, тащи его обратно.

Виктор Степанович долго не мог понять, чего от него желают господа бандиты, но, когда до него, наконец, дошло, моментально преобразился лицом и захныкал:

– Не поеду я с ней. Вы что это себе позволяете? Я буду жаловаться.

Видимо собираясь выкрикнуть какое то непотребное ругательство, Александр широко разинул рот...

– Менты! – вдруг выпалил Иван и полез через выбитое

заднее окно.

– Блин! – бандит убрал пушку. – Этих тут только не хватало.

Навстречу им на невысокой скорости двигалась полицейская машина. Надежда завозилась и открыла глаза. Потасив подругу за собой, Александра тоже поспешила выбраться из Мерседеса. Уставясь на мёртвую мамочку, та даже не сопротивлялась.

Менты проехали мимо. Все вздохнули с облегчением. Кроме, разве что, Виктора Степановича.

– Полиция! – неожиданно взвизгнул он, окружённый со всех сторон коварными врагами.

– Вот урод! – сплюнул Иван.

– Вас всех посадят, – обрадовано заявил врач. – Не будете издеваться над больным человеком, ха-ха! Ну, давайте, родные, езжайте скорее сюда. Вот умницы!

Привлекая внимание охранителей порядка, он жизнерадостно махал руками, кричал, не замечая при этом, что пьяная бандитская компания как-то ненавязчиво отдалилась от него и теперь, не собираясь никуда убежать, стоит на тротуаре.

Машина задним ходом подъехала к месту происшествия, тормознула и остановилась. Счастливый врач с приветливой улыбкой направился к двум вышедшим сотрудникам.

– Слава богу, – сказал он. – Есть всё-таки справедливость на этом свете.

Однако, к его немалому удивлению, представители закона вовсе не торопились встречать его с распростёртыми объятиями. Очевидно им не успела ещё передаться радость Толоконного, вид которого вызывал отвращение даже у невозмутимого Коляна, поэтому доктор малость опешил, когда один из них довольно грубо поинтересовался:

– Чья машина?

– Его! – пропел с тротуара хор злоумышленников.

– Попрошу ваши документы! – рявкнул полицейский и нахмурился.

Виктор Степанович ошалел от такой чудовищно наглой лжи.

– Позвольте, позвольте... – пролепетал он и мигом перестал радоваться. – Какие документы?

– Да нет у него никаких документов, – заявил Иван. – Сам только что рассказывал, что машину угнал.

– Что?! – в панике закричал Виктор Степанович. – Что вы такое говорите?

– Молчать! – полицейский окинул взглядом всю компанию. – А вы кто такие?

– Мы прохожие, – сказал Александр. – Вот, старушку хотели через дорогу перевести, а этот угонщик её сбил.

– А–а! – обрадовался представитель закона. – Так значит, тут у нас и труп есть?

– Это не я! – крикнул врач.

– Граждане, попрошу записаться в свидетели, – произнёс

второй мент и достал из кармана блокнот с ручкой.

– А я уже видел этого мужчину, – "вспомнил" вдруг Иван.

– Где?

– По телевизору показывали. Его Интерпол разыскивает, он террорист международный.

– Точно! – подтвердил Александр. – Небось уже бомбу где-нибудь заложил, подлюка. А машину угнал, чтоб от погони смыться. Торопился, гад, вот и сбил бабушку.

– Мама! – заревела Надежда и бандит, обняв её, сочувственно погладил по голове. Так погладил, чтобы рот Надежды был надёжно прижат к его плечу, отчего зауспокойный плач её перешёл в замогильный стон.

– Вот видите, как переживает? – показал на неё Иван. – Совсем эти террористы житья не дают. То дом взорвут, то старуху задавят.

Виктор Степанович остолбенело уставился на наручники, блеснувшие в руках первого полицейского и попятился.

– Это неправда! Неправда всё! Они врут, гады!

– Все так говорят, – веско произнёс мент и ловко заковал руки гражданину Толоконному, международному террористу, разыскиваемому Интерполом.

– Это их машина! – заорал он, чувствуя, что сейчас рехнётся. – Это они сбили бабку! Они бандиты! Они убийцы!

– Так... – сказал Александр и передал Надежду Ивану. – Господин начальник.

– Ма...!

Надежда успела пропищать только это, поскольку муж, по примеру друга, тоже погладил её по голове.

Мент выжидательно замер, а второй в это время начал проводить с врачом воспитательную работу. За попытку совершить побег и нападение на сотрудников органов, он методично бил того кулаком в живот.

– Короче, командир, – бандит перешёл на шёпот. – Вот тебе штука баксов и ты нас не видел. Забирай этого мудилу и езжай.

Тот понимающе кивнул и спрятал взятку в карман.

– Сам видишь, – продолжил Александр, – мы люди мирные, беззащитные, нам с террористами связываться не резон.

– Конечно, конечно. Петров!

– Да!

– Давай этого в машину. А вам – до свидания.

Мент козырнул и пошёл выполнять свой служебный долг. Александр проводил его взглядом законопослушного гражданина.

– Прощайте, мать вашу, – пробормотал он себе под нос.

Полиция с визгом сорвалась с места, засигналила мигалкой и скоро исчезла из вида.

– Кажись, пронесло, – вздохнул Иван и выпустил жену, которая тут же раскрыла рот и начала жадно глотать воздух.

– Ты чего? – удивился он.

– Я же чуть не задохнулась, идиот!

– А чё ж молчала?

– Да ты ж мне рот зажал!

– Ну, правильно, не будешь орать. Тут менты, а ты заладила одно и то же – мама! Мама!

– Мама! – словно эхо откликнулась Надежда и бросилась к усопшей.

– Так, короче! – приказал Александр. – Тётку в багажник и быстро рвём отсюда когти. Колян, давай.

Тот опять открыл багажник и с мученическим видом приблизился к телу.

– Хватай её. Наденька, отвалите пока. Отойдите в сторону.

Роняя на асфальт слёзы, Надежда отвалила и со скорбным лицом стала наблюдать за вселением Степаниды Егоровны в новую квартиру.

– Постойте! – вдруг очнулась она и встревожено подбежала к бандитам. – А куда её сейчас?

Александр резко захлопнул крышку багажника и scomандовал:

– Все в машину. Наденька, не время сейчас разговоры разговаривать. Поверьте мне. Садитесь-ка лучше в машину, по дороге подумаем.

Александра взяла её под руку.

– Пошли, пошли, – сказала она. – Да, и прими мои самые искренние соболезнования.

– О-ой! – провыла та и шмыгнула носом.

Иван не смог сразу догадаться, что можно просто обойти

машину и сесть в неё через другую дверь, он вновь полез через заднее окно.

– А как мы поедём? – спросил вдруг Колян.

К этому моменту все уже расселись по своим местам, забыв, однако, про одну существенную деталь.

– Что значит – как поедём? – не понял Александр.

– Ну...это, руля то нет.

– Не, ну я щас прям с ума сойду! – расстроился он. – В натуре, день какой-то несчастливый. Ну ты хоть как-нибудь присобачь его! За что я тебе деньги плачу, а?

– Ага.

Колян вышел из машины, притащил выброшенный было руль и начал устанавливать его на своё законное место.

– Мы здесь как на сцене, – буркнул Иван. – На нас сейчас уже, наверное, со всех окон пялятся. Я ещё удивляюсь, как это мы тут до сих пор зрителей не собрали?

– Чего удивляться? – возразил Александр. – Район глухой, дорога...так, не дорога, а переулок. Мы вот один раз, в таком же, почти глухом районе, два часа перестрелку вели, так ни одна собака носу не высунула.

– Попробуй высунь, – усмехнулся Иван. – Я бы тоже не высунул.

Надежда продолжала всхлипывать. Александра по-матерински гладила её по волосам, плечам, груди..., а она думала только о том, что позади неё, в тесном, неудобном багажнике лежит мама.

– Куда мы едем? – вновь раздался её вопрос.

– Не знаю пока, – задумчиво сказал Александр. – Колян, скоро?

– Всё уже.

– Поехали.

– Куда?

– На свалку.

– Вы что? – завопила Надежда. – Это же моя мама.

– Чёрт! – сплюнул бандит. – Ладно, давай на кладбище.

– Вы что?! Так же нельзя!

– Не, ну тебе, в натуре, всё не хорошо! – разозлился он. – Свалка не нравится, кладбище не нравится. Откуда столько предрассудков?

Мерседес взревел двигателем и рванул вперёд. Александру пришлось вцепиться в кресло, чтобы не вылететь на дорогу, поскольку его дверь осталась уже далеко позади.

– Ты пойми, – продолжил он свою теорию. – Всё равно ж ей теперь в земле лежать. Похороны, гроб, венки – это ж всё мишура и клоунизм.

– Что?

– Показуха, одним словом. Старушке-то уже всё равно.

– Но ведь обычай такой.

– А-а! – отмахнулся бандит. – Подумаешь – обычай. Мы живём в тяжёлое время – время перемен. Надо учиться жить по новому.

– Идиотизм! – выругалась Надежда, удивлённая тем, что

все вокруг молчат и тем самым как бы поддерживают Александра.

– Ну почему же? – возразил Иван. – В словах Санька есть очень даже много смысла.

– Просто ты всегда ненавидел мою маму!

– Заметь, взаимно. Она же первая меня не стала любить.

– Слушайте, – вдруг улыбнулся Александр. – Предлагаю компромисс.

– Какой?

– Наденька, а что вы думаете насчёт кремации?

– Не знаю.

– Ты не бойся, отец Алексей её отпоёт и вообще всё сделает, как положено. А потом мы её и сожгём.

– Ма-ма!

– Вот и договорились. Колян, жми в церковь.

– Ага...

Психиатр Головкин весь день занимался аутотренингом. И чего только ни внушал он себе, пытаясь усыпить не на шутку разошедшуюся совесть. И то, что на самом-то деле ничего и не произошло, что Виктор Степанович вообще вымысел, выдумка и живёт только в его воображении. Что к взрыву он не имеет никакого отношения и всю последнюю неделю не переступал порога собственной квартиры. Но, несмотря на все его уговоры, совесть так и не заснула, а напротив, с каждой новой минутой заявляла о себе всё громче и настойчивей.

Головкин принял несколько таблеток успокоительного, потом бутылку водки, холодный душ, горячий душ, ещё полбутылки, но увы – ничего не помогало. Ему по-прежнему страсть как было жалко бедного Толоконного, страсть как было обидно за него. И ещё это распроклятое чувство вины, кто его только выдумал?

– Господи, да что же это такое? – бубнил он, прикладывая к больной голове смоченное холодной водой полотенце. – Не могу поверить, что можно так мучиться. Сам себя не узнаю. Ведь понимаю же, что нужно забыть всё, но не могу. Не могу я! Не могу я спокойно смотреть на бандитский беспредел! Степаныч, друг, как же мне оправдаться перед тобой? Чем загладить свою вину?

Маяча по квартире, он ещё некоторое время вздыхал, клял себя последними словами и вот наконец совесть, как созревший чирей, окончательно вырвалась на свободу.

– Всё! – крикнул Головкин. – Хватит! Надо отомстить этим недочеловекам!

Он бросился к комоду, выдвинул верхний ящик и достал оттуда маленькую записную книжку. Трясущимися руками полистал странички, пошевелил губами, читая про себя записи и, найдя нужный телефон, обрадовано ухмыльнулся.

– Так, так, – протяжно сказал он. – Ну ладно, устроим небольшое представление, шоковую терапию, так сказать. Степаныч, ты будешь отомщён. Вот только жаль, что ты об этом так никогда и не узнаешь.

Телефонная трубка отозвалась сразу же.

– Слушаю.

Кавказский акцент неприятно резанул слух.

– Хочу вас предупредить, – понизив голос, произнёс Головкин.

– Кто гаварит?

– Друг. Ты меня не знаешь, но это и не важно. Просто я знаю, что...

– Слушай, дарагой, назови имя, да?

– Знаешь Александра, твоего конкурента?

– Ну, знаю.

– Он планирует против тебя войну.

– Что ты гаваришь?

– Ты чё, не понял? Жди беды. Я всё сказал.

– А куда я знаю, что ты не врёшь?

– А ты можешь мне не верить, но тогда завтра ты, возможно, и не проснёшься. Всё!

Головкин положил трубку и с трудом разжал пальцы, рука от напряжения совсем онемела.

– Вот так! – возбуждённо произнёс он и вытер проступивший на лбу пот. – И так будет с каждым, кто покусится на жизнь и имущество моих друзей. Пусть теперь эти архары грызутся между собой, а мы посмотрим.

С этими словами он облегчённо вздохнул и пошёл в комнату. Как же всё-таки приятно оказалось снять со своих плеч такой тяжёлый груз. Дышать стало не в пример легче и Го-

ловкин, расслабленно упав на диван, счастливо потянулся всем телом.

– Надо будет вечерние новости посмотреть, – в полудрёме пробормотал он. – Новости сегодня должны быть, ох, какие интересные. Если, конечно, этот тупой грузин и в самом деле тупой.

В небе началось потемнение. Подступила прохлада, лёгкий сухой ветерок раскачивал на ветках деревьев птиц, машины зажгли фары. К вечеру движение стало интенсивнее, пешеходы старались меньше нарушать правила перехода через дорогу. В крови содержание спирта у многих уже начало зашкаливать, превышая допустимую норму, страна расслаблялась после трудового дня.

Александр вёл свою группу окольными путями. Колян чудом управлял изувеченным автомобилем, проявляя невиданный героизм и смекалку. Надежда нежно прильнула к груди Александры, а та, в свою очередь, любовно обнимала её и делала вид, что в этом нет ничего интимного.

Иван ревниво поглядывал на подруг и не знал, как ему относиться к этой полуэротической картине, поскольку, малость изучив бешеный нрав Александры, немного опасался за моральные устои жены. Хотя, кто знает, возможно эта ненасытная кобылица уже пыталась совратить наивную и доверчивую Надьку. Что-то в последнее время она ни на шаг не отходит от его безутешной супруги.

Ему захотелось водки. Желание выпить больше не прино-

сило беспокойства в душу, стало приятным и даже необходимым.

"Вот так и спиваются." – подумал он.

И тут началось!

Сначала запищал телефон. Успевший уже слегка закимарить, Александр открыл глаза, лениво зевнул и взял трубку.

– Алё, – сказал он. – Кто это? Чё?! Это ты, старый архар? Стрелку, говоришь? А Белку не хочешь? Да-а? Ты это серьёзно? Пошёл на хер, старый мудило! Война?! Да я ж тебя... вместе с дерьмом сожру! На ремни порежу! Короче, ты и твоя сраная бригада – покойники, понял?! Ты...

– Трубку бросил, – сплюнул он и убрал телефон.

– Кто? – спросил Иван.

– Отари, конкурент чёртов. Значит, он всё-таки на меня наехал. Наврал врач. Эх, зря я его ларьки не тронул. Войны хочет, козёл! Ну что ж, будет ему война.

– Господи, опять, – зевнула Александра и равнодушно отвернулась.

– А что, такое бывало уже? – вновь задал вопрос Иван.

– А-а! – она махнула рукой. – Каждый год бывает. Я привыкла уже. Одно только плохо.

– Что?

– Да опять придётся неделю из подвала не вылезать, консервами питаться.

– Блин, как не вовремя всё это, – поморщился Александр. – Ну не гады, а? Это всё врач виноват, сволочь!

– Интересно, что с ним сейчас?

– Ничего интересного. Сейчас ему как раз отбивают почки. Или уже отбили и он пишет явку с повинной.

– А про что?

– Как – про что? Про то, что он международный террорист, засланный в нашу страну империалистами для выполнения диверсионных подлянок.

– А может, зря мы с ним так?

– Это ты брось, – возразил бандит. – Сам посуди, ну где бы он ни появился, везде начинается сплошной геморрой. Здоровому обществу такие люди ни к чему.

– Что верно – то верно, – согласился Иван.

– Жаль ребят, – вздохнул бандит.

– Каких?

– Моих. Сейчас половину бригады постреляют, потом опять новых искать.

– Да, нелегко тебе.

Про себя Иван уже решил, что ни за какие коврижки не станет меняться с ним ролями.

– Слушай! – осенило его вдруг. – А давай я пока Александру к себе возьму. Ну, на время войны.

– Бери, мне сейчас не до неё.

Иван облизнул губы. И тут, в этот многообещающий момент, случилось второе страшное событие. Сзади послышался дикий, нечеловеческий вопль, отчего Колян чертыхнулся, чрезмерно, резко крутанул руль и тот опять выскочил из

гнезда. Машина потеряла управление.

– А-а-а! Помогите-е! – заледенило всем души.

– Мама? – проснулась Надежда.

Справа от машины был глубокий кювет, слева по встречной полосе нёсся огромный автофургон.

– Всё! – выпалил Иван и от страха смог даже открыть, наконец, заклинившую дверь. – Это конец! Эта стерва опять ожила! Я пропал!

– Спасайся, кто может! – заорал Александр и первым выпрыгнул из неуправляемого автомобиля.

Иван последовал за ним. О том, что в салоне остались беспомощные женщины, успел подумать только трезвый Колян. Он выгнулся кошкой, умудрился перелезть назад, схватил их в охапку и выкинул следом за мужьями.

Грузовик сигналил беспрерывно, видимо, водитель, понимая всю сложность своего положения, от ужаса не придумал ничего лучше, чем просто таращить глаза и давить на клаксон.

Колян выпрыгнул на дорогу, когда между несущимися лоб в лоб машинами оставалось всего ничего.

– По-мо-ги-те-е! – в последний раз раздался крик очнувшейся Степаниды Егоровны.

Мерседес угодил грузовику прямо в радиатор и моментально превратился в лепёшку. Взрыв потряс все окрестности. Фургон развернуло на девяносто градусов, он опрокинулся и по инерции проехал еще несколько метров. Води-

тель, скорее всего, тоже погиб. Хотя, может быть и выжил, кто его знает?

Друзья оказались раскиданными на протяжении почти двухсот метров и молча лежали в кювете, приходя в сознание со скоростью, зависящей от состояния здоровья, способа падения и ландшафта места приземления.

Больше всех не повезло Ивану. После песчаной полосы, куда скатился Александр, начался строительный участок с кучами гравия. Хотя, конечно, по сравнению с участком Степаниды Егоровны, он ещё легко отделался. Прогремовший на пустынной автостраде взрыв окончательно лишил Надежду похонить мать по человечески.

– Коля-ан!

Александр сел на траву, кое-где пробивавшую себе дорогу сквозь песок и со стоном зажал голову руками.

– Колян-ан! – проорал он еще раз. – Колян, твою мать! Эй, есть кто живой? Что ж за день такой, а? Лучше, наверное, сразу застрелиться! Колян!

Иван по пластунски полз к своему предводителю. Надежда с Александрой вообще не пострадали, слившись воедино на куче песка. Они тесно прижались друг к другу и, дрожа от страха, зачарованно смотрели на зарево, огромным факелом освещающее небеса.

Александр встал на ноги и, пошатываясь, побрел вперед. Не заметив ползущего к нему Ивана, он прошёл мимо.

– Санёк! – пуская пену изо рта, прохрипел тот.

Бандит даже не взглянул на него.

– Где Колян? – спросил он.

– Не знаю, – Иван развернулся и пополз назад.

– Бабы, Коляна не видели?

– Видели, – ответила Александра.

– Где?

– Как где? В машине. Он нас еще в дверь выбросил.

– А потом?

– А потом мы упали.

– Да я не про вас спрашиваю! Про Коляна.

– А дальше мы ничего не видели.

Александр сплюнул и пошел к пожарищу.

Колян очень удачно спрыгнул на дорогу, но дорога не любит неосторожных. Вместо того, чтобы бежать без оглядки, тот просто стоял и смотрел, как фургон на бешеной скорости летит прямо на него.

Впрочем, бежать то ему было уже некуда.

Александр увидел только голову. Всё остальное... Остального уже не было.

– Не, надо ехать грехи снимать, – пробормотал он. – Как же мне всё это надоело.

Глава 15

Накатила ночь. Самая обыкновенная летняя ночь, со звездами, откусанной луной и прохладной свежестью. Космическое пространство выглядело примерно так же, как и тысячу лет назад и не обещало ничего нового, по крайней мере, еще столько же. Возможно, там действительно спрятался высший разум, с отвращением наблюдавший за жизнью на земле.

А на земле было беспокойно. Наверное наши предки, независимо от теорий возникновения, будь то обезьянья, или(что еще смешнее)божественная, на заре человечества вели ночной образ жизни, поскольку именно ночью начинались самые чудесные вещи.

Небольшое придорожное кафе, с гордым названием "На обочине" гостеприимно распахнуло свою дверку автолюбителям и автопрофессионалам. Однако, не все сегодня добрались сюда на колесах.

Девушка-барменша, она же официантка и уборщица, с удивлением наблюдала за возникшей в дверях заведения довольно странной компанией. Работать здесь она начала не так давно, поэтому боялась всего на свете. Время было уже позднее, напарница спала в подсобке, посетителей не ожидалось, поэтому, когда в дверном проеме появилась гориллообразная фигура с зеленым лицом и, оттого ставшими еще более пронзительными, белками глаз, девушка почувствовала,

как пересохло в горле. Следом за огромным монстром вошел менее крупный, но не менее страшный человек с зелеными губами. Одежда на обоих висела ключьями, выражение лиц не предвещало ничего хорошего. Тревога ее несколько улеглась, когда за этими двумя в зал прокрались две дамочки тоже исключительного потрепанного вида. Улеглась, но не настолько, чтобы успокоиться совсем, особенно после того, как гориллообразный облокотился на стойку и, разглядывая её в упор, мрачно улыбнулся.

Выбрав самый дальний и затемненный уголок, дамочки сели за свободный столик и принялись прихорашиваться, что было совершенно излишне.

Девушка встала со своего стульчика.

– Здравствуйте, – пролепетала она.

Благодаря сложившейся ситуации, маленькому опыту работы и стараниям разного рода журналистов, в красках расписывающих случаи... в общем, все зверские случаи, бедняжка приготовилась к ночному ужасу и мысленно прокляла свое решение идти сюда рабать.

– Привет! – пробасил здоровяк, и замолчал.

– Стоящий с ним рядом надул свои зеленые губки и криво, по бандитски, усмехнулся.

– Что-нибудь закажете? – вновь спросила девушка и, ожидая ответа, испугалась ещё больше.

– Тебя, – сказал здоровяк.

Девушка мертвенно побледнела, а зеленогубый громко за-

ржал.

Александр и Иван шли очень долго, поэтому вид одинокого, убогого питейного заведения показался им манной небесной. Жёны плелись поотдаль. Им пришлось снять моднявые туфельки, поскольку утомительный путь не располагал к ношению неспортивной обуви. Все страшно устали, никто не хотел останавливаться, чтобы подбросить четырёх путников и, вдобавок ко всему темнота спрятала правильный путь, отчего оставшиеся в живых после катастрофы, две супружеские пары, забрели вообще неведомо куда.

Всего этого девушка, конечно же, не знала. Не знала она также, чего ей ждать от странных полуночных визитёров.

– Ладно, расслабься! – улыбнулся Александр, но та не послушалась. Губы ее задрожали и она приготовилась разреваться.

– Ты чё? – удивился бандит. – Не надо плакать. А может быть, у тебя горе какое? Как тебя зовут?

– Зина.

– Вау! Зина! – восхитился Александр. – С такми имененм надо в ресторане работать. Зиночка, сделай нам чего-нибудь пожрать и выпить.

– А вы заплатите?

Иван гневно сверкнул глазами.

– Ты чё, не поняла, что ли? Ты чё, думаешь, у нас денег нет, что ли? Санек, покажи ей?

Александр продемонстрировал чудом уцелевший лопат-

ник и вытащил из него стодолларовую купюру.

– На, возьми на память, – сказал он ей. – Только сделай пожать, а! И, главное, выпить, побольше.

– Хорошо, – Зина, наконец, расслабилась и пошла за закусоном и выпивкой.

Бандит уставился на ее задницу, почесал нос и посмотрел на Ивана.

– Ванька, прикрой, – прошептал он. – Пойду помогу Зине.

– Понял.

Иван со скучающим видом направился к столику и уселся на стул.

– А где Саша? – тут же спросила Александра.

– Вышел.

– Куда?

– Ну, не при девочках будет сказано... – уклончиво ответил он, намекая на маленькую нужду друга.

Впрочем, маленькие нужды Александра были всем хорошо известны, поэтому Иван решил переключиться с бандитской жены на свою собственную.

– Хватит реветь, – сказал он ей.

Надежда, кстати говоря, и не редела вовсе. Усталость отняла у неё остатки сил и слез. Она удивлённо подняла на мужа глаза.

– Я не реву.

– Но ты хочешь.

– Хочу, но не могу.

– И правильно. Было бы из-за чего реветь!

– Хватит, Вань, – махнула она рукой. – Я устала, я хочу спать. Не напоминай мне ни о чём, а то я опять заведушь.

– А ты не заводись. Твою мамашу теперь даже по кусочкам не собрать. И не вспоминай о ней хотя бы сейчас. Тебе надо расслабиться, выпить. Помянуть, в общем. Зато хоронить теперь не надо.

– Мама! – все таки заревела Надежда.

– Ну вот! – удовлетворённо кивнул Иван. – А говорила, что реветь не хочешь.

Он замолчал и прислушался. Никто вроде не орёт, не зовёт на помощь. Неужели Санек сейчас... Иван облизнулся и подумал, а не сходить ли к другу на подмогу?

Александра ласково прижимала голову Надежды к своей груди, когда, к его искреннему удивлению, из подсобки неожиданно возникла Зина. В руках она держала поднос с заказанной продукцией. Осторожно поставив его на стол, она начала выкладывать принесенные бутылки и закуски.

Иван подмигнул ей, а потом вопросительно подвигал бровями.

– Что? – не поняла та.

Александра напряглась, а Надежда перестала рыдать.

– Что, что? – переспросил Иван и отрешенно хихикнул.

– Вы что-то хотели сказать?

– Нет. То есть, да.

Иван понял, что он ничего не понял. Куда же тогда запро-

пастился этот кобелино Александр?

– А что, подносов больше не будет? – поинтересовался он и выжидательно посмотрел на подсобку. Может быть бандит выйдет сейчас со второй порцией?

– Заплатите, будет.

Зина взяла поднос и собралась уйти.

– Постой, как тебя там, Зинаида! – Иван схватил её за руку и она от страха выронила поднос на пол. Тот со страшным грохотом отлетел к самой стойке. Все вздрогнули.

– Что вам ещё? – спросила девушка.

Иван взял бутылку водки, отвинтил крышку и наполнил до краев одноразовый стаканчик.

– Вот, выпей, – сказал он.

– Зачем? – снова испугалась та.

– Ну, это...

Иван и сам не знал, зачем. Просто надо было как-то заполнить возникшую паузу, и Надежда и, тем более, Александра, начали проявлять нездоровый интерес к непонятной им сцене.

– За упокой души её матери! – выпалил он и ткнул пальцем в жену. – Сегодня померла, тёща моя!

– Мама! – та снова вспомнила про покойницу.

– Да ты садись, садись.

Иван схватил Зину за руку и довольно бесцеремонно усадил на свободный стул рядом с собой. – "Где же этот чёртов мудака?" – подумал он и снова посмотрел на дверь подсобки.

– Мне нельзя, – попробовала открутиться та, но стакан всё-таки взяла. – Меня уволят.

– Не уволят, – не забывая и себя, Иван разлил остальным.

– Так, чокаться не будем, – сказал он и встал. – За здоровье раба божия Коляна! Пусть земля ему будет пухом.

Надежда вылупила глаза.

– А как же мама?

Иван сморщился, как от лимона.

– Ну... и за эту тоже. Хотя бы раз в своей жизни она сделала правильный выбор. Да! Это повод для того, чтобы выпить!

– Прощай, мамуля, – Надежда хлопнула стаканчик и швырнула его об пол, однако, хоть тот и был одноразовым, разбиться и не подумал.

Метнув очередной взгляд в сторону подсобки, Иван быстро принял свою дозу и набросился на закуску.

– Ешь, – кивнул он Зине.

– Можно? – робко спросила она.

– Ешь.

– Где же Саша? – забеспокоилась Александра.

– Нужду справляет, – почти напрямую заявил Иван.

– Интересно знать, что же это за нужда такая?

– Самому интересно!

Он ответил абсолютно искренне, потому что никак не мог постигнуть причину столь долгого отсутствия дружка. Поэтому, чтобы не дать ненужному разговору разжечь опреде-

лённые подозрения, он разлил по второй.

– Пейте, Зина.

– Уволят ведь!

– Не уволят. Видела моего друга?

– Д-да.

Иван сделал зверское лицо.

– А когда ты его видела в последний раз? А?

– В...вы же вместе были.

– Да? – Иван выпил стакан. – Ну так вот! Если ты сейчас не выпьешь, он придёт и...

Не успев дослушать до конца, Зина принялась пить.

– А когда он узнает, что ты не захотела выпить за Коляна... – разошёлся Иван.

– Где Саша? – вновь спросила Александра.

Его вдруг пробил истерический смех. Иван несколько раз хлопнул кулаками по столу и покраснел.

– Ой, не могу! – стонал он. – Где Саша! Зина, где Саша, а?

– Откуда я знаю?

Алкоголь ударил ей в голову и странная компания как-то незаметно стала почти родной.

– Саша! Саша! – пьяно закричал Иван. – Ты где? Ау-у! Представляете, девки, Саша пропал! Его, наверное, кавказы похитили! Вот ведь смех-то! Правда, Зин?

Он погладил девушку по коленке. Та сделала вид, что не заметила и лишь с опаской посмотрела на Надежду, которая вдруг сильно встревожилась из-за последнего известия.

– Господи! – воскликнула она. – Кавказы!

Александра презрительно усмехнулась и уставилась в окно. Там ровным счётом ничего не было видно, если не считать, конечно, внутренностей самого заведения.

И тут, как бы наперекор мрачному Иванову предположению, возник Александр собственной персоной. Он вышел из дверей той самой злосчастной подсобки, на которой Иван, наверное, взглядом уже дыры протёр и, как ни в чём ни бывало, пошёл к столику. Следом за ним появилась какая-то далеко немолодая тётка. Она томно посмотрела на компанию и остановилась у стойки. Бандит счастливо улыбался и мурлыкал под нос игривый мотивчик.

– Ты где был? – зло спросила Александра.

– Помогал Зинаиде! – счастливо ответил тот и вдруг замер.

Он с ног до головы оглядел сидящую за столом Зину, почесал затылок и, медленно так, перевёл взгляд на тётку.

– Не понял, – пробормотал он. – Как это так это? Чё за номер?

Иван снова забился в истерике.

– Ой, держите меня! – заревел он, чуть не упав под стол.

Взглянув на испуганное лицо бандита, тётка тоже испугалась. Да и можно ли её было в чём-то обвинять? Страшнее Александра в данный момент, был разве только что ядерный взрыв.

– А как? А куда? – начал он заикаться. – А что?

– Кобель! – фыркнула Александра.

– Санёк! – бушевал Иван. – Не, ну ты мне расскажи, а? Как же ты, а? Где же были твои глаза?

Надежда и Зина совершенно ничего не понимали. Выпитого хватило им настолько, что они могли или только молчать, тупо наблюдая за происходящим, или, опять же, ничего не соображая, просто поддерживать Ивана в его ржании.

Исходя из этого обе девушки одновременно засмеялись, но в смехе их сквозил немой вопрос – а что, собственно, такого смешного? Что случилось-то?

Зато Иван всё понял. Кобелино Александр перепутал баб и, судя по довольной кошачьей ухмылке, перепутал с положительным результатом, справив таки свою небольшую нужду.

– А чё смешного? – обиделся тот. – Чё вы все раскудахтались?

Он скромно приблизился к столу.

– Сашенька, ты не подумай ничего такого... Я просто... просто...

– Кобель! – закончила за него жена.

– Ну почему кобель? Чуть что, так сразу кобель. Я звонить ходил.

– Куда?

– Ну, по делам, – туманно произнёс бандит. – Чё, уже и позвонить нельзя? Кстати, Зиночка, где тут у вас телефон? Я не нашёл, мой-то – того, разбился.

– Долго же ты искал!

Александра посмотрела на тётку убийственным взглядом и та мигом скрылась с глаз долой.

– Я тебе памятью Коляна клянусь, телефон искал! Зина, где телефон?

– Я покажу.

Девушка встала, пошатнулась и облокотилась на всё ещё всхлипывающего Ивана. Ей стало плохо, потому что столько водки за раз она пить ещё не пробовала.

– Я пойду с вами, – поднялась Александра.

– И я! – хохотнул Иван. – Надька, ты как, с нами?

– Послушайте, ладно, я передумал!

Бандит хлопнул ладонь по столу. Все сели.

– А мы тут за Коляна пили, – сказал Иван.

– И за маму, – подала голос Надежда.

– И меня не подождали!

Александр укоризненно покачал головой.

– А чем бы я тебя ещё прикрывал? – удивился Иван и снова полез к Зине.

– Как он тебя прикрывал? Что здесь происходит?

Александра, видимо, тоже захмелела, поскольку в её поведении появилась вдруг несвойственная ей агрессивность.

– Слушай, может хватит, а?

Бандиту уже надоели эти пустые дебаты, он взял со стола запечатанную бутылку водки и, не найдя стакана любимых размеров, просто залил весь пузырь себе в горло.

– Эх! За Коляна! И за всех, кого ещё грохнут! – прокричал он и швырнул бутылку в окно.

Вероятно, он полагал, что оно открыто, но грохот разбивающегося стекла возвестил об обратном.

– Ну вот! – обрадовался он. – Видите? К счастью!

– Что вы наделали? – равнодушно спросила Зина. Меня же теперь точно с работы уволят.

– Не уволят, – сказал Иван.

– Что случилось?

Тётка, которую Александр перепутал с официанткой, обеспокоенно вбежала в зал и всплеснула руками.

– Молодой человек, что вы наделали? Зина! А ты куда смотришь?

– Да пошла ты! – вдруг огрызнулась та.

– Что?

– Я говорю – пошла ты!!

– Санёк! – вскочил Иван. – За Коляна надо ещё выпить. Эй, бабушка, иди сюда!

– Какая же я вам бабушка? – обиделась та.

– Ну, может и не бабушка, чёрт тебя разберёт. Ладно, дедушка, иди сюда!

– Я не дедушка!

– Тогда иди отсюда!!

Иван сразу утратил к ней интерес, схватил целую бутылку водки, отпил немного, подумал, ещё отпил и запустил этой бутылкой в другое окно. И разбил его вдребезги.

– Зинка, ещё тащи! – приказал Александр. – Веселиться... то-есть, поминать, так поминать!

Девушка с трудом отлепилась от Ивана.

– Я провожу, – сказал тот. – А то не дойдёт она.

– Я вызову полицию! – крикнула тётка и убежала в подсобку.

– Вот сука! – ругнулась Зина.

– А она кто? – спросил Иван, поддерживая её за задницу, чтобы не упала. – Сестра твоя, да?

– Нет, напарница. Дура старая!

Так, за разговором, они скрылись следом за старой душой-напарницей и Надежда отчего-то вдруг затосковала.

– Девки, гуляем! – радостно возвестил Александр. – Вон ещё сколько окон целых осталось!

– Сейчас полиция приедет, – предупредила его жена.

– Плевать! Как приедет, так и уедет. Чё мы такого делаем-то?

– Ты лучше скажи, где ты был?

– А куда они пошли? – спросила Надежда. – Что это они так долго?

– Тоже, наверное, телефон ищут! – засмеялся бандит. – Да ты пойди, посмотри.

– Я боюсь.

– Это ты брось. Пусть другие боятся, а ты под моей надёжной защитой.

– Тоже мне, защитничек нашёлся! – усмехнулась Алек-

сандра.

– А чё? Могу. Надя, если вы одна боитесь, давайте сходим и посмотрим вместе.

– Не надо! Вдруг...

– Что вдруг?

Надежда заревела. Она совсем запуталась и не знала, что делать. Мамы больше нет(если, конечно, она опять не ожила после катастрофы), папа в тюрьме, муж сошёл с ума, да и сама-то она уже близка к этому. Иван лапает девок прямо у неё на глазах. И, судя по всему, не только лапает! Потеряв контроль и рассудок, она отдалась этому бандиту и теперь, вместо того, чтобы хоронить мать, сидит в какой-то вонючей дыре и напивается до одури.

– А знаете что? – оживлённо произнёс Александр. – Давайте прыгать через огонь! Разожгём костерок, побесимся, глядишь, легче станет.

– Рехнулся! – констатировала Александра, но муж, не дожидаясь согласия, вскочил и направился к стойке бара.

– Ты куда? – спросила она.

– За дровами.

С этими словами он схватил деревянную стойку руками, дёрнул изо всех сил и выдрал её с корнем.

– Вот и дровишки!

– Что вы делаете? – снова закричала неведомо откуда взявшаяся тётка. – Я полицию вызову!

Александр увлечённо крошил стойку на небольшие лу-

чинки и не обращал внимания на её отчаянные визги.

– Спички есть? – спросил он.

– Пошли вон!

– Спички дай! Чё, не понятно, в натуре?!

– Вы пьяны!

– Я пьян? – удивился бандит. – Я вообще не пью! Слушай, любимая! На вот, возьми сотку баксов и принеси мне спички.

Он отслюнявил ей стольник. Тётка схватила бумажку, куда-то убежала и вернулась уже с коробком.

– Ну вот! А то полиция, полиция!

Он подошёл к столу, взял недопитую бутылку и облил дрова водкой.

– Раз, два, три! – дерево весело затрещало.

– Хорошие дрова, сухие! Ещё есть?

– Ну есть там ещё ящики, коробки.

– Тащи!

Тётка замялась в ожидании чаевых и тут же их получила. Александру вдруг захотелось сотворить огромный пионерский костёр. Он вспомнил детство, лихие компании, девочек с пивом в лесу и такой вот пылающий, как сто факелов, кострище.

– Тащи больше! – орал он. – Неси всё!

Надежда испуганно прижалась к Александре, тётка бегала, как заводная, а карманы её халата уже распухли от валюты.

– Гори, гори ясно! Чтобы не погасло!

Александр заказал ей водки, выпил бутылку и разбил третье окно.

– Бабы! Айда, попрыгаем!

Зал наполнился дымом. Огонь перекинулся на цветастые занавески и пополз по пластиковым стенам к потолку.

– Пожар! Горим!

Из подсобки выскочили Иван, застёгивающий на ходу штаны и Зина в одних кружевных трусиках. Александр, словно шаман, размахивал руками и отплясывал дикарский танец.

– Санёк! – заорал Иван. – Уходим! Кха-кха! Сейчас здесь всё рухнет, к чёртовой матери! Девки, хватайте же его!

Надежда начала чихать, Александра закашляла, Зина с криком выскочила на улицу. Тётка вообще куда-то пропала.

– Ванька! – крикнул Александр. – Ты телефон нашёл? Мне позвонить надо

– Какой, нахрен, телефон! Сматываться пора!

– Подожди!

Бандит ухватил один из стульев и через изуродованную стойку швырнул его в полки с продаваемой продукцией.

– Скучно мне, Ванька! – заревел он. – Скучно, понимаешь?

– Понимаю! Только давай уйдём скорей отсюда! Иначе, кха-кха, сгорим к едрене фене!

Иван с диким страхом смотрел на всё разгорающийся по-

жар и тащил друга к выходу. Тот раздосадованно вздохнул, мол, такой праздник испортили, обмяк в его руках и подчинился.

Женщины стояли у дороги и, при их появлении, облегчённо зашумели. Прикрывая руками обнажённую грудь, заплакала одна только Зинаида .

– Что же вы плачете, девушка? – печально спросил её бандит. – Рабочее место потеряли? Ай-ай-ай! Надо осторожнее обращаться со спичками. Кстати, тут ведь ещё одна была, такая... м-м мягкая.

– Её нет! – прорыдала Зина и ладошками закрыла лицо. Александр вперил взор на её обнажившиеся груди и облизнулся.

– А, м-м... о чём это я? Ах да! Так где, вы говорите, она? – Санёк, уходим! – крикнул Иван.

Александра пнула мужа по ноге.

– Кобель! Зенки вылупил! Пошли домой, я замёрзла!

– Да вон иди грейся! – отмахнулся он.

– А что же мне теперь делать? – спросила Зина. – Как же я пойду в таком виде?

– Девушка.– обратился к ней Александр, спяну перепутавший всё на свете. – Скажите, а что вы делаете сегодня вечером?

– Зи-и-ина-а!!! – раздался полный боли и смертельного ужаса, истошный крик тётки. Зарабатывая деньги, она совсем забыла о собственной безопасности.

Обдавая чёрное небо снопом огненных искр, крыша сооружения вдруг прогнулась и рухнула. Александр восхищённо смотрел на свой огромный костёр.

– Как красиво! – прошептал он.

– Ой, мамочки! – закричала Надежда. – Она же была там!

Зина снова заплакала и Иван подскочил к ней, чтобы успокоить и поддержать в страшном горе.

– Ванька, не трожь девушку, – сказал бандит. – Мы должны прийти к ней на помощь. Мы же люди! А значит, должны помогать друг другу! Правильно я говорю?

По дороге промчалась машина.

– Пошли домой, – вздохнул Александр. – Как же я устал от всего, ребята!

Зинаида была одета в Иванову рубашку и он даже слегка замёрз. Надежда опять перестала с ним разговаривать, видимо, на что-то затаила обиду, вот только на что, он никак не мог понять.

Шли молча. Мимо всё так же проносились редкие автомобили, старательно объезжая их стороной. Темнота была настолько непроницаемой, что в конце концов Александр скомандовал:

– Всё, братва! Привал! Ночевать будем здесь. Честно говоря, идти я больше уже не могу.

– Что, прямо на дороге?

Надежда молча зевала, ей, как впрочем и всем остальным, было уже всё равно, где упасть.

– Не хотите на дороге, давайте свернём в поле.

Бандит развёл руками, как бы говоря, что ему, в принципе, хорошо

езде. Иван ничего не сказал. Он просто свернул в это самое поле и, по колено в траве, пошёл к, еле виднеющимся, неясным строениям.

– Эй! – крикнул он, оборачиваясь. – Идите сюда, чего застыли?

В ночном небе раздался яростный птичий крик и всем вдруг разом стало жутко.

– Куда же нас, всё-таки черти занесли, не пойму, – задумчиво пробормотал Александр и так же задумчиво пошёл за Иваном. Женщины пристроились ему в затылок.

Неведомая птица прокричала ещё раз и уже совсем рядом.

– Я боюсь! – прошептала Надежда.

– Опять ты за своё, – ухмыльнулся Александр. – О, Ванька, ты уже и место нашёл?

– Ложись, где хочешь, чего тут искать?

– Точно!

Со вздохом облегчения бандит уселся на траву и привалился спиной к низенькому заборчику. Александра улеглась рядом. Немного подумав, Надежда под села к Ивану.

– Ну чё, успокоилась? – спросил он её, обнимая рукой. Другой рукой он уже нежно обнимал Зинаиду.

– Эх! Надо было водки прихватить! – посетовал бандит. – А то как -о скучно.

– А ты поспи и всё пройдёт, – посоветовал Иван.

Самому ему спать хотелось невероятно, однако он отчего-то не мог заснуть. Последний бзик друга Санька подействовал на него как-то странно угнетающе, будто пелена упала с глаз. Похоже на то, что тот просто ищет смерти. Хотя, с другой стороны, в таком случае, мог бы просто не выпрыгивать из Мерседеса, а спокойненько сидеть себе и дожидаться рокового столкновения.

Тупые и бессмысленные похождения Ивану уже порядком осточетели и понял он это только тогда, когда обезумевший Александр запалил свой дьявольский костёр. Никак не раньше.

"Если и вправду есть сатана на свете, – подумал он. – то это, наверняка, Санёк, больше некому."

Зинаида вдруг завозилась.

– Ты чего? – спросил он.

– Мне в кусты надо.

– А-а, ну иди.

Девушка встала и, в поисках укрытия, зашуршала босыми ногами по траве. Надежда, не теряя времени даром, тут же прильнула к мужу.

– Ванечка, что у тебя с ней было? – как можно тише задала она, наконец, наболевший вопрос.

– А что могло быть? – удивился тот. – Давай, спи.

– Ага, спи! Я вот сейчас усну, а ты опять к ней полезешь! Или к Сашке.

– Ты чё, с ума сошла? Я чё, педик, по-твоему?

– Да ты не понял! Не к Саше, а к Саше.

– А-а! – до Ивана дошло. – Не полезу, не бойся.

– Я теперь всего боюсь.

– А раньше, значит, не боялась, да? Раньше можно было крутить, вертеть, как угодно?

– Прости, Ваня, но мне теперь больше не на кого положиться.

– У тебя отец есть.

– Но он в тюрьме.

– А ты ещё разок отдайся вон Саньку, глядишь, поможет чем. У него, знаешь, сколько связей?

– Я больше не буду. Клянусь!

Иван хотел уже было что-нибудь съязвить по поводу этой торжественной клятвы, но дикий вопль Зинаиды неожиданно переполошил весь их небольшой отряд.

– Что такое? – вскочил Александр. Он сбросил с себя супругу и облокотился на тот самый заборчик, возле которого собрался ночевать.

В нескольких десятках метров от них, в непроглядной сырости ночной мглы маячила белая Зинкина фигура и дико визжала.

Надежда испуганно задышала, а Иван, так просто похолодел от ужаса.

– А-а-а!! – верещала чем-то до смерти перепуганная девушка, носящаяся среди...

– Господи! – воскликнул Александр. – Это же кладбище! Надежда глухо простонала и потеряла сознание.

За Зиной неслись двое. Почти уже настигая её, они размахивали лопатами и тоже что-то орал.

– Они что, её убить хотят? – шёпотом спросила Александра. Осознание того, что они оказались на кладбище, её не очень-то и обеспокоило, но вот двое с лопатами наперевес...

– Я не знаю, чего они от неё хотят, – так же шёпотом произнёс Александр, – но нам лучше не вмешиваться. Знаю я таких ночных землекопов. Причём, довольно близко.

– А как же насчёт помощи ближнему своему? – криво ухмыляясь, спросил Иван.

Бандит пожал плечами.

– Не, ну я не отказываюсь, – сказал он. – Но она же не зовёт на помощь.

Зинаиду, наконец, настигли и повалили на землю. Словно подслушав слова Александра, она вдруг опомнилась и заорала так, что мёртвые, наверное, попереворачивались в своих гробах:

– По-мо-ги-те!!! Помогите!!! А-а-а!!!

– Во,смотри-ка, зовёт, – сказал Иван. – Что же ты не спешишь на помощь?

– Не могу, – бандит вздохнул и покачал головой. – Я узнал этих ребят.

Иван посмотрел на него долгим взглядом, зябко поёжился

и зевнул.

– Ну что ж, – произнёс он с сожалением. – Прощай... моя рубашка.

Глава 16

Виктор Степанович впал в глубокое оцепенение. Если раньше он ещё надеялся на вселенскую справедливость, то теперь, после всего того, что сотворили с ним проклятые бандюганы, да ещё совместно с родной полицией, последние его надежды лопнули, как мыльный пузырь. Что же получается? А получается то, что вот так, ни за что, ни про что можно, оказывается, смешать с грязью любое доброе имя и все будут делать вид, что это в порядке вещей.

Получив раз десять под дых, Виктор Степанович понял, что с властью спорить бесполезно. И даже вредно, поскольку во время задержания его положение, как международного террориста, оказалось менее выгодным, чем у шайки добропорядочных, законопослушных бандитов, снабжённых для пушей убедительности конвертируемыми дензнаками. А так как хорошо известно, что при помощи денег в своей правоте можно убедить абсолютно любого, то пришлось Виктору Степановичу заткнуться и принять весь огонь на себя.

Впрочем, другой альтернативы в данный момент у него не было. Сотрудник, получивший взят... разъяснения по поводу случившегося Ю очень недвусмысленно намекнул ему о реальной возможности быть пристреленным за попытку побега. Что оставалось делать бедному доктору? Ну не было у него денег, что и сыграло свою злую роль в его дальнейшей

судьбе. Менты благополучно довели его до отделения полиции и с рук на руки сдали дежурному.

Вечер, проведённый в КПЗ был спокойным лишь относительно. Всё отделение по очереди подходило поглазеть на живого пока террориста и со смачной громкостью комментировало его скорый, печальный конец. Виктор Степанович уже почти смирился со своей участью, когда к нему неожиданно закинули какого-то не очень трезвого господина.

– Здорово, земляк! – радостно осклабится тот и подсел к врачу.

– Здравствуйте.

Виктор Степанович осторожно подвинулся на краешек лавочки.

– Чё, замели, гады?

– Да. Вот...

– Ну ладно, не вздыхай! С кем ни бывает! А за чё?

– Да говорят, за терроризм.

– Оба на! – восхитился господин. – А как зовут?

– Виктор Степанович.

– Это чё, псевдоним, да? – Прикольно! Ну, а на самом деле как?

– И на самом деле всё так же, – вздохнул врач.

– Не, так нельзя! – весомо сказал господин. – Вон у меня и имя есть и псевдоним. Зовут Игнат, а погоняло Леший. Во как! Ну, а человеку твоего размаха обязательно нужно кликуху такую, чтоб от имени отличалась. Ты чё, взорвал чё

нибудь?

– Нет.

– Не понял. А чё ж тогда тебя замели?

– Подставили меня.

– Бывает, – кивнул Игнат понимающе. – Меня вон тоже подставили, суки, козлы рваные!

От него так разлило свежeweыпитым спиртным, что Виктора Степановича неожиданно опять затошнило. Он закрыл рот рукой и постарался отодвинуться ещё дальше от этого Лешего. Но, судя по всему, у того на этот счёт было своё мнение, он вдруг обнял врача и притянул к себе.

– Слушай! – зашептал он ему на ухо. – Дело есть на сто миллионов!

– Какое? – сквозь пальцы спросил Виктор Степанович и заткнул нос.

– Оружие нужно?

– К... какое оружие?

– Блин, по дешёвке отдам! Сто автоматов и ящик гранат.

– А зачем мне?

– Как зачем? – удивился Игнат. – Ты же террорист! Нешто тебе оружие не нужно? Если согласишься, помогу тебе отсюда выбраться. Ну так как?

– Надо подумать, – произнёс ошалевший доктор. Обещание помочь выбраться из этой вонючей камеры подействовало на него магическим образом и он слегка воспрял духом. Его даже перестало тошнить.

– Ты подумай, подумай! – закивал головой Игнат. – Только недолго, у нас времени нет.

– Хорошо, я согласен.

Виктор Степанович решил, что хуже, чем сейчас, быть уже не может, поэтому стоит пойти на что угодно. Что он теряет? Всё уже давно потеряно. Квартиры нет, документов нет, денег нет, ничего нет. Есть только он собственной персоной, да и то уже не в качестве рядового травматолога городской клиники, а...

– Да, я согласен, – повторил он.

– Молодец! – обрадовался Игнат и потрепал его по голове. – Сейчас мы отсюда выйдем.

– А как?

– Не бойсь! Всё продумано. Ты, главное, молчи и со всем соглашайся, а остальное уже моя забота.

Игнат подошёл к решётчатой стенке и выглянул из камеры.

– Хорошо, как скажешь, – произнёс Виктор Степанович и приготовился неизвестно к чему.

– Тут один дежурный! – шепнул Игнат. – Щас всё устроим!

– А что? Что устроим?

Тот не ответил, а молча шагнул к врачу и со всей дури засветил ему в глаз.

Тысяча стоваттных лампочек, наверное, вспыхнули бы не так интенсивно и ярко, как вспыхнуло у Виктора Степанови-

ча в голове. Такого освещения он не видел никогда в жизни, а если бы и увидел, то, скорее бы всего, ослеп.

Он ударился затылком о шероховатую поверхность задней стены и сполз на пол.

– Ой, кажется, я перестарался, – Игнат виновато посмотрел на свой пудовый кулачок. – Да, малость переборщил. Эй, террорист, ты не погиб?

Виктор Степанович закатил глазные яблоки куда-то в неведомые полости черепушки и тихонько заскулил.

– За что?! – вырвалось у него.

– Живой! – вздохнул Игнат с облегчением, наклонился к нему и зашептал:

– Ты ори громче, мол, убивают, понял?

– Понял.

– Вот и молодец. Давай, ори.

– Убивают! – заорал Виктор Степанович и тут же получил вторую оплеуху.

– Убивают!!! Уби...

Игнат уселся на него верхом и со зверской мордой пережал горло.

– Эй вы, козлы, а ну тихо! – подходя к решётке, лениво прикрикнул дежурный старший лейтенант.

– Убью, суку! – не обращая на него внимания, прошипел Игнат.

Виктор Степанович уже начал задыхаться.

– Уби... ва... ют!!!

– Ты чё, не слышал? – встревожился мент.

– Убью, г ада!

– А-а... хр... хр!!!

– Отпусти его, сволочь!

– Начальник, я его щас убью, в натуре!!

Имея целью прекратить преступление, старший лейтенант, наконец, решился на вмешательство. Он отпер дверь и шагнул за порог.

– Прекратить! – взвизгнул он высоким фальцетом. – Кому велено?

Игнат резко изменил направление очередного удара и шархнул бдительного дежурного по голове. Тот мешком рухнул на бетонный пол. Виктор Степанович лежал рядом и, побагровев лицом, пускал изо рта пену.

– Всё, вставай, – приказал Игнат. – Кончилось кино, пора сматываться! Да вставай же ты, некогда отдыхать!

Видя, что слова его пропадают даром, он схватил горе-террориста в охапку и волоком потащил его из места заочения на свободу. Только глотнув свежего уличного воздуха, врач смог хоть немного прийти в себя.

– Бежим!

Игнат затолкал его в какую-то машину, уселся за руль и рванул вперёд.

– Зачем вы меня били? – глотая слёзы, спросил Виктор Степанович.

– Для убедительности! – Тот лихо свернул в тёмный пере-

улок. – А то вдруг не поверил бы?

– Но вы могли меня и в самом деле убить!

– Да ты что? Это не в моих интересах, мы же теперь партнёры.

– А чья это машина?

– Не знаю. Но точно не моя.

– Нет, мне-то, в принципе, всё равно.

– Вот и хорошо.

Игнат въехал в тёмную подворотню и остановился.

– Короче, – сказал он, глуша мотор. – Бизнес есть бизнес.

Мне нужны гарантии.

– Мне тоже, – решив идти ва-банк, важно ответил Виктор

Степанович.

– Молодец! Уважаю!

Игнат понимающе прищурился и вдруг спросил:

– Кто твои сообщники? Где у вас база?

– А где оружие?

– Будет тебе оружие, но мне нужны деньги.

– Будут тебе деньги, но мне надо кое-куда сходить. Насчёт денег.

– А позвонить нельзя?

– Вообще-то можно. А что, у тебя есть телефон?

Вместо ответа Игнат пошарил в бардачке и достал сотовик.

– Во, смотри-ка, – обрадовался он. – Совершенно случайно оказался!

Виктор Степанович машинально взял протянутую ему трубку и тут подумал, что не доверяет этому Лешему.

– Слушай, – обратился он к нему. – А может быть у тебя и образцы есть? Совершенно случайно?

Игнат почесал затылок, сунул руку под сиденье и извлёк оттуда укороченный автомат Калашникова.

– Смотри-ка, – вроде бы как удивлённо произнёс он. – Надо же – есть.

– Дай посмотреть, – как можно небрежнее попросил врач.

– На !Только этот не из моей партии. Этот я не знаю чей, машина-то ведь не моя. Но у меня такие же.

– Правда?

– Ей-богу, в натуре!

Виктор Степанович взял в руки смертельную игрушку и прикинул, как бы держал её всамделишный террорист.

– Заряжен?–спросил он.

– Ещё как!

– Что, под завязку?

– Под самую, что ни на есть!

– А откуда ты знаешь?

Игнат замаялся, думая, как бы лучше ответить на столь провокационный вопрос, но Виктор Степанович, который за всю свою жизнь ни разу не брал в руки оружие, вдруг нечаянно нажал на спусковой крючок.

– Тук-тук-тук! – сказал Калашников. И вслед за ним раздался громкий вопль.

– А-а, мудило! – заорал Игнат и схватился за ягодицу. – Ты ж мне жопу прострелил!

– И впрямь заряжен! – обрадовался врач. – А жопа, извините за выражение, заживёт, лучше новой будет. Запасные обоймы есть?

– Не обоймы, придурок! Магазины!

– Не понял. При чём здесь магазины? В магазины я захаживал, знаете ли, там патроны не продают. Вы кто по званию?

– Капитан! – проныл Игнат. – Раскусил, сволочь! Матёрый, зараза! Ладно, игра закончилась! Ты арестован!

– В самом деле? – удивился Виктор Степанович и направил ствол ему в голову. – Может быть, зачитаете мне мои права?

– Американец, что ли? Здорово по-русски говоришь, падла!

Игнат кряхтел, сопел и отдувался. Ему было невероятно больно, он истекал кровью. Угораздило же его согласиться сыграть роль подсадной утки у этого козла! А ведь с виду не скажешь, что террорист. Как он его быстро расшифровал! Профессионал, мать его! Ведь убьёт, гад, и глазом не моргнёт!

Тем временем Виктор Степанович открыл дверку и, всё ещё держа под прицелом псевдоИгната-Лешего, вылез наружу. Ему и в голову не могло прийти, что он до смерти перепугал бравого полицейского капитана. А говорят ещё – имидж

ничто! Оказывается, совсем наоборот. Стоило только менту поверить в причастность этого безобидного на вид, доброго дядечки, к международному терроризму, как сразу же любое его действие, пусть даже самое непонятное и смешное, стало расцениваться, как признак высокой профессиональной квалификации.

– Сиди тихо!

Виктор Степанович вошёл во вкус. Вид крови опьянил его и ему захотелось действий. Спрятав автомат под остатками плаща, он растворился в дворовой тьме.

Превозмогая боль в заднице, Игнат взял телефон и набрал номер.

– Петров? – спросил он. – Это капитан Сидоров. Объявляй тревогу, я его упустил. Как, как! Ранил он меня. Неважно куда! И вообще, я чего хочу сказать, не по зубам он нам. Пусть им безопасность занимается. Да. Вот, сука, а ведь я его почти уже раскрутил! Да! Ещё бы чуть-чуть! Ну, ладно, давай. Нет, ребят не присылай, сам управлюсь.

Он бросил трубку и завёл движок. Тот пару раз чихнул и заглох.

– Вот тварь! – ругнулся Игнат. – Опять! Придётся вызывать скорую.

Он открыл дверь и попробовал встать на ноги, но вскрикнул от боли и тут же повалился обратно.

Скорая приехала на удивление быстро. Всего-то через полтора часа. Но капитану полиции Сидорову Игнату она

уже не понадобилась. Он умер на боевом посту от потери крови.

И никто не пришёл ему на помощь.

Виктор Степанович шагал тёмными, безлюдными переулками. Автомат приятной тяжестью оттягивал плечо и, несмотря на довольно болезненные тумаки, навешанные ему Игнатом, он снова чувствовал себя человеком. Левый глаз, тот, что принял первый удар, заплыл напрочь, но зато правый жизнерадостно сверкал на его одухотворённом лице.

"Целиться лучше", – успокаивал он сам себя и всякий раз прятался, стараясь держаться в тени, когда поблизости от него проходили люди, или проезжала машина. Справедливость всё-таки восторжествовала, господь(он снова вспомнил о нём)дал ему шанс отомстить обидчикам и даже снабдил оружием.

Вот только где искать этих ублюдков, зверей в человеческом обличье? Шагая, куда глаза глядят(а точнее один глаз), Виктор Степанович думал о том, что раз уж всевышний обратил-таки на него внимание и помог на первом этапе, то, возможно, не остановится на этом и подскажет, где их найти.

Размышляя о странностях судьбы и злости людской, Виктор Степанович неожиданно выскочил на людную, оживлённую улицу. Рёв автомобилей, доселе скрываемый глухими дворовыми заборами и стенами домов, оглушил его. Сотни фонарей и великое множество прохожих заставили врача спрятаться в тени ближайшего дерева и затаиться.

Чего он испугался? Ему вдруг показалось, что все взгляды устремились именно на него, что все знают и о побеге с преступлением, и о затеянном отмщении, и об автомате, болтающимся подмышкой.

Виктора Степановича охватила паника.

– Чего они все уставились?—прижимаясь к шероховатому стволу, почти беззвучно прошептал он. – Чего им всем надо?

Впрочем, до него так и не дошло, что в таком непрезентабельном обличье, как у него, не привлечь чьёнибудь внимание являлось задачей несколько проблематичной. Особенно, если учесть тот факт, что слева от него находилось здание городской прокуратуры, а справа, по тротуару, по направлению к нему неторопливой походкой приближался полицейский патруль в лице дуэта сероформенных ментов.

Заметив их, Виктор Степанович заметался и похолодел от ужаса. Он решил, что блюстители порядка, конечно же, увидели его и идут конкретно по его душу.

– Боже, не дай мне кончить так нелепо! – возмутился он и, в твёрдом намерении дать дёру, зашарил взглядом по улице.

А дать дёру необходимо было сделать так, чтобы не очень бросалось в глаза. Но как? Спокойно отлепиться от дерева и непринуждённо продефилировать в подворотню? Конечно, это самый лучший вариант, но где же его, это спокойствие взять? От страшного перенапряжения у Виктора Степановича буквально затряслись поджилки, ещё за пьяного сочтут, уж тогда точно неприятностей не оберёшься.

Однако, промедление было смерти подобно, поскольку две пары, заберцованных в ботинки, ног, неумолимо приближались с каждой секундой.

– Главное, тихо, – решил он наконец. – Потихонечку. Чтобы никто ничего не заподозрил.

И вдруг, неожиданно даже для самого себя, рванул со всех ног в спасительную глубину двора. Менты удивлённо переглянулись и, сбросив лень, припустили за странным бомжевидным гражданином непонятного поведения и намерений.

– Эй, стой! – крикнул один из них, но беглец от правосудия только прибавил ходу.

Виктор Степанович бежал сломя голову. Обогнув здание, он перепрыгнул через какое-то ограждение и, задыхаясь от бега, остановился. Темнота двора не была достаточно густой, чтобы скрыть его от преследователей, а подходящего места пока не предвиделось.

– Стой! – раздалось снова.

Судя по всему, менты временно потеряли его, но вот-вот могли и обнаружить. Бегство заняло считанные секунды, но врачу казалось, что он всё делает слишком медленно, а преследователи, наоборот, слишком расторопно.

Решение созрело в его голове в тот момент, когда он был почти уже в их руках. Стоящий возле крыльца здания автофургончик оказался пустым. Виктор Степанович мгновенно влетел в крытый брезентовый кузов, забрался под деревянную поперечную лавочку и забаррикадировался найденной

тут же, грязной, промасленной ветошью.

– Ты видел, а? – услышал он голос снаружи. – Псих ненормальный! Как сквозь землю провалился!

– Ладно, пошли отсюда, хрен с ним.

– А может, ещё где-нибудь проверим?

– Да чёрт с ним, пошли! За всякими бомжами гоняться, никакого здоровья не хватит.

– Это точно!

Голоса постепенно отдалились и затихли вдали, а бедный Виктор Степанович, смог, наконец, немного успокоиться и перевести дух. Пот тёк с него ручьём, дыхание стало прерывистым, но и задерживаться здесь тоже было нельзя. Отдохнуть можно будет потом. Вознамерившись уже было покинуть своё убежище, он неожиданно снова услышал голоса. Правда, теперь они звучали несколько иначе.

– Тащи быстрее! Аккуратнее! – свистящим шепотком приказал кто-то. – Да не копайся ты!

– Куда уж быстрее, – пропыхтел второй кто-то. – Да не бойсь, Михалыч, чай, не впервой.

– Так, давай, ложи его!

Возле фургончика послышалась возня и чья-то рука откинула брезентовый полог. Виктор Степанович приготовился ко всему самому ужасному и напряг остатки сил на то, чтобы превратиться в неподвижную мумию.

В кузов швырнули длинный, тяжёлый предмет и врач подумал, что ещё немного и он не выдержит. Автомат терпели-

во дожидался своего звёздного часа, но, видимо, время его ещё не пришло, поскольку полог тут-же опустился и, спустя несколько секунд, двигатель машины вдруг ожил. Виктор Степанович почувствовал, как пол под ним заходил ходуном и фургончик пришёл в движение.

– Всё,пора! – решил он и, собираясь выпрыгнуть из надоевшего уже кузова, выполз из-под лавки.

Однако, когда он приоткрыл брезент и выглянул на улицу, то прыгать пока передумал. Вокруг, по всему проспекту сновали автомобили, мигали светофоры, так что стоило немного потерпеть и выждать, когда фургончик свернёт в более тихое и подходящее для прыжка место.

Под ногами валялось и перекатывалось то, что двое неизвестных забросили в кузов. Пару раз споткнувшись об него, Виктор Степанович чертыхнулся и попробовал наощупь определить, что это там мешает ему нормально стоять и, с удивлением и страхом, обнаружил мёртвое тело.

– Ох, мать... терь божия! – вырвалось у него изо рта и он отпрянул от трупа подальше к кабине. – Что же это такое, а? Господи, не успел из одной беды выбраться, так тут-же вляпался в другую! Нет, я тут не могу оставаться! С меня хватит!

Держась за стальные поперечины потолка кузова, он осторожно перешагнул через мертвеца и вновь выглянул наружу.

Подпрыгивая на случайных камнях и попадая в ямы, машина неслась на огромной скорости. Трясло невероятно.

Виктор Степанович понял, что если он сейчас осмелится-таки выскочить на дорогу, то неминуемо разобьётся в лепёшку.

Через сколько-то времени город остался позади, темнота ещё больше сгустилась, а водитель, вероятно, прибавил газу, так как, убегая от врача, дорожная лента зазмеилась гораздо быстрее. За это, неизвестное ему количество минут, он ещё несколько раз порывался сигануть за борт, но так и не смог найти в себе силы на подобное безумие.

– Куда меня везут? – меланхолично произнёс он и уселся прямо на пол в углу, стараясь не смотреть на мертвеца.

На обочине показались языки пламени. Что-то горело, причём здорово, огонь поднимался даже над жидкими берёзами, обступившими дорогу по обе стороны.

Костёр быстро уносился вдаль и Виктор Степанович завожено проводил его взглядом. Прошло ещё минут пять и машина вдруг сбросила скорость. Убаюканный монотонной тряской, врач успел уже закимарить, поэтому, когда в этом ритме произошло резкое изменение, он снова запаниковал и с тревогой уставился на дорогу.

Фургончик свернул с шоссе и медленно покатил по траве.

– Что это? Куда это?

Виктор Степанович судорожно схватился за автомат, вскочил, но, не сумев удержаться на ногах, упал напрямик на труп и столкнулся с ним лицом к лицу.

– А-ай! – тихонько взвизгнул он и, от мгновенно нахлынувшего ужаса, излишне резво подпрыгнул.

– Брезентовый полог послушно подался назад и выпустил незадачливого травматолога на долгожданную волю. Виктор Степанович пребольно ударился спиной о землю, но распускать сопли времени не было. Как заправский боевик, он закинул автомат за плечо и по-пластунски отполз в сторону кучки кривых деревьев. Здесь был небольшой овражек.

Врач зорко всмотрелся подслеповатыми глазами в ночную темноту.

– Вот чёрт! – прошептал он. – Ничего не видно!

Прислушался.

– И не слышно ни хрена!

Судя по отсутствию каких бы то ни было звуков, машина отъехала очень недалеко и остановилась. Виктор Степанович решил лежать в овражке до последнего. Вскоре глаза привыкли к тьме и он начал различать окружающие предметы даже подбитым оком.

И то, что он различил, ему совершенно не понравилось.

Овражек находился на краю кладбища. Сердце набожного травматолога сжалось от дурного предчувствия. Люди, которые привезли его сюда, скорее всего, будут хоронить покойного вопреки христианским обычаям.

А вот этого Виктор Степанович простить никак не мог.

Глава 17

Голос Зины слабел от секунды к секунде и постепенно её призывы о помощи сменились на жеребиное всхрапывание и горловое клекотанье.

– Неужели вам её не жалко?

Александра равнодушно зевнула. Похоже было на то, что кроме секса в этой жизни её мало что смогло бы взволновать до необходимой степени.

Надежда уже пришла в себя и тревожно прислушивалась к звукам, сопровождающим убийство. Хотя ей, конечно же, было очень жалко Зинаиду, но она всё же промолчала.

– А с чего ты взяла, что её надо жалеть? – спросил Александр. – Она сама виновата. Нечего было шастать там, где не следует.

– Кто бы говорил!

– Да ты хоть знаешь, кто эти двое? – вскипел бандит.

– Не знаю и знать не хочу!

– Зато я знаю! И хватит об этом!

Иван зябко съёжился. Ему вдруг дико захотелось домой, он даже был согласен на Надькино возвращение, лишь бы только не слышать эти предсмертные стоны.

– Ванька! – шепнул ему Александр. – Короче, это всё лабуда! Ты теперь со мной. За Коляна будешь. Мы с тобой теперь всех кавказов перещёлкаем.

– А чё, у тебя народа не хватает? – осторожно поинтересовался Иван. Он просто-таки похолодел от одной только мысли о продолжении тесного контакта с беспредельным бандитом.

– Народа хватает. Мозгов маловато, – пожаловался тот.

– Не может такого быть, – продолжал развивать опасную для себя тему Иван. – Мозги есть у всех, надо только заставить их работать.

– Да что я только ни делал! Понимаешь, бык, он ведь всегда быком и останется, как ты его ни наряди. Короче, разве что на колбасу и годится, в натуре!

Чувствуя, что для подобных разговоров не самый подходящий момент, Иван сдался.

– Ладно, – сказал он. – Так кто же всё таки эти двое?

– Эти? Страшные люди.

Надежда испуганно вздрогнула.

– Эх, жалко водки нет! – опять посетовал Александр. – Слышь, братва, чё-то долго они вшзятся, а? Неужели столько времени нужно, чтобы бабу придушить? Всего и делов то – минута. Максимум.

– А ты пойди, помоги, – посоветовала Александра и Надежда уставилась теперь на неё.

– Делать мне больше нечего, – буркнул бандит. – Сматываться отсюда надо!

– Да вы что?! – вдруг во весь голос воскликнула Надежда и все разом вздрогнули, поскольку возня убийц тут же пре-

кратилась и две мрачные фигуры показались из темноты. – Вы что, с ума сошли?!

Она совсем забыла об осторожности, о тяжёлых и острых лопатах в руках таинственных ночных землекопов и о том, где она, собственно говоря, находится.

– Тише ты! – прошипел Александр, но было уже поздно.

– Эй, кто здесь? – грозно спросил один из тех двоих.

– Нет тут никого! – в панике выпалил Иван и пополз в сторону.

Только тут до Надежды дошло, как она была неправа и теперь в ужасе наблюдала за приближением страшных людей. Как-то так получилось, что она оказалась одна на переднем фланге, остальные же её товарищи начали расползаться, как тараканы.

– Куда, суки? Стоять! – крикнул второй из тех двоих.

Александр поднялся во весь рост и задрал руки вверх.

– Сколько же вас тут? – удивились землекопы, когда увидели так же встающую Александру.

– Четверо, – сказал им бандит. – Ванька, вставай!

Тот уже успел хорошенько спрятаться за, заросшей густой травой, могильной оградой, когда понял, что его предали и поэтому раздосадованно вздохнул и тоже встал.

– Кто такие? – спросил один.

– Прохожие, – запел Александр старую песню.

– Да, мы путники, – поддакнул Иван. – Заблудились вот.

Не подскажите, как пройти в прачечную?

– Ты чё, придурок? – спросил другой.

– Не то слово, – вздохнул тот. – Я уже начал подумывать, что я вообще полный дегенерат.

– Заметно.

– И я про то же.

– Ну что ж, ребятки! – обрадовались землекопы. – Будем вас убивать!

Один из них вытащил из кармана пистолет. Надежда коротко охнула и без чувств повалилась на землю. Александра продержалась на ногах лишь немногим больше, но всё же и её настиг обморок.

– Не стреляйте, денег дам, – предложил Александр, по прежнему держа руки над головой.

– Сколько?

– Сколько скажете.

– У тебя с собой?

Бандит опустил одну руку и достал бумажник.

– Вот гадство! – обозлённо пробормотал он. – Куда же деньги делись?

– Идиот! – выругался Иван. – Ты же их все этой кошолке отдал!

– Какой кошолке?

– Ну этой, которая в баре сгорела!

– Блин, точно. Славно повеселились.

– Довеселились!

Иван обернулся к мужикам.

– Ребята, я здесь вообще ни при чём.

– Никто ни при чём, – заверили его те.

– Да я вас в глаза никогда не видел! И то, что труп прячете, тоже. И то, что Зинку задушили, не знал. Скажи им, Санёк!

– Собственно говоря, я первый об этом хотел сказать! – спохватился тот. – Скажу даже больше – мы можем оказать посильную помощь в вашем нелёгком ремесле.

– Правда? – обрадовались те. – Ну, тогда берите лопаты и копайте братскую могилу на шесть персон.

По спине Ивана вновь пробежали мурашки.

– Зачем это? – спросил он.

– Так, хорош базарить, козлы! – вдруг озлобившись, прикрикнул тот, что с пистолетом. – Хватайте лопаты и за работу! Быстро!

– Ну, вы это, хотя бы повежливее, – обиделся на козла Александр. – Откуда вы знаете, может быть мы хорошие люди?

– Слушай ты, урод! – рассвирипел тот. Не надо мне хамить, понял? Я, между прочим, на работе! И нервы у меня ни к чёрту! Ты понял?

– Понял он, понял! – испугался Иван. – Давайте ваши лопаты.

Он подбежал к землекопам и буквально вырвал из их рук инструмент.

– Где копать? .

Те недоумённо переглянулись.

– Смотрите сами. Вам там лежать-то.

– Мудрая мысль! Я бы ни за что не додумался! Санёк, пошли!

Бандит всё ещё держал в руке свой бумажник и задумчиво морщил лоб.

– Ну ты что? – нетерпеливо спросил Иван.

– У меня есть план, – ответил тот.

– Какой план?

– Вы будете копать, или нет? – выпалил тот, что с пистолетом.

Александр обезоруживающе улыбнулся и вдруг, неожиданно для всех, метнул свой килограммовый бумажник в его лицо.

Реактивный свист этого импровизированного снаряда оборвался тяжёлым шлепком, прибавив истеричного обладателя пистолета прямо на месте.

– Мочи их, Санёк! – победно заорал Иван и, махнув лопатой, уложил второго.

– Ва-ау!!

Друзья крепко пожали друг другу руки.

– Как мы их? – засмеялся Иван. – Знай наших!

– Здорово я придумал? – спросил Александр и наклонился к жене, чтобы пощупать пульс.

– Здорово, слов нет!

Иван перевозбудился и теперь дышал с чрезмерной интенсивностью. Сердце молотило, как заводное, дикая ра-

дость ударила в голову. Надо же, как они быстро справились с такой страшной опасностью, а ведь ещё бы чуть-чуть и этот мужик с пушкой перестрелял бы их всех, как куропаток.

Надежда всё ещё лежала в коме. Александра же очухалась довольно быстро, да и то, благодаря только умелым действиям мужа, который оказался знатоком реанимационного искусства. Его метод был чрезвычайно прост и эффективен. Он всего разок съездил супруге по физиономии и её сознание тут же восстановилось. Правда, бандит сразу же получил свой шлепок обратно, но что значит маленькая женская ладошка для ведрообразной, откормленной сытой морды? Ровным счётом ничего, поэтому Александр не обратил на выпад жены никакого внимания.

Зато Иван моментально взял бандитский приём на вооружение и применил его по отношению к Надежде.

– Ты что? – удивлённо спросила Александра. – Разве ж так можно? Перестань её бить!

Иван обозлённо засопел. Жена никак не отреагировала. После десятой пощёчины он выбился из сил и...

– Попались, голубчики!!! Ха-ха! Ха-ха-ха!!!

В пяти шагах от них стоял Виктор Степанович. Он держался за автомат, громко смеялся и кровожадно разглядывал своих обидчиков.

– Ни с места!! – заорал он. – Крышка вам, крышка! Всех убую!!

– Доктор, это ты, что ли? – спросил Александр.

– Я,я! – по-немецки ответил тот и взял всех на мушку.

– Откуда ты взялся? Тебя ж забрали.

– Помогли добрые люди! Не такие, как вы, изверги!

– Сбежал, что ли? – предположил Иван. А автомат-то где взял? Он что, заряженный?

– Конечно!

– Побожись!

– Клянусь богом! И этой... Святой девой Марией!

Александр поднялся во весь свой богатырский рост.

– Слышь, доктор, – сказал он. – Давай забудем старые обиды. Бог прощать велел.

– Точно! – поддакнул Иван. – Там ещё было сказано, не убивай.

– Не убий! – поправил его Виктор Степанович. – Но вас это не касается, вы все безбожники!

– Да ты что?! – Иван в ужасе перекрестился. – Господь с вами! Я ж с детства молюсь! Сань, ну ты-то хоть скажи ему!

– Так точно, – выразился тот несколько по-военному. – Я только хотел ещё добавить, что мы вместе в духовной, типа, семинарии, обучались. По малолетке.

От удивления Виктор Степанович даже опустил оружие. Оказывается, как же легко можно ошибиться, приняв добрых людей за негодяев и совершить непоправимое.

– Это правда? – со слезами в голосе спросил он.

– Истинный крест! – подтвердил Иван. – Вот, к примеру, к деве Марии твоей голубь белый явился, так я иногда тоже,

знаешь... ну, в общем, то голубя, то коня вижу .И все белые.
Как снег.

– Да вы святой! – воскликнул потрясённый врач.

– На колени! – приказал Александр. – На колени перед святым Иоанном !

Виктор Степанович немедленно бухнулся на землю и, пока думал, что господь всё-таки услышал его молитвы, бандит подошёл и отобрал у него автомат.

– Эй, придурок, да он же у тебя не заряжен, – сказал он. – Ванька, хватит комедию ломать, этот урод нас на пушку взял.

– Как незаряжен?

Врач вдруг напрягся. Он опять перестал что либо понимать и ломал голову, как же ему всё-таки относиться к этим людям? Кто же они такие на самом деле? То ли святые, то ли бандиты, сразу и не разберёшь. Как там в писании? Сначала было слово? Да, слова-то они говорят хорошие, но отчего тогда поступают совершенно иначе? Как же всё туманно в этом мире!

– Как незаряжен? – вновь переспросил он. – Не может этого быть. Мне сказали, что под завязку.

– Да ты лох, в натуре! – заржал Александр. – Тебя обманули.

– Но я же... я же стрелял из него!

– Интересно, как? Магазин пустой.

– Опять вы про магазины, – простонал врач. – Леший там что-то плёл про магазины, теперь вы! Он заряжен был, кля-

нужь богом? Я стрелял из него, не сойти мне с этого места!

Александр отбросил пустой магазин в траву.

– Слушай ты, придурок! – сказал он. – Или ты мозги нам хочешь запудрить, или я... не знаю. Смотри, сейчас я нажму на спуск и он не выстрелит.

И с этими словами он направил ствол на Виктора Степановича. Грохнул одинокий выстрел. Врач дёрнулся и тяжело упал на спину, в его голове появилась маленькая тёмная дырочка.

– Не понял!

Александр осмотрел автомат и почесал макушку.

– Ты чё, убил его, что ли? – спросил Иван. – Из незаряженного автомата?

– Наверное, один патрон всё-таки был, – неуверенно проговорил бандит. – Может, в дуле оставался? Во прикол!

– Нифига себе, прикол! – усмехнулся Иван. – Просто-таки смертельный прикольчик!

И тут, наконец, пришла очередь очухаться Надежде, видимо, выстрел, оборвавший жизнь незадачливого травматолога, вдохнул в неё новые силы.

– Что случилось? – спросила она и округлила глаза, увидев перед собой гору трупов. – Боже мой, что это?!

– Это кладбище, – сказал Иван.

– Ребята, я так думаю, что пора нам всё-таки сматываться!

Александр вложил автомат Виктору Степановичу в руки и зачем-то перекрестил покойного.

– Господи, как всё ужасно, – заныла Надежда. – Я домой хочу. Ванечка, милый, пойдём домой,а?

Иван и сам был подобного же мнения, но промолчал.

Щас тачку поймаем и айда ко мне, – сказал бандит. – Выспаться надо, завтра ещё с кавказами разбираться.

"Да, с этими уже разобрались, не хватало мне ещё и кавказов", – подумал Иван, но вслух произнёс совсем другое.

– Бр-р! Как же холодно! – поёжился он.

– А ты пойди у Зинки свою рубашку отбери!

– Может быть, она ещё жива? – тревожно спросила Надежда.

– Ха,жива! – усмехнулся Александр. – Сколько эти с ней провозились, времени б хватило, чтоб через мясорубку прокрутить и котлет нажарить. Нет, Наденька, Зиночка ваша, скорее всего, уже на небесах.

– Кстати, – подала голос Александра, – а кого же они всё-таки там закапывали?

– Да! Точно! Пойдём, посмотрим?

– Я не пойду! – Надежду даже передёрнуло от подобной перспективы и Александра с ней тут же согласилась.

– Эх вы,бабы! – презрительно сплюнул бандит. – Ванька, пойдём!

– Пошли, – вздохнул тот.

Он понял, что обречён на вечное сопровождение друга Санька в его ухарских похождениях. Что же мешает ему просто взять и уйти? Забрать Надьку, забыть всё, как страшный

сон.

Иван окончательно запутался и ему вдруг показалось, что всего, что с ним происходит, на самом деле нет и никогда не было. Что это не он идёт след в след, похожему на пивную бочку, Саньку, что никто не умер этой ночью, а всё это является чьей-то глупой выдумкой, по ошибке заблудившейся в реальности. В который раз он поймал себя на мысли, что хочет проснуться, но результат оставался прежним – вот он, Санёк, размашисто шагающий впереди, а позади куча трупов.

Зина лежала, как и положено мертвецу, в самой неестественной позе. Александр молча перешагнул через неё. Так грибник перешагивает в лесу через поваленное дерево, будто через неодушевлённый предмет. Впрочем, душа её уже покинула своё привычное место и улетела в неизвестные науке края.

– Опа! – вдруг воскликнул бандит и резко остановился.

– Что? – не понял сразу Иван. Он брёл, погружённый в свои мысли и, наткнувшись на него, от неожиданности чуть не упал.

– Вот и машина наша!

Шагах в десяти от них стоял тот самый небольшой фургончик, который и доставил к месту последнего пристанища двух работяг-землекопов, покойного Виктора Степановича, и неопознанный им труп.

– Это они на ней приехали! – продолжал Александр, под-

ходя к фургончику.

– А что, ты их и правда знал? – спросил Иван.

– Кого?

– Ну этих... кого ты лопатником, а я лопатой.

– Откуда? – удивился тот. – Я их первый раз видел.

– Что-то я тогда не пойму, – нахмурился Иван. – А чё ж ты тогда так перепугался?

– Перепугаешься тут, когда ни охраны, ни пистолета! Что бы я, даже с тобой, смог сделать?

– Да-а...

Иван криво ухмыльнулся. Бравый бандит, как оказалось, тоже не чужд того, чтобы от страха наложить в штаны, да ещё выставить свой позор в нужном свете.

– Что да? – взвился тот. – Ты что, думаешь, я испугался, да?

– Так ты же сам это сказал.

– Мало ли что я сказал! У меня был план. В натуре, мамой клянусь! Ты же видел!

– Ну, видел.

– Ладно, замнём это.

– Замнём.

– Давай лучше выбираться отсюда. Баб забирать, да сваливать. Садись в машину, рули.

Ну, с этим предложением Иван был полностью согласен, поэтому, недолго думая, влез в кабину и ощупал приборную панель. Ключ торчал там, где ему и положено торчать. Алек-

сандр забрался тоже и уселся рядом. Двигатель с треском разорвал ночную тишину.

– Что-то не по себе мне, – сказал вдруг Иван.

– Это почему же?

– Не знаю. Такое ощущение, будто на трупе сижу.

Александр нервно засмеялся и невольно проверил своё сидение рукой.

– Нет, – сказал он. – Это у тебя глюки, братан!

– Возможно.

– Ладно, поехали.

Малым ходом они прокрались мимо заросших надгробий. Иван всё боялся наехать на Зинаиду. Нет, ей-то, конечно, было уже всё равно, но услышать под колёсами липкий хруст раздавливаемой всмятку плоти было выше его сил. Однако, всё обошлось.

Когда фургончик прибыл к месту дислокации "баб", Надежда по-прежнему сидела возле чьей-то могилы, но не было Александры. И ещё исчез один труп.

Бандит выскочил из машины.

– Где она?' – заревел он на всю округу.

Надежда всхлипнула, шмыгнула носом и опять чуть не упала в обморок.

– Где Сашка, я тебя спрашиваю?!

– Он встал и пошёл. Встал и пошёл, – плаксивым голосом прогнусавила она.

– Кто пошёл?

– Мёртвый.

– Слушай, Наденька! Мне по фигу, кто там встал и пошёл!

Я спрашиваю, где Сашка?

– И она!

– Что она?

– Встала и пошла.

– Куда?

– Не знаю.

Надежда заревела. Похоже, она находилась в шоковом состоянии.

– Слушай, Санёк, – вылезая из машины, сказал Иван. – А этого и в самом деле нет. Ну, которого ты уделал.

– Да вижу я всё! – огрызнулся тот. – Просто я подозреваю, как бы моя дорогая, ненаглядная опять за своё не принялась. Она ж такая... ну, ты знаешь. Мёртвого возбудит.

– Ты что, хочешь сказать, что она его взяла, возбудила, а он встал и пошёл? Это чё, как в песне про негра?

– Короче! – Александр протёр зенки. – Надо её найти.

– Господи, какой ужасный день! – запричитала Надежда.

– Ночь на дворе, дура! – ругнулся Иван.

– Не на дворе, а на кладбище.

– Какая разница?

– Саша!! – крикнул Александр. – Саша!!! Ребята, давайте хором.

– Саша! – заорали Иван с Надеждой. – Ау!

– Подождите, – вдруг приказал бандит. – Тс-с!

– В чём дело?

– Это... у него вроде ведь пистолет был?

– Был.

– Блин! – Александр суетливо пригнулся и спрятался за могильной оградой. – Кажется, опять влипли!

– Чё делать-то?

Ивана опять охватила паника, он схватил жену за руку и потащил её к фургончику.

– Куда ты меня? – слабым голосом спросила она.

– Лезь в кузов! Спрячься!

– Зачем? Всё равно найдут.

– Лезь, сказал! Да лезь ты, корова!

Надежда вздохнула.

– Хорошо. Если ты так хочешь.

– Быстрее! Санёк, садись, мы уезжаем!

– А как же Саша? – возмутился тот.

– Потом за ней заедем. Или сама догонит, она шустрая.

Ну, подумаешь, даст этому козлу разок, от неё не убудет. Может быть, он ей ещё и денег на дорогу подкинет.

– Ты так думаешь? – неуверенно спросил Александр.

– Садись, садись! Я тебя когданибудь подводил?

– Да вроде, нет.

Бандит метнулся к машине и влез в салон.

– Вот и умница! – захлопывая дверцу, прошептал Иван.

Завести движок он не успел. В тот момент, когда, казалось, ничего уже не грозит и не препятствует их скоропали-

тельному бегству, сзади раздался настолько жуткий визг, от которого сразу же заложило в ушах, а внутри что-то оборвалось.

– А-а-а-а!!! – резало слух и будило мёртвых.

– Что это?! Что это?!

Иван толкнул дверь и мешком вывалился в траву.

– Ты куда? – крикнул Александр.

Его нервы тоже не выдержали этой психической атаки и он даже не успел сообразить, что можно выйти из кабины со своей стороны. Загорочавшись медведем, бандит сиганул через водительское кресло следом за сбежавшим другом.

– Ванька, стой! – продвигаясь на карачках, верещал он. – Подожди меня! Ну, подожди же!

Иван ломился сквозь кусты. Вопль не прекращался и гнал его неведомо куда, казалось, что кто-то вдруг включил молчавшую лет двести сирену, одичавшую от долгого, вынужденного безделья.

– Стой, Ванька! Ну я прошу тебя!

Иван метнулся в самую гущу зарослей и затаился. Его тело била крупная дрожь, кожа оказалась расцарапана острыми сучьями, но боли он совсем не чувствовал. В голове ожили разом все сказки, легенды, истории, связанные с мистикой, окутывающей кладбищенскую территорию. Он ждал уже чего угодно: и мертвецов, выползающих из своих могил, и старушку в саване с косой, и леденящих душу, стонов покойников.

– Ванька! Где ты?

Александр взял чуть правее и обошёлся с ним. Вопль постепенно затухал, плавно переходя в заунывный, тоскливый вой. Наверное, так выть могут только волки, когда чем-то недовольны в поведении луны. Ивану и самому вдруг захотелось завывать.

– Ванька!

Голос бандита звучал уже откуда-то издали, но Иван и не думал подавать ему опознавательных сигналов, боясь привлечь... кого, он и сам не знал.

– Ах ты сука! – вдруг услышал он возглас Александра. – Ты чё, сука! Эй ты, у род, а ну слезь с неё! Вот ведь паскуда! Ты чё, в натуре? Блин, Сашка, тебя вообще ни на минуту нельзя оставить!

Иван внимательно прислушался. Похоже на то, что Александра опять в своём репертуаре и снова наставила мужу рога. Да, но что это за странный, жуткий вой?

Он сидел, не шевелясь и всё слушал, слушал. Бандит устраивал семейный скандал. Наверное, у того землекопа пистолета всё-таки не оказалось, поскольку надменный, барственный тон Александра говорил о полнейшей безнаказанности его разборок с любовниками. Иван даже подозревал, что прежде чем окликнуть супругу, тот предусмотрительно обследовал карманы ожившего мертвеца и лишь не обнаружив в них оружия, полез в драку.

Тем временем голоса снялись с места и начали переме-

щаться. Вой, наконец, затих. Иван всё равно выждал ещё немного и только когда решил, что все покойники уже отравились по своим могилам, вылез из укрытия.

Начинало светать, дорога была хорошо видна и он без особого труда нашёл обратный путь.

– Ванька, ты где, сволочь? – донёсся до него крик Александра.

– Здесь я!

– Иди сюда!

– Уже.

Выйдя на свободное пространство, Иван заметил, что весь в крови, острые сучья кустарников сделали своё нехитрое дело.

– Оба на! – удивился бандит, когда он показался во всей своей красе. – Что это с тобой?

Надежда угрюмо сидела возле фургончика и ковыряла нижнюю губу.

– Ничего, всё в порядке, – ответил Иван. – А вы случайно не знаете, кто это так кричал?

– Я.

– Ты?!

Надежда кивнула головой.

– Фу, слава богу! – облегчённо вздохнул он. – А то я уж чёрт знает что подумал. Кстати, а чего ты так орала-то?

– Ванечка, я теперь сирота, – тоскливо проныла она и всхлипнула. – Я теперь ещё и отца лишилась.

– Не понял, как это?

– Он умер.

– Откуда ты знаешь? Факс получила, что-ли?

– Нет.

Александр поманил его пальцем и откинул полог кузова.

– Иди сюда, погляди.

– Что там? – испугался Иван. – Зачем это?

– Иди, не бойся.

Геннадий Олегович, наверное, устал уже лежать в одиночестве, поэтому бандит для компании подбросил ему связанного землекопа.

– Это чё, тесть мой? – удивился Иван. – А откуда он здесь?

– А вот мы сейчас этого уroda спросим, – ухмыльнулся Александр.

– Прикинь, затащил в кусты мою жену и изнасиловал. Вот мразь!

Землекоп выпучил глаза и отрицательно замычал, но, поскольку рот его был заткнут какой-то тряпкой, то обвинять его сейчас можно было в чём угодно и сколько угодно.

– Ну чё ты мычишь? – разозлился Александр. – Чё мычишь, животное? Говори, кто папика убил? Ты?

Тот покачал головой, мол, не он.

– Может, ты и бабу мою не трахал, а? У, тварь! Сашка, подь сюды!

Александра безмятежно подчинилась.

– Ну, что? – спросила она.

– Чё, скажешь, не трахал он тебя?

– Да это ж разве трахал?—презрительно скривилась она. –

Так себе, инвалид!

При этом выглядела она явно раздосадованной и было непонятно, отчего: то ли действительно от не ахти каких мужских способностей своего нового любовничка, то ли от того, что из-за хамского вмешательства мужа, интимный процесс не был доведён до логического завершения.

Иван протянул руку и выдернул изо рта мычащего землекопа вонючую затычку.

– Тьфу, бль...тьфу! – тот начал яростно отплёвываться, видимо, подобной гадости он ещё ни разу не пробовал.

– Ты его грохнул? – спросил Иван.

– Нет, не я!

– А кто?

– Почём я знаю?

– А кто знает?

– Следователь. Кривой – его фамилия. Мы для него иногда поручения разные выполняем, а кто убил, я не знаю. У него спросите, он в прокуратуре работает.

– Следователь? – переспросил Александр. – Ну, значит, он его и убил. Ну и хрен с ним. Это не наше дело.

– Как это, не наше дело?!

Надежда даже подскочила от такого кощунства.

– Вы что, хотите сказать, что так всё и оставите? Но ведь это же мой отец! Был...

– Наденька, – участливо обратился к ней бандит. – Не переживайте вы так, это вредно. Смотрите – вот покойник, а вот кладбище. Похороним честь по чести. Хочешь, даже отца Алексея вызовем, чтобы обряд совершил?

– Хочу.

– Будет сделано. Сейчас мы все вместе поедem к попу, только сначала заедem ко мне домой, денег возьмём, а то он без денег не работает.

– Хорошо, – облегчённо вздохнув, кивнула Надежда.

– Что же, мы так и поедem? – спросил Иван. – С покойником через весь город?

– Зачем? Скинем его в кусты, надеюсь, не протухнет. Заодно и остальных туда же сбросим. Пошли.

Через десять минут в том самом овражке, где прятался Виктор Степанович, были аккуратно сложены и заброшены ветками четыре мёртвых тела.

– Ну что, к попу едем? – вытирая со лба пот, спросил Иван.

– Ты что, с ума сошёл?

Александр с опаской покосился на женщин, которые тоскливо стояли возле фургончика и ожидали окончания предварительных похорон.

– Ну как... – Иван замялся. – Вроде бы так нельзя. Надо всё-таки похоронить-то. Хотя бы тестя. Ну, и Зинку тоже можно.

– Ванька, ты пойми, у меня сейчас дел по горло! Не до

этого. Тут с минуты на минуту война начнётся, трупов будет немеряно. Что же, мне всех хоронить, что ли?

Иван в очередной раз глубокомысленно промолчал, в душе, однако, не соглашаясь с ужасной логикой Александра, но тот расценил его молчание, как всегда, по-своему. Он хлопнул друга по плечу и радостно рассмеялся:

– Пошли, Ванёк. Что-то мы тут с тобой совсем задержались. Эх, судьба, один ты друг остался!

– А с этим что делать? – Иван кивнул на связанного.

– Кончать будем. Нам свидетели ни к чему.

Глава 18

Прошедшая ночь не принесла в город ничего нового. По крайней мере, для обычных, лишённых радости участия в событиях общественной жизни, людей. Они вставали со своих диванов, умывались, брились, шли на работу и не подозревали, что вокруг них протекают глубинные процессы, результатом деятельности которых станут новые сообщения о криминальном произволе. Что две преступные группировки вот-вот схлестнутся в дикой битве не на живот, а на смерть, мстя друг другу за нанесённые обиды и оскорбления.

С самого вчерашнего дня Отари Георгиевич Камикадзе брызгал слюной и вынашивал кровавые планы относительно беспредельного молодого конкурента. Как уже понятно, Отари Георгиевич являлся выходцем с Кавказских высот, но уже довольно долгое время проживал на средневропейской равнине. Не успев достигнуть возраста половой зрелости, в то время ещё безусый юнец, Отари быстренько скатился с гор, где все его предки пасли коз и баранов и тут же закатился в места, не столько отдалённые, сколько скрытые от глаз людских высокими, гнилыми заборами. И вот там-то, такие же добрые люди, как и он сам, научили черноволового юношу житейскому уму-разуму и указали единственно верный путь.

Уразумев, что жить надо по понятиям, Отари Георгиевич

потом ещё несколько раз посещал подобные заведения и, в конце концов, осел в этом городе, где потихоньку подмял под себя чуть ли не половину всего криминального бизнеса.

Всё шло хорошо, но наступило время и, как на дрожжах, стали вырастать и подниматься молодые бандиты, не нюхавшие запаха тюремных барачков. Этим всё было нипочём. Они сразу положили на понятия большой прибор и зажили по своим правилам. Пришла пора войн и разборок и продолжалась она до тех пор, пока всё лишнее не было отсечено, а весь личный состав городской мафии не приведён в более-менее божеский вид. Вроде бы всё было обговорено, территории поделены и каждый из вождей смог, наконец, насладиться властью в желаемом объёме.

Однако, видимо, не все оказались достаточно удовлетворены. Отари Георгиевич давно ожидал подобного инцидента и вот час пробил. Конечно же, мудростью и опытом старый Камикадзе превосходил своих малообразованных коллег, поэтому заранее продумал план действий на случай переворота. Всё было предусмотрено, но только одного не учёл Отари Георгиевич: того, что какой-то недоношенный выкидыш оскорбит его самым непотребным образом! Горячего мафиозо это взбесило настолько, что он разом забыл о своих гениальных задумках и схватился за банальный кинжал. Глаза его засверкали, как в молодые годы, что говорило о том, что месть будет ужасной.

Пока Александр развлекался на кладбище, люди воин-

ственного Камикадзе шныряли по всему городу и бомбили его торговые точки. Кстати говоря, они были немало удивлены и озадачены тем фактом, что бомбить-то, как оказалось, в принципе, нечего, но приказ есть приказ, поэтому то, что осталось, попросту сравняли с асфальтом.

Однако злоба Отари на этом не угасла, а только удвоилась и он решил нанести ещё один удар прямо в сердце конкурента. Всю ночь он думал, как добраться до этого сердца и под утро, наконец, решился. Сам горец проживал неподалёку от города в скромном двухэтажном домике, построенном в кавказском стиле(старик отличался сентиментальностью). С ним постоянно проживало около десяти его соотечественников, которые, помимо основной своей работы, типа подстрижки газонов, подметания дорожек и прочего сервиса, выполняли необременительные обязанности роты охраны.

Сегодня утром пятеро из них сели в небольшой тёмно-синий внедорожник и укатили в, указанном хозяином, направлении.

Отари Георгиевич поел, попил зелёного чайку, посидел перед телевизором, с удовольствием слушая новости, потом выпил гранёный стаканчик коньячку, крякнул и снова уселся в кресло.

Он ждал других новостей. То, что случилось нынешней ночью, показалось ему детской шалостью. Решив раз и навсегда перекрыть кислород наглецу, покусившемуся на его доброе имя – Отари, он жаждал глобального изменения си-

туации.

– Органы охраны правопорядка в недоумении! – вещала с экрана тележурналистка. Как декоративное оформление к комментарию, за её спиной находился один из разгромленных ларьков. – Видимо, террористы решили, что одного разграбления торговых палаток мало и вернулись, чтобы докончить начатое. Люди, посмотрите, во что превращается наш с вами город! Он стал театром действий террористических актов. Власти бессильны, произвол царит на улицах. Только что мы узнали, что взорван жилой дом. Если сопоставить недавние взрывы с сегодняшним...

Отари Георгиевич возбуждённо подскочил на месте.

– Вах! – сказал он. – Вах, вах!

И тут же пропищал сотовый телефон. Дрожащей рукой он приложил трубку к волосатому уху.

– Да!

– Отари Георгиевич, мы всё сделали.

– Молодцы, мальчишки! Только надо было сразу звонить.

Почему я хорошие новости узнаю по телевизору, а не от тебя, Ваню?

– Извини, Отари Георгиевич, виноват.

– Накажу. Но всё равно молодцы. Он там был?

– Нет. Кроме охраны – никого.

– Жаль, жаль.

– Мы его всё равно достанем.

– Достань его, Ваню! А до этого не приезжай.

– Достану, Отари Георгиевич. Я всё понял.

Камикадзе отключил телефон и удовлетворённо расслабился.

– Хорошее утро, – произнёс он, прикрыв глаза. – Доброе.

Однако, мысль о том, что виновник сумел как-то избежать справедливого возмездия, несколько подпортила доброту сегодняшнего утра, но мудрый горец рассудил, что теперь Александр не сможет уже противостоять ему и обязательно утонет в собственном дерьме. Остаётся только помешать тому выплыть на поверхность. А ещё лучше, скинуть на голову какой-нибудь камень, потяжелее.

В приподнявшемся настроении, Отари Георгиевич нацедил себе в стакан ещё коньяку и со вкусом выпил.

– Вах! Хорошо! – произнёс он.

Водку он не пил никогда, считая сие занятие ниже своего кавказского достоинства. Другое дело – хорошее вино или коньяк, а не пошло из спирта и воды.

За вторым стаканом последовал третий. Телевизор надрылся разухабистой песней, солнце золотило стены, а Отари Георгиевич постигал смысл простого человеческого счастья. Выпив четвёртый стакан, он уже почти было постиг его, но тут вдруг в дверь его кабинета робко постучали.

– Что? – спросил он. – Что надо?

Показалась голова охранника.

– Отари Георгиевич, – сказала она, – мы электриков не вызывали?

– Кого? – не понял тот.

– Электрики пришли, говорят, осмотр счётчика произвести надо.

– Ты что, с ума сошёл? – взъерепенился Отари. – Какой счётчик? Я сам, кого хочешь, на счётчик поставлю! Пошли их на хер!

Охранник испугался, кивнул головой и исчез.

– Вот дураки, – пробубнил Отари. – Сами ничего не могут решить, бегут ко мне со всякой ерундой.

И тут внизу неожиданно прогремело несколько выстрелов. Успевший уже изрядно нализиться, Камикадзе вскочил на ноги и ринулся к выходу.

– Эй, мудаки! – заорал он в дверь. – Я сказал послать их, а не стрелять!

Ответом ему были ещё два выстрела.

– Ух, мать вашу!

Он в бешенстве скатился вниз по лестнице, чтобы вразумить свою недалёкую охрану. Ребята совсем недавно торговали на базаре урюком и ещё не успели привыкнуть к разумному применению оружия. Практически каждый из этих безусых молодых людей попал к Отари по просьбам его многочисленных роствеников и знакомых, поэтому-то они так и старались доказать хозяину свою преданность и глубокое уважение.

Грохнул ещё один выстрел.

– Вы, суки! Урою всех, падлы!

Камикадзе перешёл на блатную феню, что делал крайне редко. Он выбежал в переднюю и в ошеломлении остановился. Вся его охрана валялась на полу и истекала кровью. Не шевелился никто.

– Вах! – вырвалось у него. – Кто здесь, да?

Тишина.

– Эй, кто здесь? Выходи, да?

Отари Георгиевичу стало невыносимо жутко. Неужели эти молокососы перестреляли друг друга? Не может такого быть!

Но пять трупов, с огнестрельными ранениями в различных частях тела, говорили об обратном.

Вдруг, из-за толстенной колонны, подпирающей потолок, вынырнули две страшные фигуры и надвинулись на, очумевшего от внезапности, Камикадзе.

– Здорово, архар! – поприветствовал его Александр.

– Вах! – только и смог сказать тот.

– Базар есть! Ты не возражаешь?

Выбравшись с кладбища на шоссе, фургончик резво покатил в город. Надежда с Александрой уместились в кабине, бандит вёл машину сам, а Ивану досталось охранять пленника, трясясь с ним вместе в кузове.

– Пикнешь, убью! – пригрозил тому Александр, перед тем, как усесться за баранку и продемонстрировал пистолет.

– Откуда он у тебя? – удивился Иван.

– В траве нашёл. Это его пушка.

– Понятно.

Видимо, Александр чувствовал себя гораздо увереннее, когда держал в руке оружие. Наверное, поэтому ему и удалось так легко связать горе-землекопа.

Иван старался не смотреть на него, но и бдительности тоже не терял. Кто знает, что у того на уме? Вдруг выкинет какой-нибудь номер?

– Эй! – неожиданно позвал тот и Иван вздрогнул. – Слышишь меня?

– Сказано тебе молчать, вот и молчи!

– Ты послушай сначала, – не унимался тот. – Я майор госбезопасности.

– Бреешь.

– Нет.

– Побожись!

– Как это? – не понял тот.

– Да я и сам не знаю, – вздохнул Иван и вдруг вспомнил про своего соседа, Бориса Трофимовича. Тот тоже вроде в ФСБ служил.

– Что ты хочешь? – спросил он.

– Выбраться отсюда.

– Ага, ты выберешься, а потом нас всех перестреляешь.

– Если ты мне поможешь, обещаю, что ничего тебе не будет.

– А остальным?

– Нахрена они тебе? Ты бы лучше о себе подумал, всё рав-

но ведь найдут, кто моего напарника завалила

– Я не хотел, – опечалился Иван. – А что мне оставалось делать?

– Это понятно. Хрен с ним, мне так даже лучше.

– Как это?

– Да я ему сотню должен был, теперь отдавать не придётся.

– А, понял. Только там моя жена и... любовница.

– А этот урод кто?

– Он не урод! – вскинулся было Иван и вдруг притих. –

Впрочем, ты прав, он действительно урод. Бандит он.

– Ну вот. Отдай его мне и развяжи, наконец, верёвки!

– Тебя как зовут?

– Михалыч. Зови меня Михалыч.

– Слушай, Михалыч, ты случайно, не знаешь такого, Бориса Трофимовича? – Иван почему-то понизил голос. – Он полковником у вас вроде бы был. На пенсии сейчас.

– Как фамилия?

– Да не знаю я, – вздохнул Иван.

– Был один Борис Трофимович. А кто он тебе?

– Сосед.

– Знаешь, парень, если это тот самый, то тогда тебе крупно повезло.

У Ивана радостно ёкнуло в сердце.

– Насколько крупно? – спросил он.

– Очень крупно. Катастрофически крупно. Раньше он был не самым маленьким начальником и, если он за тебя пору-

чится, то ты вообще выскочишь чистенький, как младенец. Ну, и жена твоя с любовницей тоже. А этому ублюдку я ни за что не прощу, г олова до сих пор раскалывается. Ну что, поможешь мне?

Иван призадумался. Дружба с Александром не предвещала ничего хорошего, а вырваться из-под его влияния самостоятельно он не мог.

Да, стоило задуматься над тем, как сбросить Санька со счетов и вернуться, наконец, к нормальной, трезвой жизни.

– У него сейчас война с кавказами, –с казал он. – И ларьки он громил. И квартиру взорвал.

– Да? – от удивления у Михалыча даже челюсть отвисла. – Ты это серьёзно?

– Конечно.

– Послушай, Иван, так ведь тебя зовут?

– Да.

– Слушай, дорогой, это дело грозит орденом и премией.

– А мне дадут?

– Дадут, дадут, не сомневайся!

Михалыч очень обрадовался. Последние дни только и разговоров было, что о неведомых террористах, а разгадка-то, оказывается, вот она! В воздухе так сильно запахло подполковничими погонами, что он даже невольно втянул его ноздрями.

– Нет. А чё, правда орден дадут? – не успокаивался Иван. Он вдруг воспылал неукротимой жадной борьбой с бандит-

ским беспределом.

– Ты, главное, отпусти меня. – пообещал Михалыч.

– Отпущу. Только вот боюсь, что Санёк меня прибьёт.

– А ты скажи, что я просто выпрыгнул и всё.

– Ладно.

Иван ослабил ему верёвки.

– Ты это... ударь меня, что ли, – сказал он. – Пусть всё будет реально. Только не очень бей.

– Как скажешь.

Михалыч поднялся во весь рост, размахнулся и шархнул ему кулаком в челюсть, отчего Иван незамедлительно отлетел в противоположный угол кузова.

Неожиданно машину сильно подбросило и фсбэшник, не сумев удержаться на ногах, вылетел за борт. Иван потерял сознание и не видел, что верёвка, всё ещё опутывающая щиколотки Михалыча, застряла свободным концом в бортовой щели и натянулась.

Александр гнал машину, превышая дозволенную скорость. Женщины спали, пользуясь случаем и никто из них не услышал дикого крика майора госбезопасности Михалыча, волочащегося позади фургончика.

– Чёрт, гравий пошёл, – пробурчал Александр, но, поскольку чересчур торопился в свою резиденцию, сбрасывать газ и не подумал.

Судя по всему, на дороге велись строительные работы, гравием, пополам с гранитной крошкой был усыпан участок,

длиной примерно около двух километров. Колёса с визгом расшвыривали мелкие осколки камня во все стороны. Бандит вдавил педаль газа до упора.

Показался пригород, пошла бетонка, машина понеслась веселее.

– Чёрт! – опять выругался он. – Эта колымага еле тащится.

Иван, наконец, очнулся, открыл глаза и пощупал подбородок.

– У, падла! – вырвалось у него. – Зачем я только согласился?

Боль была невыносимой и он испугался, как бы этот Михалыч своим реальным ударом не сломал ему челюсть. Пошамкав ртом, Иван убедился, что всё вроде бы цело, от этого ему не стало легче.

– Чтоб тебя по асфальту размазало! – выругался он и, держась руками за деревянные переборки, тяжело поднялся. – Просил ведь, козла, не бей сильно. А это что, интересно мне знать?

Взгляд его упал на верёвку, зацепившуюся за доски бортика. Её мотало из стороны в сторону в строгом соответствии с движениями автомобиля. Иван подкрался к краю и приподнял полог.

– Ой! Ай! Мама! – заорал он.

Полог был тотчас же опущен, а сам он, стремглав, метнулся поближе к кабине и затрясся от страха, поскольку вид из кузова открылся довольно-таки ужасненький. Михалыча,

а точнее, то, что от него осталось, тащило позади машины с адекватной ей скоростью и рисовало на дороге кровавые зигзаги.

– Как же это, а? Что же это? Помогите! – пискнул Иван и, подскочив на месте, забарабанил кулаками по кабине.

– Санёк! – заорал он. – Санёк, останови тачку, я прошу тебя!

Он был на грани истерики. За последние дни он вроде бы успел уже привыкнуть к разного рода зрелищам, но почему-то именно вид Михалыча, заточенного об асфальт до толщины бумажного листа, привёл его в настоящее безумное исступление.

– Санёк! Стой, мать твою! Остановись, скотина!

Видимо, тот услышал его просьбу, фургончик резко повело в сторону и от неожиданности Иван зашатался и потерял точку опоры. С грохотом он упал на пол, но тут же снова вскочил на ноги. Фургончик остановился.

– Ого, ни хрена! – услышал он голос Александра. – Ванька, что же они с тобой сделали?

– Ванечка! Ваня!

Это запричитала Надежда. Потом её начало рвать со страшной силой.

– Вот гад! – ругнулся Александр. – Не, ну я балдею! Под самым носом мочат моих лучших друзей, а?

– А кто же тогда стучал в кабину?

Голос Александры звучал, как всегда(если это, конечно,

не касалось секса) холодно и спокойно.

– Точно! Щас мы проверим.

Иван, который хотел уже было вылезти на свет божий, вдруг услышал характерный звук передёргиваемого затвора и заорал благим матом:

– Саня! Саня! Не убивай! Это я, Ваня! Я это!

Упав ничком на грязные доски кузова, он закрыл голову руками и приготовился умирать.

Держа пистолет наготове, Александр жестом показал женщинам, ч тобы они залегли.

– Тсс! – сказал он. – Возможно, это провокация.

К этому времени Надежду уже вывернуло наизнанку. Увиденное зрелище подействовало на неё, как рвотное, но желудок был пуст и она жутко мучалась.

Обе свалились прямо на обочину и, с огромным удовольствием, растянулись в дорожной пыли. Александр подкрался к кузову и, слегка задрав полог, заглянул внутрь.

Ивана трясло, как в лихорадке. Прикрывая затылок, будто это могло защитить от пули, руки ходили ходуном.

– Ванька! – обрадовался бандит. – Вставай, дружбан! Ты чё?

– Н..не могу, – простонал тот. – Ты меня убьёшь.

– Зачем?

– Я... Я...

И тут Иван понял, что друг Санёк ведь ничего не знает о его предательстве и немного приподнял голову. Чумазое

лицо Александра щерилось в приветливой улыбке.

– Что? – спросил он. – Что – я?

– Ничего. Я, честно говоря, в штаны наложил. Целое ведро.

– Фигня! Дам я тебе новые штаны. Хотя, конечно, к врачу сходить тоже стоит, может, у тебя какое заболевание.

– Не стоит, – Иван поднялся и сел на боковую лавочку – Ф-фу! Ты представляешь, этот гад меня чуть не убил!

– Ну, ему тоже несладко пришлось. Ты молодец, такого зубра завалил. Уважаю!

Александр отцепил застрявший конец верёвки и забросил остатки Михалыча в придорожные кусты. Иван с сожалением вздохнул и подумал, что ордена ему не видать, как собственных ушей. Зато друг Санёк, похоже на то, глаза мозолить будет ещё долго.

– Девки, подъём! – скомандовал тот.

Надежда и Александра встали с грязи слегка отдохнувшими, их запылённые личики даже посвежели.

– По коням! – проорал Александр. – Время-то идёт!

Все уселись по своим местам. Машина вывернула на дорогу и рванула вперёд. Забившись в уголок поближе к кабине, Иван угрюмо сидел и думал о том, что возврата к прежней, спокойной жизни, скорее всего, уже не будет никогда. Хотя... одну ценную новость покойный Михалыч ему всё же успел поведать. Надо только добраться до дома и бежать скорее на поиски Бориса Трофимыча.

Пребывая в унылом расположении духа, Иван не заметил, как пролетело время, необходимое для достижения Александром конечной цели путешествия. Он слегка расслабился, мечтая о том, как знаменитый и могучий(как оказалось)сосед спасёт его, вырвав из злых бандитских лап, как на припасённые доллары он отремонтирует свою квартиру, нарожает с Надькой парочку Ивановичей, как поедет(возможно)всей семьёй к родителям в далёкий, захолустный колхоз, как...

Визг покрышек и резкое торможение автомобиля прервали эти сладкие грёзы на самом интересном месте. На мгновение его по инерции прижало к кабине, а потом...

Глядя со стороны,можно было подумать, что тентованный фургон просто выплюнул надоевшего до смерти пассажира на зелёный газончик.

– У-а-а-у! – крикнул Иван в полёте.

– Нет! Нет! Нет!!!

Это орал Александр. Лёжа на траве, Иван решил притвориться мёртвым. Так, на всякий экстремальный случай. В его больной голове зародилось подозрение, что кавказы добрались-таки до бандита и теперь приступили к пыткам.

– Нет! – продолжал орать тот. – Нет,я не могу поверить! Не-ет! Падлы, сволочи! Что же вы делаете?!

"Точно,пытают!" – с ужасом подумал Иван и, стараясь казаться невидимым, потихоньку пополз подальше от машины. Его голое, и без того покалеченное тело, больно царапалось об обломки каких-то деревяшек, осколки кирпича, стекла.

Присмотревшись, он обнаружил, что этим и, ему подобным хламом, усеяно всё вокруг, как будто они притормозили посреди городской свалки.

– Козлы! Твари! – бушевал Александр. – Всех урою!

– Что-то он не слишком испугался, – удивлённо пробормотал Иван. – Вряд ли это кавказы. Но тогда кто?

Он повернул голову, чуть приподнялся и остолбенел.

Бандит носился возле дымящихся руин, оставшихся, видимо, ещё после второй мировой войны, в качестве живого напоминания о зверствах фашистских захватчиков.

– Не могу поверить! Не могу поверить!

Александр чуть не плакал и будь его голова снабжена мало-мальски какой шевелюрой, то он давно бы принялся выдирать из неё волосы.

Иван с трудом поднялся на ноги и, качаясь, как пьяный матрос, подошёл поближе. Повсюду виднелись следы пожара, кое-где ещё курился трогательный сизый дымок, воняло гарью. Надежда и Александра сидели на куче битого кирпича и рыдали.

– Ванька, смотри, что они натворили?! – кинулся к нему Александр. – Мой дом... мой дом...

– Это чё, твой дом?

Ивану вдруг стало смешно. Глядя на дружка, он представил его наседкой, бестолково суетящейся вокруг своих, таких же бестолковых, цыплят. Однако, случай для веселья был явно неподходящий и ему пришлось сделать некоторое

усилие, чтобы проглотить нарождающийся смешок.

Горе Александра было неподдельно.

– Сколько денег! Сколько... О, боже ж ты мой! Всё к чертям! Всё насмарку! Это всё этот архар долбаный устроил! Ну, сука, не прощу! Не прощу!

Он вытащил из-за пояса пистолет.

– Поехали к нему! Я убью эту сволочь!

– А может это не он? – предположил Иван.

– Может и не он. Но это он!

– Кто?

– Камикадзе хренов!

– Японец, что-ли?

– При чём здесь Японец? С Японцем у меня всё тип-топ!

Говорю, Камикадзе, понял?

Иван ничерта не понял, но на всякий случай согласно кивнул головой. Похоже было на то, что у Александра от пережитого съехала крыша и он решил, что в данный момент с ним лучше не спорить.

– Ты едешь? – спросил тот, поигрывая пистолетом прямо перед его носом.

– А как же? Конечно!

– Я так и знал, друг!

Бандит протянул руки и чуть не задушил его в своих медвежьих объятиях.

– А что с ними делать? – спросил Иван, когда отдышался, указывая на жён.

– Пусть сидят, – буркнул тот. – Не с собой же их брать, да и не до них сейчас. Будет стрельба, будет много крови. Может, мы с тобой даже погибнем, но погибнем за правое дело.

– Да? – вырвалось у Ивана. – Не, ну ты-то знаешь, за что погибнешь, а я?

– А ты за компанию. В смысле, за дружбу.

– А-а, понял.

Гибнуть ему ужасно не хотелось, но он всё ещё побаивался пистолета, нервно подрыгивающего в бандитской лапе.

– Чё, прямо в таком виде и поедем? – спросил он.

– Нет, конечно, чего-нибудь придумаем по дороге.

– Ладно, поехали.

Иван понял, что обречён. Он с тоской посмотрел на женщин, словно прощаясь с ними и, с видом смертника, полез в кабину на место водителя. Александр уселся рядом.

– А как же мы? – крикнула Надежда.

– Дом охраняйте! – гаркнул тот. – Мы скоро вернёмся. Может быть.

Александра молча сидела, неподвижным взором уставясь на развалины и даже не повернула головы, когда фургончик, взревев мотором, дал задний ход.

Лишь только когда машина скрылась за поворотом, она заинтересованно посмотрела на Надежду и ласково погладила её по плечу.

– Что, опять? – спросила та и покосилась на чудом уцелевший сарайчик.

– Пойдём, любимая, – прошептала Александра. – Пойдём...

Глава 19

– Вах! – только и сказал Отари Георгиевич.

– Базар есть! Ты не возражаешь?

Александр сделал короткий шажок и рукояткой пистолета саданул старого лиса Камикадзе по уху. Тот взвизгнул, схватился рукой за то место, к уда пришёлся удар и упал на пол.

– Вахь! Вахь,вахь! – пожаловался он. – Саша, ты что?

– Я тебе не Саша, козья рожа! Ты зачем мой дом сломал?

– Это не я, кы... ы... лянусь! Это всё Ваню!

– А-а, этот твой ублюдочный мешок дерьма? А ты, значит, ни при чём?

– Нет, вахь, нет! Я тебя лю... блю, как сына! И жену твою тоже люблю. Как дочь...

– При чём здесь моя жена? – взвился Александр и, наклонившись, звезданул Отари Георгиевича по другому уху.

– А-а! – опять взвизгнул тот и припал к полу ещё ниже.

– Жену мою не трожь, паскуда! Надо же, жену мою он любит! Я смотрю, её полгорода уже любит!

Иван всё время держался в стороне и, когда бандит раздевал на улице каких-то работяг в форменной робе, и во время расстрела юной охраны, и теперь, когда друг Санёк допрашивал этого, непонятно какой национальности, гражданина. Ему хотелось незаметно улизнуть отсюда, прыгнуть в машину, забрать Надьку и уехать с ней на край света. А ещё

лучше за край, лишь бы только оказаться подальше от этих стрёмных господ с их смертельными развлечениями.

– Зачем ты убил моих мальчиков? – хныкая, спросил Отари Георгиевич. Он тщетно пытался встать на четвереньки, но всякий раз обрушивался на пол, поскольку Александр придерживал его на месте ботинком сорок шестого размера.

– Зачем? – грозно переспросил он. – А зачем ты, падла, разбил мой дом и перестрелял моих людей?

– Да не я же это, говорю, да?

– Ну этот твой Ваню сраный!

– С какой раной? – удивился Отари. – Он что, ранен?

– Откуда я знаю! Но если б он только на глаза мне попался, то уже не с раной бы был, а с дыркой!

– Где?

– Там разберёмся, где, его очередь потом подойдёт! Сейчас твоя будет.

– Не убивай, да? – попросил Камикадзе.

– Поздно, да? – передразнил его Александр и нажал на спуск.

Иван зажмурил глаза, но выстрела не последовало.

– Чёрт, осечка! – ругнулся бандит и зачем-то потряс пистолетом перед своим ухом. Радуюсь небольшой отсрочке приговора, Отари Георгиевич испуганно перевёл дух.

Александр опять прицелился в его седую голову и повторил нажатие. Снова осечка.

– Блин, вот зараза! – проскрежетал он сквозь зубы. – Что

же такое?

– Может, сломался? – открывая один глаз, предположил Иван.

– Хрен его знает. Эй ты, старая туша баранины, есть у тебя дома оружие?

– Не держу, да?

Иван открыл второй глаз, нагнулся и поднял с пола, принадлежащий кому-то из охранников, пистолет.

– Вот оружие! А вот ещё!

И он быстренько прошёлся по периметру, обирая мёртвых кавказских абреков.

– Вот ещё! – радостно объявлял он с каждой очередной находкой и, при каждом его новом возгласе, поверженный господин Камикадзе становился на полтона мрачнее.

– Я понял! – вдруг возвестил Александр. – Тут просто патроны кончились.

– Вах! Вах! – сказал Отари Георгиевич. Видимо, он мечтал о том, чтобы обоймы оказались пустыми во всех трофеях, собранных Иваном, но чуда, увы, не произошло.

Александр взял у того из рук один пистолет и, не глядя, пальнул в сторону. Бах!

Пистолет оказался заряженным.

– А-а,сука! – обрадовался бандит. – Говоришь, оружия в доме не имеешь?

– Пошутил, да?

Иван нахмурил брови.

– Слушай, Санёк, – сказал он. – Я вот что хочу предложить.

– Что?

– Давай пока дождёмся остальных, а этого японца свяжем.

– Я не японец! – обиделся Отари.

– Камикадзе он, – поправил Александр.

– Один хрен.

– Ванька, ты всё-таки гений! Точно, так и сделаем!

С этими словами он освободил старого кавказца от гнёта своей огромной ступни и как пушинку поднял его на ноги.

– Иди, поищи верёвку, – приказал он Ивану.

– Ага.

У Александра вдруг даже слёзы на глазах навернулись.

– Ты прям как Колян, – простонал он с грустной ностальгией в голосе.

– Ага, – повторил Иван и пошёл искать связочный материал.

Отари Георгиевича Камикадзе бесцеремонно втащили в его собственный кабинет и привязали к креслу так, что он потихоньку начал синеть.

– Вах, вах! – обиженно надул он щёки. – Зачем так больно, да?

– Молчи, козёл! – огрызнулся Александр. Он разложил на столе всё добытое с поля боя оружие и полез в бар.

– Вау, Ванька, живём!

– То есть?

– Старый хрыч коньяк любил. Налетай!

– Почему любил? – испугался Отари, услышав о своей персоне уже в прошедшем времени. – Я и сейчас люблю, да?

– Ой-ой! – скривился Александр и принялся ёрничать:

– Я и сейчас люблю, да? Что ты можешь любить, да? Ты сейчас мишень, да?

– Не убивай, да? – съёжился в панике Отари Георгиевич.

– Обязательно убью, – пообещал бандит и откупорил бутылку. – О, какой аромат!.. Но водка всё равно лучше.

– Вах! – возмутился Камикадзе. – Фу, водка!

Александр присосался к горлышку и мигом осушил пузырь до дна. Для Отари, как истинного дитяти гор, сие действие явилось настоящим кощунством, но он стоически промолчал.

– Наливай, Ванёк! – причмокивая губами, облизнулся Александр и откупорил вторую.

Тот и сам уже подумал, что пора бы подкрепиться.

– Пожрать есть чего? –с просил он у пленника.

– Внизу, в холодильнике.

– Блин, далеко, – вздохнул Иван, но жрать хотелось невероятно и он решил, что на пустой желудок коньяк просто не пролезет в горло.

Поэтому, через пять минут он уже всю чавкал копчёной курицей и запивал её коньяком, Александр проделывал то же самое, только с удвоенной энергией.

Отари Георгиевич глотал слюни и терпел. Ему тоже очень

хотелось выпить, и не просто выпить, а наклюкаться в зюю, но чёртов конкурент будто не замечал его жалобных взглядов, время от времени бросаемых на любимый напиток.

Через полчаса обоих выпивох повело. Бессонная ночь не прошла даром – с опьянением накатила тяжёлая дремота.

– Бр-р-р! – рыкнул Александр и, хрустнув челюстями, мученически зевнул. – Я сейчас, кажись, засну.

– И я, – подтвердил Иван, обсасывая куриную ляжку.

– Надо развлечься.

– Может, не надо?

– Надо. А то заснём, придёт Ваню и нам будет атас.

– Ладно, а чё делать-то?

Бандит вперил пьяный взор в своего уже почти синего недруга и криво, гаденько ухмыльнулся.

– Давай поиграем, – сказал он Ивану.

– Как? – не понял тот. – В смысле, во что?

– В русскую рулетку.

– Я – пас! – Иван чуть не подавился костью. – Ты что, с ума сошёл?

– Почему?

– Так мы же просто застрелимся и всё! Думай, чего говоришь!

– Да? – Александр в замешательстве хмыкнул. – Слушай, а нахрена нам самим стреляться? Давай стрелять в этого арха.

– Давай, – тут же согласился Иван. – Так можно.

Отари Георгиевич мгновенно вспотел. За последний час он потел уже раз несколько и теперь мечтал об обычном дезодоранте. Не говоря уже о джакузи. Но все мечты его превратились в дым, когда он увидел, что мучители принялись бросать жребий, кому стрелять первому.

– Вах! – выпалил он. – Саша, ты что, да? Давай договоримся, да?

– Не знаю, как я! – веско заметил Александр и ткнул пальцем в его сторону. – Но ты уже договорился. Сейчас мы сыграем с тобой в нерусскую рулетку. Слыхал про такую?

– Не надо, Саша-а! – прокричал Отари Георгиевич и неистово задёргался в своём кресле.

– Ты мне никогда не нравился! Бандит подошёл к нему, схватил вместе с креслом в охапку и отволлок в самый дальний угол кабинета, к окну.

– Сиди смирно, – приказал он и вернулся назад за стол. – Блин, надо ему на грудь какуюнибудь мишень прицепить.

– Ага, – сказал Иван. – И круги нарисовать с цифрами. А потом очки подсчитаем, кто больше попал.

– Точно! – обрадовался Александр.

Мишень была тотчас нарисована на белоснежной рубашке хозяина и накинута на его, трясущееся от страха, тело.

– Не надо, Саша-а! – визжал тот дурниной. – Не надо, да-а!

– Да?!

– Да!

– Ты сам это сказал, – заметил бандит и прицелился.

– Ва-ах!!! – Бах!

– Вах!

– У, блин, промазал! – с сожалением сказал Александр и налил себе очередной стакан. – Ванька, твоя очередь!

Бах!

– У, мазила!

Бах!

С каждым новым стаканом кучность выстрелов рассеивалась по всему кабинету. Взрывались и лопались дорогушие керамические изделия старых мастеров, к чертям летела бытовая аудио и видеотехника, с дребезгом осыпались оконные стёкла. Помещение постепенно наполнялось дымом.

Эта катавасия продолжалась до тех пор, пока у приятелей опять не закончились патроны, а полумёртвый от страха Отари Георгиевич всё ещё сидел в кресле невредимый. Ни одна из выпущенных на свободу пуль так и не смогла причинить ему физические страдания.

– Вот зараза! – выругался Александр, пощёлкал всеми пистолетами подряд, но так и не добился результата. – Чё же делать, в натуре?

– А давай в него чем-нибудь кидаться, – предложил Иван альтернативу.

– Чё бы я без тебя делал?

– В натуре, ага!

– За Коляна! – взревел Александр и, схватив пустой пу-

зырь, метнул его во врага.

– Промазал, – заметил Иван и подумал, что метание стеклотары напоминает ему одну довольно безрадостную историю. И закончилась она, кстати говоря, несколько безжалостно и печально.

– Чё застыл? – спросил Александр. – Твоя очередь.

Иван швырнул пистолет. Тот улетел в разбитое окно и загремел по бетонной дорожке.

– Эх, не везёт нам с тобой сегодня, – вздохнул бандит. – Этот мудака, как заговорённый.

– Са.. шша.. нька! – из последних сил пролепетал тот. – Поц.. щади, да?

Глаза Отари Георгиевича от бешеной гонки сердца вылезли на лоб, лицо почернело, как ночь, а под креслом растекалась огромная лужа.

– Да пошёл ты! – огрызнулся Александр. – От тебя одни только расстройств! Блин, вспомнил! – Он стукнул себя по лбу. – Надо пацанов обзвонить. Тех, кто ещё живой остался. Эй, козлик, дай телефон!

– Н..на столе он, Саш.. шанька...

– А, точно!

Александр вытащил из-за пазухи лопатник, достал из него записную книжку размером с томик стихов Пушкина А.С. и начал набирать один номер за другим. Иван хмуро наблюдал за его действиями, впрочем, безрезультатными.

– Вот-те раз, – растерянно произнёс бандит, когда удо-

стоверился в полном молчании абсолютно всех абонентов. –
Что же это получается? Они всех моих ребят грохнули, что
ли?

– Это не я, Саша, да? – выпалил Отари Георгиевич.

– Что же получается? – тот не удостоил его вниманием. –
Я чё, ваще один остался? Во, , картина! Называется: "При-
крыли"! Ни дома, ни банды, ни денег!

– А что, в банке у тебя денег не было? – спросил Иван.

– Не доверяю я им. Дому доверял.

– Додоверялся!

Александр вдруг схватился за горло, как будто вознаме-
рился сам себя задушить, побагровел и сипло закашлялся.

– Ты что?! – испугался Иван. Он неожиданно понял, что
если с бандитом, не дай бог, что-нибудь случится, самому
ему из этой ситуации ни в жизнь не выпутаться.

– Что, что! – проныл тот. – А то, что я сейчас нищий бомж,
вот что! И в всё из-за этой горной скотины! Значит, оставил
меня без кола, без двора, а сам сидит, как барин, посиживает
и в ус не дует! Чё же мне теперь делать-то?

– Саша, Саша! – запричитал Отари Георгиевич.

– Чего тебе, гад?

– Не убивай меня, да? Я тебе всё верну, дом построю, лю-
дей дам, денег, оружия!

– Ты гонишь! – презрительно сплюнул Александр.

– Нет, нет!

– Как же нет, когда да? Ты сам-то понял, чё сказал, в на-

туре? Людей он даст! Денег, дом, оружие! Интересно мне знать, а как я буду спать в твоём доме, в окружении твоих людей, вооружённых, до кучи, твоим же оружием?

– Хорошо будешь спать, да?

– Ну да, конечно! Вечным сном. Нет уж, спасибо! Я ещё не все мозги пропил.

– Нет! – крикнул вдруг Иван и чуть не упал под стол.

Александр вскочил, как ошпаренный.

– Ты чего, Ванюха?

– Баксы, – глотая слёзы, сказал тот.

– Что баксы?

– Я вспомнил, что все деньги спрятал у тебя дома. Чтобы не потерять.

– Забудь о них.

– Хорошо тебе говорить, а ведь это была моя единственная надежда.

– Брешешь, – Александр с сомнением прищурил глаза. – У тебя ещё одна есть. Классная!

У Ивана перехватило дыхание.

– Какая? – спросил он.

– Ну, Надежда, Надя, Наденька, Нанадя, как угодно назови.

– Тьфу ты! – в сердцах сплюнул Иван. – Ты про эту. А я то уж было подумал, – он повернулся к Камикадзе. – Эй, японец, у тебя курить чего есть?

– Я не японец. Есть.

– Где?

– Внизу.

– В холодильнике?

– Нет, но тоже на кухне, в шкафу, да?

– Вот собака! – ругнулся Иван. – Прав Санёк, от тебя одни только расстройства. Эх, жалко патроны кончились.

– Точно! – со зверской мордой поддакнул Александр и свирепо уставился на почерневшего Камикадзе.

– Пойду, курить возьму.

Скрепя сердце, Иван опять пошёл на первый этаж. Он был сломлен и, несмотря на изрядную порцию принятого алкоголя, встревожен. Что же выходит? Друг Санёк теперь по положению в обществе, считай, ниже его самого. У него-то, по крайней мере, остались квартира, работа, машина, если её ещё не угнали. Жена, наконец. А у того что? Сашка теперь точно сбежит, нафиг ей нищий безработный? Да ещё и неврастеник.

Он нашёл сигареты, спички и с наслаждением закурил. После долгого отсутствия в организме, никотин по мозгам шарахнул конкретно, шумными волнами заполоняя голову и тело.

– О, кайф! – простонал он. – Как же мне этого не хватало!

Роняя пепел прямо на пол, Иван вальяжно растянулся на кожаном диване и задрал ноги на стол.

– И чего я здесь не хозяин? – произнёс он, окидывая кухню ласкающим взглядом. – А чё, было бы неплохо, если бы

эти мамонты перестреляли друг друга. Я бы зажил тогда, как король... Так!

Он вдруг напрягся, пытаясь не вспугнуть мелькнувшую мысль.

– Дом я, конечно, присвоить, всё равно не смогу, – принялся он рассуждать вслух. – Не дадут, козлы. Да! Но зато я могу его ограбить! И чувствую, что чем скорее, тем будет лучше.

Закурив вторую сигарету, Иван поднялся.

– Эх, денег бы найти! Может, у старика спросить? Я думаю, он не откажет, вот только...

Существовала одна помеха – лучший друг Санёк. Тот стал вдруг для задуманного нежелательным элементом. Единственное, для чего он мог ещё пригодиться, так это для физического удержания таинственного Ваню, который, судя по словам этого японца-камикадзе, был повинен во всех смертных грехах.

Ивана охватил охотничий азарт. В какой-то тёмной кладовке он отыскал огромную полосатую, челночную сумку и принялся набивать её всем, что казалось ему страшно дорогим. Следовало поторопиться, поскольку всё тот же загадочный Ваню мог появиться совершенно внезапно и, если судить по губительным последствиям его бандитской деятельности, то справиться с каким-то Ванькой Хламиним, наверняка не составило бы для него большого труда. Поэтому лучше поскорее хапнуть чего-нибудь крутого и бежать, бежать

отсюда без оглядки!

От нервного перенапряжения Ивана даже затрясло. Как одержимый, он смахивал в сумку всё, до чего смогли дотянуться его, жаждущие наживы, руки и не заметил, как дверь передней тихонько приоткрылась.

– Ванька, ты где? – крикнул вдруг сверху Александр. Видимо, он наконец вспомнил о без вести пропавшем друге и решил справиться о его самочувствии.

Иван дёрнулся и начал судорожно запихивать набитую сумку под низенькую тахту, стоящую у стены рядом с книжным шкафом.

– Ты чего там застрял? – вновь прокричал бандит.

– Сигареты ищу! – тахта никак не хотела укрывать под собой награбленное добро и Ивану пришлось поставить её чуть ли не вертикально.

– Ну и как, нашёл? – спросил Александр.

– Нашёл!

– Тогда иди сюда! Посмотри, чего у меня есть!

– Уже бегу!

Иван придирчиво осмотрел устроенный им тайник и мелкой рысью взбежал вверх по ступенькам.

Задняя дверь тут же открылась и сквозь неё в переднюю проникло пятеро лихих абреков с пистолетами наизготовку. Впереди, как это и положено, шествовал Ваню, чьё имя для Ивана стало ассоциироваться с образом огнедышащего змея-горыныча, сеющего повсюду хаос и разрушения.

Вано был поставлен в тупик. Некоторое время он недоумённо разглядывал трупы товарищей по оружию, в беспорядке разместившихся повсюду в самых непринуждённых позах и в его голове стучала набатом только одна мысль: "Хозяина больше нет".

Вано до смерти надоели постоянные разборки с торгашами, предпринимателями, боевиками из параллельных группировок. Он хотел домой, к старенькой, больной маме, живущей за многие километры отсюда в родном селении. Если раньше его удерживали авторитет и власть Отари Георгиевича, то теперь... Теперь он свободен.

Вано бросил свою пушку на пол и пошёл к выходу. Через несколько секунд, так же побросав оружие, вышли и остальные. Этот жест должен был означать, по-видимому, что настоящие мужчины достойно принимают поражение и с уважением относятся к победившему врагу.

Возле крыльца стоял джип, на котором, уставшая от кровопролития, бригада, прибыла к особняку шефа.

– Поехали отсюда, – сказал Вано. – Всё кончено.

– Ванька! – радостно встретил друга Александр.

– Что?

– Глянь, чего я тут отыскал!

Бандит небрежно протянул ему "лимонку".

– Это что, граната? – спросил Иван и, на всякий случай, немного отодвинулся.

– Она самая!

– Ну и что?

– Как что? Должны же мы чем-нибудь пригрозить эту скотину. Ну, скажи, должны или нет?

– Конечно, должны, – поспешил согласиться Иван, а про себя подумал, что было бы неплохо взорвать этой бомбой обоих мафиозо и навсегда вычеркнуть из своей жизни весь этот кошмар.

– Вот и я говорю!

Александра шатало, он был пьян в стельку. Таким Иван его не видел ещё ни разу, он даже начал опасаться, как бы тому не взбрело в голову швырнуть гранату прямо здесь, в кабинете.

"Может ведь, дьявол! Вон глаза какие дикие!" – подумал он и ещё немного отодвинулся от пьяного дружка, чтобы, в случае чего, сразу же дать дёру. Сам-то он, конечно, тоже был далеко не трезв, но даже в таком состоянии, с жизнью прощаться совсем не собирался. Впрочем, его об этом никто и не спрашивал.

– Давай его рванём, а? – тут же не преминул предложить Александр. При этом лицо его было озарено трогательным выражением инфантильной маниакальности.

– Не надо, Са.. шша.. нька.. – почти беззвучно прошептал Отари Георгиевич, обессиленно обмякший в кресле. Он был близок к смерти как никогда и, даже если бы и граната взорвалась как-нибудь безопасно для него, то он всё равно бы очень скоро умер от сердечного приступа.

– Тебя забыли спросить!

Александра шатнуло к горцу. Сунув ему "лимонку" под седалище, он выдернул чеку и заорал во всё горло:

– Ванька, ложись!!

Кстати говоря, орал он совершенно напрасно. К этому моменту Ивана из кабинета словно ветром сдуло. Он галопом неся вниз по лестнице, к выходу из этого страшного места.

С натугой приподняв кресло, в котором сидел обречённый Отари Георгиевич, Александр перевалил его через подоконник...

Вано в последний раз взглянул на окна особняка. Те, что выходили из кабинета хозяина. Бывшего хозяина. Бедный Отари Георгиевич! Так нелепо погибнуть и от кого? От рук собаки, по нелепой случайности родившейся человеком!

– Прощай, Отари Георгиевич, – произнёс он. – Прости, если что не так.

Вдруг из разбитого окна... Вано мгновенно напрягся, когда услышал чей-то дикий крик. Но это было ещё не всё. Прямо на Джип летел Камикадзе, начинённый, как и положено, адской погремушкой.

Взрыв разнёс машину в клочья.

Все погибли...

Глава 20

Иван всё понял. Он понял, что живым ему отсюда не выбраться. В тот самый момент, когда он, по пути через трупы, подтаскивал к выходу припрятанную сумку, на улице раздался взрыв. Входная дверь, толщиной в кирпич, легко покинула своё гнездо и с устрашающей скоростью устремилась прямо на него.

Всё произошло в одну секунду. От ударной волны содрогнулись стены, оконные стёкла полопались и засыпали пол прозрачными брызгами.

Ивану невероятно повезло. За какое-то мгновение до взрыва он нагнулся, чтобы закинуть баул себе на спину, поэтому дверь лишь слегка причесала ему голову в бреющем полёте. Но даже этого "слегка" хватило на то, чтобы протереть горе-грабителю на затылке обширную плешь и на неопределённый промежуток времени лишить всех имеющих в наличии чувств.

Ивана отбросило назад. Не издав ни единого звука, он шлёпнулся на мягкое пока тело одного из охранников и замер. Однако правая рука продолжала мёртвой хваткой сжимать ручки трофейной сумки.

Александрю тоже досталось. Спьяну он как-то забыл об убийственных свойствах разрывных снарядов и любопытно вылупил глаза вслед последнему полёту Камикадзе Отари

Георгиевича. Видимо, не хотел пропустить момент отрыва души от тела и тут его любопытство подогрелось удивлением, когда он увидел вражеский внедорожник, готовый к торжественной встрече высокого гостя.

Бандит успел даже подумать, что бог всё-таки есть, что отец Алексей не обманул и заочно снял с него все грехи, но потом...

Шарахнуло так, что задрожала земля, а пол под его ногами заходил ходуном. То, что оторвалось от Отари Георгиевича, оказалось несколько другого порядка, нежели душа. Кресло, которое доставило господина Камикадзе к месту посадки, взлетело(уже без оногo) обратно в окно и до Александра дошло, правда, с небольшим опозданием, что если уж устраиваешь небольшой подрывной феерверчок, то самому в это время лучше находиться подальше от эпицентра.

Словно мстя за своего хозяина этот импровизированный снаряд довершил дело, начатое еще незабвенной Надеждой, Наденькой, выпавшей из окна с гипсовой торпедой. Александра не только оглушило и подбросило к потолку, но вдобавок практически лишило зубов и придало лицу красивую плоскую форму. Он кубарем пролетел через весь кабинет к задней стене, где был засыпан оставшимся арсеналом так высоко ценимого Отари Георгиевичем коньяка из упавшего(на него же)дубового бара.

Грохот, сопровождающий взрыв, был ужасен. Судя по всему, запасливый Ваню напичкал машину взрывчаткой под за-

вязку и она сдетонировала.

Ещё примерно с минуту с неба падали куски человеческого материала, земля, детали автомобиля. Пыль поднялась высоко над деревьями и потихоньку размывалась тёплым, лёгким ветерком.

Александр открыл глаза и ничего не увидел. Ему было больно и неудобно. Он замычал, пробуя сказать что-нибудь, но не смог – во рту присутствовало какое-то инородное тело и чувствовался, до омерзения противный, солёный привкус крови.

– Му-му! Мы-мы! – вновь замычал Александр и, стараясь освободиться от гнёта, начал неистово дёргаться.

Как это ни странно, но кроме головы не пострадало абсолютно ничего. Руки и ноги оказались целы, поэтому он очень скоро выбрался из завала и обнаружил, что рот, оказывается, занят бутылкой коньяка. Бутылки валялись повсюду, некоторые из них разбились, но многие оставались девственно нетронутыми, что немного успокоило покалеченного бандита.

Он выдернул изо рта пузырь и скривился от резкой боли. На пол, барабаня по его твёрдой поверхности, посыпались зубные обломки.

– Вот гадство! – прошамкал Александр и откупорил бутылку. – Сидели, вроде, мирно выпивали... Что же случилось? Чёрт, нихрена не понимаю!

Осторожно ощупав лицо, он запрокинул пузырь и произ-

вёл коньячную дезинфекцию полости рта, не забыв, однако и об остальных отделах пищеварительного тракта. В голове немного прояснилось, а боль, скрепя сердце, отступила.

Потеряв сознание, оба наших героев не видели, как стена дома, по нелепой случайности, оказавшаяся в опасной близости от взорвавшейся машины, пошла трещинами и осыпалась, хороня под собой остатки кавказцев. Всё ещё ничего не понимая, Александр равнодушно посмотрел сквозь зияющий провал на улицу, зацепил каждой рукой ещё по бутылке и пошёл вниз искать друга Ивана.

Судя по всему, пережитый стресс немного притупил его бдительность. Ступеньки он не заметил и, когда сделал очередной шаг, вперёд внезапно ощутил под ногами пустоту. Впрочем, если учесть тот факт, что ходить ему вдруг стало несравненно тяжело, то стремительное падение лишь сэкономило ему время и затрату сил.

Иван поднял голову. Александр валялся рядом пузом вверх и весело скалил беззубый рот.

– Ванька! – обрадованно крикнул он. – Привет! Выпить хочешь?

– Хочу, – прохрипел Иван и перевалился с тела охранника на сумку с добром, пряча её под собой. – А за что пить-то будем?

Александр протянул ему одну бутылку.

– А ни за что, – сказал он. – Просто пьём и всё. Чё, в натуре, обязательно за что-то пить?

– Обязательно, – Иван вытащил пробку. – Это традиция такая. Просто так пьют одни алкоголики, порядочные люди всегда повод ищут.

– Тогда давай за жизнь!

– Ну вот, это уже другое дело, – хмыкнул Иван. – А то просто так!

– Ты прав. В нашей жизни всё непросто. Потому и пьём.

Они чокнулись бутылками и одновременно припали к горлышкам. В Александра коньяк лился рекой, Иван цедил мелкими глотками.

– Слушай, Ванька! – сказал бандит и швырнул опустошённый пузырь в огромное настенное зеркало в раззолоченной раме – Возьми меня к себе, а? Я ведь теперь безработный, жить негде.

Иван чуть не поперхнулся.

– Ты думай, что говоришь-то! – сказал он, когда откашлялся. – Особенно под руку!

– А чё? – удивился Александр. – Устроюсь на работу, детей заведу. Мне, честно говоря, так надоело убивать. Того и гляди, самого шлёпнут. Или посадят.

– И как это только тебя до сих пор не посадили, удивляюсь? – произнёс Иван.

– Я хитрый, – засмеялся Александр. – Никогда следов не оставляю.

– Заметно.

Иван окинул помещение придирчивым взглядом. Если

всё, что творилось вокруг, называется – не оставлять следов, то он или ничего не смыслит в этом деле, или друг Санёк просто катастрофически везучий парень.

– И многих ты убил? – спросил он.

– Не знаю, – беззаботно отмахнулся тот. – Не считал. Помню только первого.

– Да? Ну и кто же он был?

– Вообще то это моя тайна, – сразу замялся бандит и посмурнел.

– Да ладно тебе, расскажи. Чего уж там?

– Ну, ладно! – решился бандит. – Только никому ни слова!

– Ты мне не доверяешь? – обиделся Иван.

– Ты что? Тебе одному только и доверяю! Иначе бы давно грохнул. Ты мне почему-то сразу доверие внушил, я даже удивился.

– Сам удивляюсь.

– И ещё, ты мне кого-то напоминаешь, – на секунду задумавшись, сказал Александр. – Ну, не в этом дело. Короче, слушай! Это было, когда я учился в первом классе...

– Нифига себе! – вырвалось у Ивана.

– Да, золотые были времена. Все мои одноклассники и одноклассницы выползли из богатеньких семеек, но зато я был самым большим и толстым, поэтому быстренько сколотил бригаду и навёл рекет. Вот уж мы тогда потрясли этих хиленьких толстосумов!

– И что, никто возразить не смог?

– Кишка тонка! Мы бы тогда сразу рога пообломали.

– Круто!

– А то! Короче, я уже с малых лет понял, чем буду заниматься всю свою жизнь. Зажмёшь где-нибудь в укромном уголке этакого мамино сына, шлёпнешь его пару раз по фейсу, он и отдаёт денежки, которые родители на пирожки дали. Лафа!

Иван вдруг понял, что история с отнятием денег ему очень не нравится, а друг Санёк как-то незаметно превратился во врага. Его расквашенное вдрызг лицо показалось недостаточно расквашенным и неожиданно странно знакомым. То есть, не то, чтобы Иван совсем его не видел в эти дни, а знакомым откуда то из далёких, основательно забытых времён. Впрочем, это видение как мелькнуло, так сразу и погасло.

– Вот одного такого хлюпика я и убил, – веселясь от души, продолжал Александр тем временем.

– Как?

– Да, в принципе, совершенно случайно. Вместо двух раз по фейсу стукнул всего один. Он взял, да и помер.

– Что, от одного раза?

– Ага. Я же его железной трубой стукнул.

– По фейсу?

– Нет, по голове. Витьком его звали. Прикольный был пацан, добрый, списывать всегда давал.

– Что же ты его такого доброго убил-то?

– За доброту и убил. Мне в тот раз на пиво не хватало, а он подошёл, сволочь и, гаденько так говорит, не добавь ли, мол, тебе, Санёк? Ну, я, конечно обрадовался, ожил. Голова-то с похмелья трещала, можешь себе представить?

– Примерно, – у Ивана опять что-то всколыхнулось в памяти.

– Ну я ему и говорю, добавь, конечно, какой базар! А он заржал так и отвечает, что, мол, денег-то и нету, пошутил. Представляете, какой козёл? Разозлился я сильно, схватил первое, что попало под руку, да и стукнул. Наша школа тогда металлолом собирала, железок всяких валом валялось. Как же его фамилия была? Дай бог памяти... Тоже прикольная такая. А-а, вспомнил! Салупин! Точно, Салупин.

– Да-а, – протянул Иван. – Печальная песня. И что же дальше было?

– Дальше? Карманы я у него обшарил. Обманул, сволочь! Были у него деньги. Вот я тогда пивка-то попил на радостях!

– Я не про то, – перебил его Иван.

– А про что?

– Тебя что, не посадили?

– Кто ж меня посадит? Во-первых, не видел никто, а во-вторых, я же

всё-таки в первый класс ходил.

– Да, повезло тебе, – вздохнул Иван.

– НЕ СОВСЕМ!!!

Голос прогремел настолько неожиданно, что оба товари-

ща вздрогнули и застыли на месте, как два поверженных изваяния. Сквозь провал в стене в переднюю(если так её ещё можно было назвать)ворвались люди в камуфляжной форме, чёрных масках-намордниках и с автоматами Калашникова наперевес. Окружив Александра плотным кольцом, они дружно прицелились ему в голову и тут... Следом за ними вошёл...

От удивления Иван чуть не подавился собственным языком, поскольку вошедшим оказался никто иной, как Борис Трофимович, сосед, полковник госбезопасности и его постоянный партнёр по шахматам собственной персоной. Он держал в руке мегафон, видимо поэтому сообщение о том, что Александру, оказывается, не совсем повезло и прозвучало, как гром среди ясного неба.

Борис Трофимович, кстати тоже в пятнистом одеянии, важно прошествовал к ошарашенному бандиту и, приставив к его уху мегафон, произнес:

– ГРАЖДАНИН АЛЕКСАНДРОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ, ВЫ АРЕСТОВАНЫ!

– За что? – недоумённо спросил тот и жестами выразил полное удивление.

– ЗА УБИЙСТВО ВИКТОРА САЛУПИНА! – неожиданно предъявил полковник.

– Слушай, зачем так орать, а? – разозлился Александр. – Уберите эту чёртову машинку! Я и так всё слышу. Какого ещё там Залупина?

Один из бойцов стукнул его прикладом по голове.

– Теперь вспомнил? – терпеливо спросил Борис Трофимович. – И не Залупина, а Салупина, моего сына! Давно я за тобой охотился, сволочь! Уведите его!

Камуфляжи профессионально упаковали Александра в наручники и потащили к выходу.

– Я не виноват! – упираясь, орал тот. – Не имеете права! Все сроки давности прошли!

– А мне по фигу, – спокойно ответил полковник и ласково посмотрел на,

всё ещё лежащего, Ивана. Тот же сгорал от стыда и думал, что теперь его, скорее всего, расстреляют.

– Вставай, сынок, – сказал вдруг Борис Трофимович с необыкновенной теплотой в голосе. – Пошли отсюда.

– Меня теперь в тюрьму посадят? – спросил Иван, стыдясь поднять голову.

– За что?

– Ну... за всё.

Полковник засмеялся и помог ему подняться на ноги.

– Тебя, Ваня, не сажать, тебя награждать надо! – торжественно сказал он. – Ты молодец!

– Правда? – приосанился тот, но, не удержавшись, упал на задницу.

В данный момент вид его мог вызывать у различных людей чувства от жалости до отвращения, но никак не восхищение доблестью. Грязная, закоптившаяся роба с чужого плеча,

работника какого-то там "ПИЛБИЛСДОХТРЕСТА" ключьями свисала с уставшего, измождённого тела, голова... Голова вообще утратила былое сходство с паспортной фотографией.

Борис Трофимович восстановил его в вертикальной плоскости и бережно повёл вслед за вышедшими пятнистыми головорезами.

– Держись, герой! Умница! – приговаривал он при этом. – Да брось ты эту сумку, зачем она тебе.

– Не брошу! – вцепился в неё Иван. – Там всё, что у меня осталось.

Он ничего не понимал. По идее, его сейчас должны бы были арестовывать вместе с Александром, конечно, не за убийство какого-то Залупина Виктора, а... Но к чему такие вот почести? Однако, боясь сболтнуть чего-нибудь лишнего, Иван решил пока помолчать, чтобы ненароком не изменить положение в плохую сторону.

Он шёл по трупам кавказских ребят и думал только о том, чтобы любезный товарищ(гражданин?) полковник не догадался о его причастности к содеянному. Хотя, если как следует разобраться, много ли его собственной вины в разыгравшейся трагедии? Если не считать прибитого лопатой землекопа, по совместительству служащего(ай-ай!) в органах госбезопасности, то в остальном он чист перед законом. Только вот...

– Я хочу сделать официальное заявление! – сказал он вдруг Борису Трофимовичу.

– Какое?–удивился тот.

– Ну это...типа явки с повинной. Тот козёл, которого вы арестовали, он...Я, короче, его не знаю. Он меня похитил и пытал. Таскал везде за собой.

– Не свисти, Ваня, – ласково посоветовал полковник. – Неужели ты думаешь, что я ничего не знаю?

– Тогда я вообще ни хрена не понимаю! – насупился Иван. – Вы мне можете хотя бы намекнуть, чего же я такого геройского совершил?

Борис Трофимович довёл его до своей машины и открыл дверь.

– Объясню, – сказал он успокаивающе, но спокойнее от этого обещания Ивану почему-то не стало. – Обязательно объясню. Но не сейчас. Тебе сначала надо как следует выспаться и отдохнуть.

В нескольких шагах от них на коленях стоял Александр. Маски застыли полукругом.

– Чё с ним делать-то?–спросил один из бойцов.

– Застрелите его, – безмятежно ответил полковник – За попытку побега из-под стражи.

– Понял.

– Не имеете права! – вновь выпалил бандит. – Ванька, друг, скажи ты ему, что я здесь ни при чём! Кстати, а почему тебя не арестовали? Мы же заодно были! Эй, командир, а чё его-то не расстреляют?

И тут до него вдруг дошло.

– А-а! Я понял! Я понял, сука! Так ты предатель! Ты меня подставил, да? Ну и кто ты после этого?

– Козёл! – сказал Иван.

– Вот! Точно! Козёл!

– Это я про тебя.

– Я козёл?! Это я козёл?!

Александр взбесился настолько, что дабы добраться до обидчика, попытался совершить побег из под стражи, но сразу же был остановлен добрым десятком, замелькавших в воздухе, прикладов.

– Кончайте его, – приказал Борис Трофимович и забрался на водительское место. – А после выполнения доложите мне по телефону.

– Поняли, шеф.

Иван забросил сумку под ноги, уселся рядом с соседом и умиротворённо вздохнул.

"Неужели всем неприятностям конец?" – подумал он.

Полковник вёл машину очень осторожно, словно боялся потревожить его и, без того растревоженный, организм.

– А куда мы едем? – спросил Иван.

– В больницу. Полежишь денёк, другой и будешь, как новенький.

– А в какую больницу?

– В травматологию.

– Может быть, не надо туда? – поморщился Иван.

– А что такое?

– Не нравится мне она.

– Не будь суеверным, Ваня. Всё позади, поверь мне. Лежи спокойно, сил набирайся. А потом тебя ждёт бо-ольшой сюрприз!

– Какой ещё сюрприз? Тюремная камера? – съязвил Иван.

– Нет! Что ты заладил одно и то же?

– А что мне остаётся делать? Я сижу, как в тумане, ничерта не соображаю! У меня болит голова, болит... всё болит, короче, а вы мне не только ничего не рассказываете, так ещё и новые загадки задаёте!

– Не спеши, – остудил его Борис Трофимович. – Я просто опасаясь, что в таком состоянии ты не способен меня как следует выслушать. Боюсь причинить тебе ещё одну душевную травму.

– О, господи! – не на шутку испугался Иван. Старик, видно, решил добить его окончательно своими загадками и откровенно издевался, не говоря ни слова о каком-то таинственном сюрпризе. Можно просто сказать – сюрприз! И будешь ждать чего-то светлого, доброго. А можно и так: ха-ха, мол, сюрприз, и тогда вообще нихрена не понятно, о чём идёт речь. А когда непонятно, начинаешь ждать как раз то, что скоро тебе преподнесут какое-нибудь дерьмо и ткнут в него, перекошенным от изумления, лицом.

Наверное, Борис Трофимович догадался о его переживаниях, потому-что посмотрел долгим, всепонимающим взглядом старого фсбэшника и спросил:

– Что это тебя так перекосило? Пряма лица нет.

– Издеваетесь?

– Я не в том смысле, что синяк на синяке, а в том, что ты чего-то боишься.

– А вы бы не боялись!

– Так чего бояться-то? Всё ведь хорошо закончилось.

– А он что, правда вашего сына убил? – неожиданно задал вопрос Иван.

– Да.

Лицо пожилого полковника вмиг посуровело. Видно было, что это воспоминание приносит ему страдания и боль.

– Теперь я это знаю точно, – сказал он, чуть помедлив. – Раньше только догадывался.

И он замолчал, как бы давая понять, что сейчас разговаривать больше не о чем. Иван тоже притих, подумав, что лучше не злить соседа, не ровён час, обидится и вместо больницы отвезёт сразу в морг.

Пропищал сотовый телефон и Иван с некоторым удивлением отметил факт наличия оноу у человека, который всегда жаловался ему на маленькую пенсию. Однако, немного порассуждав, он пришёл к выводу, что удивляться особо не стоит, поскольку машины у Бориса Трофимовича раньше тоже не было, и взвод камуфлированных бойцов шефом его тоже не называл. По крайней мере, при нём.

Между тем тот прижал трубку к уху.

– Слушаю. Как? Что? Как это произошло?

Потом он некоторое время выслушивал чей-то доклад и, выругавшись, бросил телефон между креслами.

– Что случилось? – спросил Иван.

– Александров сбежал, – пробурчал полковник.

– Как это? От такой толпы разве сбежишь?

– Как видишь, это ему удалось! Эти долбаные мудаки решились с ним в охоту поиграть.

– Поиграли?

– Поиграли, мать их! – Борис Трофимович даже двинул кулаком по рулю, до того расстроился. – Нет, ну ведь сказал же дуракам, пристрелить за побег! Но нельзя же всё понимать так буквально! Шлёпнули бы его просто, всего и делов, так нет, сказали ему – беги!

– Ну?

– Что ну? Он и побежал. Прыгнул в тот фургон, на котором вы приехали и был таков!

– И что же, они не стреляли?

– Стреляли. Да только пока очухались, уже поздно было, так мало того, они ещё и собственный грузовик умудрились подстрелить.

– Насмерть?

– Почти. Ладно, – полковник мгновенно преобразился, став сосредоточенным и серьёзным, – планы немного меняются. Теперь, когда я точно знаю, что это он убийца, ему всё равно никуда не деться, но вот ты теперь в опасности.

– Я? – удивился Иван. – И что же мне угрожает?

– А ты не догадываешься?

– Не-а.

– Да-а, наверное, сильно твоей головушке досталось, если ты даже таких простых вещей не понимаешь.

– Ну так объясните, раз вы такой умный! – съязвил Иван.

– Дурень, он же в-первую очередь будет мстить тебе!

– Кто?

От подобной тупости полковник начал терять терпение.

– Александров! – почти выкрикнул он.

– Санёк, что ли?

– Конечно! Кто же ещё?

– Да за что? Чё я ему сделал-то?

– А ты не помнишь! Ты же его козлом обозвал!

– Мама! – вырвалось у Ивана. – И что мне теперь делать?

– Помолчи пять минут, – раздражённо бросил Борис Трофимович. – И не двигайся! Пять минут спокойно посиди и всё! Больше от тебя ничего не требуется, а я пока подумаю, как тебя спасти, понял?

– Ага.

Иван замолчал и замер. Он вдруг страшно испугался. Да, за козла ведь можно и ответить. По самой полной программе.

– Чёрт побери! – продолжал негодовать полковник. – Столько усилий коту под хвост! Дело всей моей жизни! Всё ведь, взял этого урода, думал, помру теперь спокойно, так нет! Чёрт бы побрал этих сволочей! Ну да ладно! Ничего, ничего! Так ...даже интереснее, мы ещё пободаемся!

Иван случайно посмотрел в боковое зеркало и остолбенел. Позади них на всех парах летел уже знакомый маленький фургончик. Выжимая из этой колымаги все мыслимые и немыслимые мощности, Александр преследовал врагов. Поскольку, как это уже известно, Борис Трофимович вёл свою машину предельно осторожно, беспредельный бандит легко сокращал расстояние между автомобилями. Иван даже начал различать черты его сплюсненной морды, зловеще оскалившейся за лобовым стеклом. Он беспокойно глянул на часы, украшающие запястье полковника и вновь уставился в окно.

– Эх, попадись он мне только! – продолжал тем временем тот. – Голыми руками порвал бы, паршивца! Прямо-таки ногами затоптал бы, гада!

Фургончик уже обходил их слева и Иван понял, что Александр собирается притереть их к обочине и столкнуть в кювет. Впереди показался мостик через речку-вонючку, дальше начинался пригород. Увлечённый кровавыми мечтами, Борис Трофимович не замечал, что творится вокруг него и, не переставая, ругался.

– Стой! – заорал вдруг Иван и сам нажал на педаль тормоза.

Полковник не успел среагировать ни на крик, ни на торможение, благодаря чему разбил об руль свой нос. Машина встала, как вкопанная, а фургончик пронёсся в каких-то миллиметрах от капота, пробил мостовое ограждение и рух-

нул в вонючий ручей с трёхметровой высоты.

– А-а! – заорал Борис Трофимович и, выпустив руль, схватился за нос обеими руками.

– Трофимыч, Трофимыч! – Иван начал его тормошить, боясь, что тот сейчас потеряет сознание и он останется один на один с бывшим закадычным дружкой, в чьих добрых намерениях сильно сомневался.

– Трофимыч! Очнись, слышишь? Дёргаем скорее отсюда!

Но тот только мычал в ответ что-то нечленораздельное, да пускал сквозь пальцы кровавые пузыри. Это продолжалось несколько томительных мгновений, но для Ивана они растянулись в целую вечность. Ему казалось, что Александр вот-вот вылезет на берег и спросит по всей строгости неписаного закона, а с какой, собственно, стати, он обозвал его козлом?

И потом убьёт.

Но на его счастье, Борис Трофимович очухался довольно быстро, видимо сказала, профессиональная фсбэшная подготовка. Он молча вытер нос рукавом, завёл заглухший двигатель и, только когда они вновь тронулись с места, спросил:

– Ты что, охренел?

– Я охренел? – удивился Иван, обрадованный тем, что они опять едут.

– Ну не я же!

– Допустим, – согласился Иван. – Я охренел. И что дальше?

Полковник раскрыл было рот, чтобы достойно ответить, но, не найдя что, снова сомкнул губы.

– Ну чё, сказать нечего? – унизил его Иван. – А я, между прочим, только что нас от смерти спас!

– Да? А я-то, дурак старый, подумал было, что как раз наоборот, чуть не угробил!

– Нас обоих чуть не угробили! Санёк на фургоне!

– Где?

– Что где?

– Где Санёк на фургоне?

– В вонючке отдыхает!

– Ваня, – ласково пожурил его Борис Трофимович и шмыгнув носом. – Поехали ко мне. Видимо, всё просходящее сильно пошатнуло твою пси.., здоровье.

– Вы мне сами пять минут сказали молчать! – обиделся Иван. – Вот я и молчал! И не двигался! Хорошо ещё, эти пять минут вовремя закончились! Ещё бы секунда и нам крышка!

– Хорошо, хорошо, я тебе верю.

Полковник придал своему лицу самое благодушное выражение. Обычно так смотрят на душевно больных, но Иван успокоенно кивнул и удовлетворённо хмыкнул: знай, мол, наших! Мы, мол, тоже не лыком шиты, не лаптем щи хлебаем и одним махом семерых убиваем!

Борис Трофимович молча прибавил скорость.

Мчась, словно чёрт, Александр уже предвкушал лёгкую победу. Враг не избежит расплаты, она вот-вот наступит!

Алкоголь, вкупе с обидой, гневом и яростью, подстёгивали преданного бандита и гнали его вперёд.

– Ну, сука! – цедил он сквозь обломки зубов. – Я тебя узнал теперь, поганая твоя морда! Живучий, тварь. Ну, ничего, на этот раз тебе не уйти! Нет, ну каков урод, а? Насрал мне в душу, так я ещё и козёл!

Машина с врагами стремительно приближалась.

– Да я ж тебя снесу, к чёртовой матери! – заорал Александр и, выбрав момент, резко крутанул руль вправо.

– Ха-ха! – возопил он ликующе, но вместо ожидаемого удара, фургончик вдруг боднул пустоту и...

– Не-ет!!

В какие-то доли секунды перед его глазами одна за другой пролетели картинки из недавнего сна: вот и утёс, с которого ему суждено было упасть, вот море... да, но где же чёрт?

Фонтан грязно-вонючих брызг залепил стёкла бурым, декоративным ковром. При падении Александр не пострадал нисколько, возможно потому, что особенно-то страдать было уже нечему и, когда он открыл дверь, то убедился в том, что местная вода по вкусу и запаху абсолютно не напоминала морскую. Отплёвываясь, он вылез из кабины и кое как вскарабкался на осклизлую крышу.

– Господи! – в панике выпалил он. – Что же мне теперь делать-то? Я же не умею плавать! Люди, помогите! Я не умею плавать!

Внезапно Александр сделал неверное движение и, по-

скользнувшись, грузно плюхнулся в липкую грязь.

– А-а, господи! Вытащите ме.. буль-буль.. о.. ня отсюда! Тьфу, бль.. ТОНУ!!!

Ноги вдруг достали дно. Ручей, бывший некогда полноводной рекой, а теперь до краёв загаженный людьми, доходил ему только до пояса. Поняв это, пусть и не сразу, но поняв, Александр гордо выпрямился во весь рост.

– А-а, блин! – обрадовался он и перевёл дыхание. – Ну спасибо тебе, господи, выручил! Я спасён, чего нельзя сказать об этом уроде.

И он, словно ледокол, побрёл к суше, раздвигая могучим животом зелёную, дурно пахнущую тину.

Глава 21

Когда подъезжали к дому, Иван даже растрогался. Все-го-то пару дней отсутствовал в родных стенах, но и предположить не мог, как они ему, оказывается, дороги. Нет, воистину, чѐртовы приключения не по нему! Он хочет простой, скучной, размеренной жизни. Главное только, чтобы больше никто не влезал к нему в квартиру со своим свиным рылом.

На глазах даже навернулись слѐзы, когда он увидел возле подъезда никем не угнанную "копейку". Та преспокойно стояла на своём обычном месте и, судя по всему, без него никуда уезжать не собиралась.

– Ну вот я и дома! – восторженно прошептал он.

– Да, мы дома, сынок, – подтвердил Борис Трофимович и припарковался рядом с "копейкой".

Иван радостно выскочил из салона.

– Моя машинка! – проворковал он и любовно погладил своё сокровище по пыльному капоту, отчего ладонь его тут же приобрела замечательный грязно-серый оттенок. Вторая рука была занята важным делом, она изо всех сил старалась не выпускать трофейную сумку.

– Что, соскучился? – спросил полковник.

– Конечно! Целая и невредимая стоит, ну надо же!

– Ты так говоришь, будто год дома не был.

– Больше! Больше года! Век! Вечность я дома не был!

С этими словами Иван проверил, хорошо ли закрыт капот и тот неожиданно легко подался вверх, являя хозяину...

– А... где? – у него даже перехватило дыхание.

Борис Трофимович вылез из машины и подошёл поближе.

– Что где? – спросил. он.

– Где двигатель?

– Нету? Странно, – пробормотал полковник. – Ну, ладно, не переживай! Главное, это то, что ждёт тебя впереди.

– Опять сюрприз? – Иван со злостью захлопнул капот. – Может быть, уже хватит сюрпризов? Знаете, я, наверное, не удивлюсь, если вдруг и в квартире моей сейчас живут уже другие хозяева, а сам я давно числюсь на кладбище!

– Подожди, – ухмыльнулся Борис и, взяв его за локоть, оттащил от разграбленной машины.

– Чего ждать-то? Чего-о? Насколько я успел понять, ничего хорошего ждать уже не приходится. Трофимыч, ну ты сам посуди, это ж разве не уроды, а? Воруют средь бела дня! И куда только полиция смотрит?

Иван возмущённо взвалил сумку с наворованным добром на спину и, пошатываясь, зашагал к своему подъезду.

– Ты куда? – окликнул его полковник.

– Как куда? Домой.

– Что же, так и не хочешь ничего узнать?

– Что узнать?

– Ваня, ты многого не знаешь, – таинственно проговорил Борис Трофимович. – И мне так много тебе надо объяснить.

– Ну так объясняйте.

– Здесь не место. Пойдём ко мне. Пойдём, сынок.

– Слушай, Трофимыч, не надо меня сынком называть! Меня так даже родной отец никогда не называл.

Иван никак не мог уяснить себе, куда же всё время клонит полковник? Что этому старому хрычу от него нужно? Больше всего на свете в данный момент ему хотелось поскорее добраться до своей квартиры, посмотреть, что там ещё осталось и припрятать подальше заветную сумку.

– Дело в том, – вздохнул Борис Трофимович и как-то по детски шмыгнул разбитым носом. – Дело в том, Ванюша, что я... я и есть твой родной отец.

Иван, который уже хотел было повернуться и уйти, от неожиданности вдруг застыл на месте и даже выронил свою драгоценную ношу. Внутри что-то разбилось.

– Борис Трофимович, вы бредите, – сказал он.

Теперь настала его очередь одарившего спятившего полковника тем самым благодушным взглядом, которым совсем недавно тот одаривал его.

– Нет, сынок, это правда! – сокрушённо возразил тот и вроде бы как даже смахнул предательскую слезу."

– Да ну? – Иван снова закинул сумку на плечо.

– Поверь мне! Не хотел я вот так, нахрапом, но ты сам не оставил мне выбора. Сделай одолжение, поднимись ко мне и я тебе всё объясню. Это очень долгая история, так сразу и не расскажешь. Пошли. Тем более, что там нас уже ждут.

– Кто? – Иван издевательски усмехнулся. – Мама?

– Нет, не мама. Там твои сестры.

– Час от часу не легче! Ну ладно. Пойдём, поглядим на сестрёнок! Им, небось, лет по сорок уже?

– Сейчас увидишь! – обрадовался полковник.

Чуть помедлив, будто бы раздумывая, Иван всё же побрёл следом за новоявленным папашей. Не то, чтобы он был сильно заинтригован, Трофимыч-то явно не в себе сейчас. Ну, поймал бандита, когда-то убившего его сына, ну, попался Ванька Хламин ему на глаза, вот и понесло старика. Так пусть себе потешится, глядишь, выговорится, да и полегчает.

К пятому этажу Иван выдохся настолько, что полковник по-отечески закинул его на спину и волоком затащил на верхнюю лестничную площадку.

– Сестрёнки! – весело гаркнул Иван и бухнул кулаком по двери. – Эй, бабки, открывайте ворота! Брательник пришёл!

С той стороны немедленно послышались шаги и перед изумлённым взором Ивана предстала... кукла Барби. Нет! Белоснежка! А из-за плеча её выглядывала двоюродная сестра...

– Разыграли? – догадался он. – Шутите всё?

– Нет, конечно.

Александра приветливо улыбнулась и отошла вглубь прихожей, пропуская Бориса Трофимовича в квартиру. Тот уже и сам стенал и охал, поскольку сынок Ваня давно перестал быть первоклассником Витьком, некогда убитым бандитом

Александром грубой железякой по голове.

– Давай сумку, я подержу, – предложила Надежда, протягивая руку.

– Нет! – выпалил он. – Я сам! Я сам!

– Как хочешь, – пожала она плечами. – Я просто помочь хотела.

Ивана доставили в комнату и свалили на диван.

– Ну, здравствуй, братик, – приветливо сказала Александра.

– Привет, – пробухтел он довольно нелюбезно,

– Здравствуй, братик.

Это произнесла уже Надежда.

– Может, прекратим весь этот балаган? Честно говоря, мне уже до смерти надоели ваши дебилские приколы!

Иван испугался. Ему вдруг показалось, что все вокруг него сошли с ума, и что он сам сошёл с ума, что ещё немного и у него (вполне возможно!) окажется также и братик, в виде всё того же друга Санька, а японец Камикадзе, на самом деле является никем иным, как его двоюродным дедушкой по маминой линии. Да, кстати! А кто же тогда у нас мама?

– Вы все сумасшедшие! – закрываясь сумкой от толпы родственников, убеждённо произнёс он.

– Успокойся, Витенька, – с теплотой в голосе посоветовал Борис Трофимович и попытался приблизиться.

Этого Иван выдержать уже не смог.

– Отойдите от меня все! – заорал он благим матом и с

ногами забрался подальше на диван. – Идиоты! Всё! Всё!

Понимая, что допился до белой горячки, он заплакал. Эти люди решили убить его. А может это и не люди вовсе, а переодетые в людей, черти?

– Папа, мне кажется, уже пора, – сказала вдруг Александра.

– Да, ты права, – многозначительно ответил тот. – Самое время.

– Что пора? – в панике прокричал Иван. – Кто вы на самом деле?

– Мы твоя семья, – улыбнулась Надежда. – Мы хотим тебе только добра. Доверься нам. Начинай, папа.

Борис Трофимович глубокомысленно кивнул и подошёл к небольшому комоду. Выдвинув нижний ящик, он достал из него, отдраенный до блеска, кусок водопроводной трубы и скомандовал:

– Девочки, держите его!

Александра и Надежда мигом накинулись на, осатаневшего от ужаса, братика, и прижали его к дивану.

Иван сдался. Он понял, что является участником какого-то зверского ритуала, а эти недочеловеки на самом деле...

– Вы инопланетяне? – спросил он, еле двигая языком от страха.

– Нет, сынок, – ласково ответил Борис Трофимович и наотмашь саданул его блестящей трубой по голове.

Иван коротко вскрикнул и безвольно обмяк в добрых

сестринских руках.

– Ты думаешь, это поможет? – спросила Александра.

– Должно, – ответил полковник. – По-крайней мере, я очень надеюсь на это.

– А с тем боровом что?

– Мы его схватили, когда он наконец произнёс то, ради чего я и следил за ним всю свою жизнь.

– И что дальше?

– Сбежал, поганец.

– Как сбежал?

– А-а, пустяки, – отмахнулся Борис Трофимович. – Ему всё равно теперь не уйти. Кстати, ты всё рассказала Надежде?

– Всё, что успела. Как только получила твой сигнал, так сразу и рассказала. Самое главное.

– Это так необычно, – сказала Надежда. – Мне и в голову не могло прийти, что вы мой настоящий отец.

– Видимо, что ему тоже, – кивнул тот на истерзанного, избитого Ивана. – Но ничего! Вот сейчас очнётся, мы и посмотрим, удался мой эксперимент, или нет.

– А если не удался?

– Ну, тогда придётся ему ещё разок трубой стукнуть. По-сильнее. Может быть, тогда к нему, наконец, вернётся память и он вспомнит меня.

На глазах Бориса Трофимовича навернулись скупые мужские слезы и он отвернулся, чтобы дочери не увидели его

стариковской слабости.

Александр бодро шёл по автостраде. Солнце высушило его грязную одежду, тёплый ветерок выветрил тошнотворный болотный запах. По крайней мере, он давно перестал его чувствовать. Он не пытался сигналить проезжающим мимо машинам, справедливо полагая, что ни один водитель не отважится подвезти живое воплощение смерти. Вдобавок ко всему, Александр опасался, что его уже ищут, поэтому старался делать как можно меньше подозрительных движений. Он просто шёл вперёд и не оглядывался.

Войдя в черту города, бандит немного успокоился и, притворяясь бомжом(каковым, в принципе, уже и так являлся)побрёл глухими переулками. Он шёл к своей цели. Раз уж не вышло много лет назад, её предстояло добить сейчас. Сколько пороков соединилось в одном человеке! Хамская насмешка над святым чувством похмелья, предательство и это унизительно-грубое слово – КОЗЁЛ! Да ещё перед всем народом !

Нет! Такое не прощается!

– Как же я тебя сразу не раскусил? – гневно шептали его расплющенные губы. – Хотя столько лет прошло.И к тому же я думал, что он давно уже в могиле.

Прохожие тут же отводили глаза, когда он яростно зыркал в ответ на их любопытные взгляды. Но разве могли они понять его внутреннее состояние?

– Всё, тебе конец! – бормотал Александр. – Теперь уже

окончательно!

Он забыл обо всём на свете, включая жену, друзей и даже разрушенный дом. Перед глазами, выразительно подчёркнутыми внушительными гематомами, стояла одна единственная картина: он убивает Витю снова и снова! Тысячу раз подряд! Навеки веков! Аминь!

Иван смотрел какой-то цветной мультфильм, где миллионы разнокалиберных шариков с шумным свистом носились друг за другом. Сценарий, судя по всему, отсутствовал напрочь, да и фантазия художников оставляла желать лучшего, поэтому, в конце концов, сие бестолковое зрелище ему скоро надоело и он решил, что пора бы и очнуться.

– Он приходит в себя, посмотрите! – услышал Иван голос отца.

– Да, да, глаза открыл!

– Где я? – просипел он. – Что со мной случилось?

– Ты что, ничего не помнишь? – спросил Борис Трофимович и потянулся к трубе.

– Помню.

– Вот и хорошо, – улыбнулся полковник. Его рука замерла на полпути,

– Я же только пошутил, – оправдываясь, произнёс Иван. – Откуда я мог знать, что он такой нервный?

– Кто?

– Сашка.

– А что ты ещё помнишь?

– Да всё помню.

Иван осторожно приподнялся и пощупал голову.

– Болит? – посочувствовала Надежда. – Бедненький ты мой.

– Значит, это всё правда? – спросил он.

– Что?

То, что Трофимыч мой отец, Александра его дочь, а ты... Только вот...

– Что только?

– Только вот как ты можешь быть и моей сестрой и женой одновременно?

– Сынок, – улыбнулся полковник, – видишь ли, вы с Надей родные брат и сестра по маме.

– По маме? – воскликнул Иван. – Только не это! Тёща – моя мама?

– Да.

– Какой кошмар! Нет, хуже! Скажи, что это неправда, я прошу тебя!

– Это правда.

– Какой же ты всё таки! Мог бы и наврать, зачем настроение портить?

Иван обиженно надулся. Лучше бы он и не вспоминал ничего! Жил себе, не тужил и тут на тебе! Одна ужасная новость за другой!

– Ну, ладно, дети мои, – сказал Борис Трофимович. – Давайте-ка, присаживайтесь, и я вам расскажу всё по порядку

с самого начала.

Он подождал, пока "дети" усядутся и приступил к своему рассказу:

– В общем так. Кстати, Ваня, теперь, когда ты понял, что сначала ты был Витей, скажи, как тебе больше нравится, чтоб тебя называли?

– Я к Ивану привык.

– Хорошо, – с сожалением вздохнул полковник. – Иван так Иван.

– Можно просто, – Ваня.

– Ладно, не умничай. Так вот, когда этот бандит ударил тебя по голове, все сочли тебя мёртвым и, если бы не я, то ты, скорее всего, и в самом деле бы умер. Но тогда я ещё имел и власть и вес, не то, что сейчас – ни власти, ни веса.

– Да, ты похудел, – заметил Иван. – И постарел.

– Что, правда? – Борис Трофимович вскочил и и посмотрел в трельяжное зеркало. – Да-а, летят года. Старость не в радость. Эх, раньше-то я орёл был. Помню, однажды с дочкой генерала...

Тут он осёкся и нахмурил брови.

– Так, о чём это я? Ах, да! В общем, вытащили тебя врачи буквально с того света. Череп заклеили, шов наложили. Кровищи-то было – жуть!

– А что же ты тогда не пристрелил Санька-то? – поинтересовался Иван.

– Тогда я ещё не знал, что это он убийца. Ты не помнил

нихрена, всё мычал. И такая злость меня вдруг взяла! Представляешь, растил, растил сына, а он бац! Узнавать перестал. Вот паршивец!

– Кто? Я?

– Да не ты. Тот, кто память тебе отшиб. Короче говоря, посоветовались мы со Стёпкой...

– С кем? – удивился Иван.

– Ну, с мамой твоей, Степанидой. – пояснил полковник.

– Фу, меня сейчас стошнит!

– Так вот, определили мы тебя в одну бездетную семью.

К тем, кого ты до сего момента считал своими настоящими родителями и стал я думать и гадать, кто же убийца. В конце концов, у меня появились две версии.

– Какие?

– Ну, первая, про того же самого Александрова.

– А вторая?

– Вторая? Вторая была следующей: дескать, а не завёлся ли в городе этакий гастролирующий маньячище, который ходит и лупит подростков водопроводными трубами по головам?

– А как же отпечатки пальцев? Ну, этот...бандит, ведь должен был их оставить.

– Слушай! – удивлённо присвистнул Борис Трофимович. – Ты знаешь, а ведь я об этом как-то не подумал. Не до того было, всё разработкой версий занимался.

– Ну вот, – хмыкнул Иван.

– Ты прав, – почесал нос полковник. – Но... видишь ли, как тебе объяснить? Когда решаешь глобальные задачи, иногда забываешь о таких мелочах. К тому же, Александров мог именно эту трубу сдать в металлолом и, в любом случае, оставил бы на ней свои отпечатки.

– Ну да, как же! Дождёшься от него!

– Что, я не прав?

– Да он только пиво трескать горазд был. Сволочь!

– Ладно, забудем об этом. Что было, то прошло. Дело совсем в другом. Я забросил семью, мотался из города в город, всё маньяков вылавливал. И у каждого спрашивал, каким орудием убийства он пользовался. И никто, никто не признался! На всё это ушло целых десять лет. Жена с маленькой Надей ушла от меня к своему ботанику.

– А откуда же тогда Александра взялась?

– Я её удочерил. И обучил своему ремеслу. Когда я понял, что Александров и есть убийца, мне оставалось только найти доказательства, Кого я только ни подсылал к нему, лучшие мои агенты выбились из сил, но он не признавался. По моему заданию Сашенька вышла за него замуж, но и тут провал. Записи исповедей, которые передавал наш сотруник, работающий под попа, тоже не дали никакого результата. И тогда...

– Что тогда?

– Я, в принципе, давно подселил тебя к себе под бочок, женил на Надежде, чтобы любоваться на вас обоих.

– Так ты что, специально всё это подстроил? – изумился

Иван. – Зная, что мы родные?

– Есть грех, – улыбнулся Борис Трофимович. – Но на всякий случай мы следили, чтобы Надюша не забеременела. Госбезопасноеть всесильна!

– Ну, ты даёшь! И чё же мне теперь делать, в натуре?

– Честно говоря, я как-то об этом не задумывался, – замялся любвеобильный папаша. – Но я что-нибудь обязательно придумаю.

Александра с Надеждой сидели и слушали, разинув рты, особенно последняя, так-как многое узнавала впервые. И с каждым новым открытием всё больше и больше мрачнела. Она поняла, что Иван теперь, как муж, практически недосыгаем.

– Ладно, – тому не терпелось узнать, что же предпринял дальше его гениальный отец. – Об этом потом поговорим. Давай по существу.

– Узнаю моего умного мальчика, – умилился полковник.

– Спасибо.

– Пожалуйста. Ну так вот.

Борис Трофимович засиял, видимо, следующая часть его профессиональной деятельности вызывала в нём особенную гордость.'

– Всё началось с шахмат, – сказал он.

– При чём здесь шахматы? – удивился Иван.

– Я заметил одну твою довольно странную особенность,

сын. Понимаешь, когда ты трезвый, то все твои ходы предсказуемы, но вот стоит тебе выпить! Я иногда терялся в догадках, что же придёт тебе в голову в следующий момент. Ты настолько запутывал меня, что я понял – это от бога. Ну, в смысле, от меня.

Иван приосанился. Он и не подозревал о наличии в себе столь сверхъестественных способностей.

– Вот трезвый ты, – продолжал полковник, – самый обычный человек, я бы даже сказал, недалёкий, но чуть выпил – всё! Супермен! И вот что я придумал. Ну, временный разрыв с Надеждой, конечно, тоже моих рук дело и алкашей я к тебе подсылал...

– Но зачем, папуля? – непонимающе спросил Иван. Он чуточку обиделся на "недалёкого".

– Как зачем? Ты всё ещё не понял? Я решил довести тебя до такой кондиции, чтобы эта самая особенность проявилась с максимальной силой. .

– Во дела!

– Как же ты мог устроить наш развод, если я сама этого хотела? – спросила вдруг Надежда.

– Эх, дочка! Твоя мать хоть и ушла от меня, но свой долг перед нашей организацией выполняла свято. Вся твоя личная жизнь была продумана до мелочей.

– А про меня она знала?

Иван снова почувствовал рвотные позывы при упоминании о тёще-маме. Что-то отец темнит, не может эта бабища

быть его матерью.

– Может и не знала, а может, догадывалась, – задумчиво проговорил Борис Трофимович. – Но не это главное. В общем, когда нужная стадия наступила, я и устроил твоё столкновение с Александровым. Кстати, видок у тебя был ещё тот, когда ты приплясывал на моём балконе.

– Так ты был дома! – вскричал Иван. – Я ж чуть не рехнулся от страха!

– Так было надо, сынок.

– Что? Рехнуться?

– Остынь, – укорил его Борис Трофимович. – За твоими похождениями и день и ночь следили наши люди, так что за тебя я был спокоен.

– Хорошо, допустим, – кивнул Иван. – Это, конечно, всё фигня, что я почти инвалидом стал. Ты мне вот что объясни. А если бы Санёк так никогда и не рассказал бы мне про трубу и прочее, что бы ты тогда стал делать? А нельзя ли было просто взять и сразу огреть меня этой железякой по башке, как сейчас? Тогда бы вообще ничего не надо было придумывать, я бы сам всё вспомнил и сам тебе рассказал.

От удивления Борис Трофимович разинул рот.

– Слушай, сынок, – пролепетал он сконфуженно и тяжело опустился на, стоящий возле комода стул, – я об этом просто не подумал.

– Ладно, не казись, – ухмыльнулся Иван. – По крайней мере, я хоть немного развлёкся.

– Да, да! И не просто развлёкся! Знаешь, как тебя теперь наши называют?

– Как?

– Истребитель!

– В смысле?

– Так ты же за эти три дня столько всякой мрази на тот свет отправил! Истребил, типа!

– Ну... не совсем я.

– Какая разница? Видишь, как всё здорово получилось?

– Да уж, здоровее некуда.

– Ты так всё закрутил, что пальчики оближешь! Правда, несколько наших людей погибло, но разве стоит думать о единицах, когда творишь великое дело?

– Теперь-то уж, конечно, не стоит, – вздохнул Иван.

Александр увидел возле пятиэтажки знакомый автомобиль и радостно ощерился. Воистину, храни, господь, всех глупцов, по скудоумию своему забывающих об опасности. А сейчас он казался себе о очень опасным.

Квартира предателя и хама Ваньки оказалась девственно пуста, даже сломанную дверь и то утащили. Александр зло сплюнул и вышел н на балкон.

– Вот мать вашу! – выругался он. – Ладно, подождём здесь. Когда-нибудь ты явишься домой и я тебя убью!

На соседнем балконе вдруг щёлкнула задвижка, дверь открылась...

– А-а,сука! – заорал бандит.

– Мама! – Иван чуть не проглотил только что прикуренную сигарету. – Санёк, друг, это ты?

– Друг?! Сволочь ты! А ну иди сюда, падла!

– Не-а!

Иван отрицательно мотнул головой и бросился наутёк, видя, что Александр уже вроде как подумывает о том, каким образом ему оказаться на вражеском балконе.

Бандит глянул вниз.

– Нет, не полезу. Гробанусь, – решил он. – Чёрт! Что же делать?

Из квартиры вышел Борис Трофимович.

– Ну что, явился? – спросил он. – Сам пришёл?

– А-а, и ты тоже здесь? Ну чё, гражданин командир, давай молись, смерть твоя пришла!

– Да ну?

Следом за полковником возникла Надежда.

– А-а! И эта курва тут? Ну конечно, де же ей быть, как не с муженьком своим?

Александр разъярился настолько, что казалось, может убить одним взглядом. Но, когда за Надеждой вышла Александра, застыл на месте и вылупил глаза.

– Саша, а... а что ты здесь делаешь? – взволнованно спросил он.

– Не Саша, – деловито поправила она его, – а старший лейтенант Салупина Александра Борисовна. Понял?

– Нет, – растерянно ответил тот. – Объясни.

– Это мой отец.

Борис Трофимович отвесил лёгкий поклон.

– Это моя сестра.

Реверанс.

– А там мой брат.

Из двери показался "фак" в исполнении Ивана.

– А я тогда кто? – набычился Александр. При виде "фака" он снова вспомнил, зачем сюда пришёл.

– Ты? – переспросила Александра.

– Да, я!

– Головка от ...!! – выкрикнул Иван из комнаты.

– Заткните ему пасть! – рявкнул оскорблённый бандит. –

Или я сам ему заткну!

– Ха-ха! – Иван высунул голову в форточку. – Ну ты ска-
занул, приятель! Чтобы до меня добраться, тебе надо сначала
пройти этих троих!

При этих словах все родственники дружно перегляну-
лись и уставились на него. Подобная наглость поразила даже
невозмутимую Александру.

– Трус! – засмеялся бандит. – Ну давай, иди сюда! Один
на один, как тогда, в школьном дворе!

– Дураков нет!

Иван втянул голову обратно.

– Так я и знал! – победно заявил бандит и от дикого ду-
шевного ликования даже топнул ногой.

Дальнейшее вообще было трудно вообразить. Раздался

противный хруст, балкон, на котором ликовал Александр, вдруг просел и обрушился.

– А-а!–завопил он и примерно секунды через две замолк.

Правда, уже внизу.

– Ой, мамочки! – всплеснула руками Надежда. – Ужас-то какой!

– А что я вам говорил? – таинственно улыбнулся Борис Трофимович. – Истребитель!

– Точно, –подтвердила овдовевшая Александра.

Иван осторожно выглянул из комнаты.

– Всё закончено, сынок, – похлопал его по плечу полковник. – Я горжусь тобой!

– Мой балкон! – завопил тот. – Эта сволочь сломала мой балкон!

– Это ещё полбеды, – улыбнулась Александра и пальцем указала вниз,

– Моя машина!! – завопил Иван ещё громче.

Александр продавил "копейку" до самого асфальта, так что ремонту она уже явно не подлежала. Впрочем, как и сам бандит.

– Не переживай, – пожалела мужа Надежда. – Всё равно она уже старая была.

– Хорошо тебе говорить, а я без машины, как без рук. – проныл Иван и, шмыгнув носом, пошёл прочь с балкона.

За ним потянулись и остальные и у всех отчего-то было тяжело на душе.

– Столько трупов, – простонал Иван. – Как же мне всё это надоело! Там, на кладбище...

– Знаю, – сказал Борис Трофимович. – Мы их уже убрали.

– Да? Ну, хорошо. Блин, я, наверное, одни только несчастья приношу.

– Ты это брось!

– Что?

– Пессимизм свой. Надо оптимистом быть.

– Чтобы быть оптимистом, надо ходить с закрытыми глазами. А, ладно

Иван махнул рукой, подошёл к сестрам и обнял их за талии.

– Ну чё, бабы, давайте, что ли, шведскую семью организуем, в натуре?

– Легко, – Тут же согласилась Александра. – Кстати, за время супружества я скопила немножко денег, думаю, на пару лет безбедной жизни нам хватит.

– А это ничего, что мы родные? – задала Надежда давным давно наболевший вопрос.

– А, по фигу! – беззаботно ответил Иван. – У нас демократия. Свобода выбора.

– Ладно, ребятки, вы тут воркуйте, а я пойду, маму навещу, – с улыбкой сказал Борис Трофимович и направился к выходу.

– Какую маму? – не понял Иван.

– Ой, извини, забыл тебе сказать, – остановился тот. – Сте-

панида осталась жива. Правда, потрепало её здорово, но она скоро поправиться. Она разочаровалась в своём ботанике и решила вернуться ко мне. Твоя мать лежит вот в этой больнице, сынок.

Иван раскрыл рот, выпучил глаза, посинел и ничком повалился на пол.

– Это от радости, – усмехнулся полковник. – Ну, всё, пока...